

A person wearing a white hoodie and a black backpack stands on a paved road, looking up at a bright, circular light source in the sky. The background features a range of mountains under a blue sky. The text is overlaid on the image in a bold, orange font.

Роман Комаров

Космический учитель

Обычному парню Мише предстоит учить инопланетян земному языку. Дело непростое и требует большой выдержки. И только он более-менее вошел в рабочую колею, как начинаются неприятности: то астероид-убийца прилетит, то зеленые человечки примутся похищать людей, то администрация опять за нарушение дисциплины оштрафует.

Но хуже всего то, что Мише никак не удается разгадать загадку своей редкостной неудачливости. Может, в его бедах повинны коварные инопланетяне? Или Исконное Темное Зло? Он как учитель обязан во всем разобраться!

Глава 1.

Директор Космической школы языков, убеленный сединами профессор Виноградов, взглянув на меня, чуть нахмурил густые брови и принялся рыться в бумажках.

— Я отсылал резюме с биометрией вашему секретарю, — робко сказал я. — Еще неделю назад.

— Видел, знаю. Погодите, сейчас найду.

И он вытащил из старинной папки «Дело» с мохнатыми завязками черно-белые распечатки. Моя прекрасная голограмма, на которой я себе так нравился, превратилась в пятно, где нос неотличим от уха, а тело похоже на Сатурн со всеми его кольцами.

— Работаю по старинке, не доверяю всем этим летучим окнам, — ворчливо сказал профессор. — Итак, юноша, вы окончили Лингвистический университет в 2112 году. И что вы делали два года после выпуска?

— Занимался исследованиями, — бодро сказал я, лихорадочно думая, установлен ли в офисе школы дистанционный полиграф.

Нет, сказанное мной не было совсем уж откровенной ложью. Я исследовал. Исследовал возможности зарабатывать на жизнь, не сильно при этом утруждаясь. Сначала я открыл сетевой магазин по продаже цефеанских ротовых слизней для очистки языка и десен. Быстро прогорел. Потом организовал лотерею, главным призом в которой был стул-эвакуатор моего собственного изобретения. Я так и не понял, почему не нашлось желающих им завладеть. Мой стул был способен анализировать уровень тревоги владельца и в случае опасности первым удирал из помещения. По его поведению можно было понять, стоит ли спасаться или можно еще немного попить чай. Я с трудом продал три лотерейных билета — их все купил сосед, в благодарность за то, что я подтянул его брата по космолингве и спас от отчисления из Института биотехнологий, довольно престижного заведения, куда попадали немногие. Я сам туда не попал, если что.

Когда подходил к концу второй год моего сидения дома, отец поставил на холодильник код и отсек меня от питания. Я взял себя в руки, постригся, сходил в голографический салон и сделал приличный снимок, после чего сел составлять резюме. Вышло небогато. Пока я уныло менял формулировки, всплыло окно рекламы: «Горящие вакансии в Космическую школу языков. Если вы молоды, полны сил и хотите установить настоящий контакт с инопланетянами, спешите к нам!» Я и поспешил.

Дребезжащий голос профессора Виноградова вернул меня к реальности.

— У вас профильное образование, это плюс. Вы проходили практику преподавания языков?

— Да, на седьмом курсе. У меня высший балл за конспект урока.

— А с инопланетянами имели дело?

— Нет, только с людьми.

— Юноша, — сказал профессор Виноградов. — Вы понимаете, что наша школа — визитная карточка человечества? Мы не просто учим инопланетян связной речи. Мы открываем им окно на Землю! Это священная миссия, возложенная на нас президентом!

Дальше он еще много чего сказал, но я уже понимал: меня возьмут. С кадрами у школы

было плохо. С тех пор как карманные конверторы речи подешевели, интерес инопланетян к изучению человеческих языков упал. Школы начали разоряться одна за другой, сохранились только те, которые жили на правительственные дотации. А потом из-за неверного перевода чуть не случилась война между Землей и Проксимой-3, после чего появилась идея переоборудовать под школы старые туристические космолайнеры и облетать обитаемые планеты, привлекая клиентов с близкого расстояния. Ко всему прочему на таких кораблях работали неплохие спа-салоны. Языковой бизнес оживился. Стало не хватать хороших учителей, а потом — даже средних и плохих. Дошло до того, что языки инопланетянам преподавали все кому не лень. Теперь не лень стало и мне, а я, на минуточку, дипломированный переводчик с центаврианского и нозеанского. Правда, со словарем. Зато в совершенстве владею космолингвой.

Пока я делал вид, что слушаю профессора, а профессор делал вид, что говорит важные вещи, вошла секретарша и сказала:

— К вам Ульдмаар Секундус. С ним толстожал.

— В наморднике? — заволновался профессор.

Секретарша неуверенно кивнула.

— Тогда пустите. А вы, — тут профессор опять посмотрел на меня и соединил брови в одну непрерывную линию — собирайте чемодан. Катер школы будет ждать вас в космопорту «Бородино». Старт завтра, в шесть. Полетим вместе. Учебный план вам перешлют по почте, извольте ознакомиться.

— А зарплата? — спросил я. — С зарплатой-то что?

Профессор укоризненного покачал головой:

— Преподавание языков — это священная миссия...

— Стойте! Про миссию я уже слышал. Она ведь оплачивается, верно?

— Верно. Но вы должны понимать, что в нашем деле работают энтузиасты, которые живут языком, дышат им.

— А чем они питаются?

— Питание за счет школы, — торопливо сказал профессор. — Плюс сто кредитов за каждый проведенный урок.

— Сколько? — спросил я, не веря своим ушам. — Нет, спасибо, я лучше пойду.

— Стойте! Сто кредитов — это начинающим, а вам... положим, двести пятьдесят. И возможность перехода через год в административный состав, там оклад десять тысяч. Не все на Земле такие деньги получают.

«Да уж, не все», — подумал я, а вслух сказал:

— Уговорили. До встречи, профессор!

На выходе я столкнулся нос к носу с молодым центаврианином, который катил за собой на биоверевке огромную тушу толстожала. При виде меня толстожал откинул дыхательную крышку и впрыснул в воздух слабый нейропаралитик. А я взял и не отравился, потому что с утра принял на всякий случай три таблетки антидота. Мама беспокоилась, что я могу надыхаться в приемной школы инопланетных газов, и пыталась скормить мне все содержимое нашего аптечного ящичка. Я уговорил ее выбрать что-то одно и, как ни странно, оно пригодились!

— Ты простить мной животная, — послышался пропущенный через речевой конвертер голос центаврианина. — Быть голоден, потом сушь. Нервический полюс незнакомства.

— Да ничего, ничего, — сказал я, отступая к двери и не выпуская тварь из поля зрения.

Обычно после распыскивания яда толстожал выстреливает в жертву парой-тройкой забрюшных игл. Но в этот раз обошлось, и я сумел выбраться из офиса целым и невредимым. Вообще давно шла речь о том, чтобы запретить центаврианам привозить на Землю толстожалов, на этой почве шли мощные распри в Галанете. Многие, и я в том числе, считали, что пора уже начать ущемлять права инопланетян, хотя бы в отношении выгула опасных питомцев.

Дома я открыл файл с учебным планом и немного приободрился. Мне предстояло вести уроки человеческой культуры в группах инопланетян, уже немного владеющих космолингвой. Двадцать голосовых часов в неделю, шесть — на контрольные работы, в конце — зачет. Я должен рассказать про освоение людьми космоса, про национальные обычаи Доминиона и обязательно разучить песню — на выбор из списка. В моей группе было трое гуманоидов — центаврианка, альдебарранец и цефеанин, а также четверо негуманоидов — маточный рой шуршунов из системы Проциона, ретро-хордовый шар с Бетельгейзе, полууксовый волножитель и гигантская бактерия с Проксимы-3. Я уже их боялся. Особенно волножителя — об этих существах мало что известно, и видны они только в специальных очках, которые преподавателям не полагались.

Подготовка первого, пробного урока заняла у меня остаток дня. Вещи я собирал в страшной спешке. Впрочем, что мне могло понадобиться на космолайнере? Три комплекта одежды, самоочищающееся белье, гигиенический набор, пульсопланшет — все это уместилось в небольшой рюкзак. Последним я сунул слегка плешивый глобус на деревянной подставке. Украшу им преподавательскую каюту.

Уже на катере я вспомнил о том, что не попрощался с Катей. Мы вроде как пробовали встречаться, но после провала лотереи она стала реже звонить, а потом и вовсе пропала на несколько недель. Вот она удивится, когда я ей пошлю голограмму с моего нового места работы! Может, поймет наконец, что у меня большие перспективы.

Подлетая к космолайнеру «Богатырь Микула Селянинович», катер заложил крутой вираж, и я больно ударился лбом об иллюминатор, в который смотрел безотрывно, потому что сидящий рядом профессор Виноградов уже битый час трещал про важность транслингвистической экстраполяции и метаязыковой дистинкции. В студенческие годы я прогуливал теоретические дисциплины — все равно чушь несусветная. Практика куда важнее. Да и вообще, чем больше умных слов, тем меньше смысла. Думаю, с таким подходом из меня получится незанудный учитель языка.

По прилету меня взял в оборот менеджер Николай, юркий парень с повадками уличного зазывалы, который показал мне учительскую каюту, аудиторию, звуковые тренажеры, столовую, кинозал, спа-отсек и святая святых — туалет для инопланетян. В столовой я мельком увидел капитана, грузного мужчину неопределенных лет. Он наслаждался ужином в окружении помощников и что-то вещал, размахивая вибровилкой, на которую был насажен центаврианский лжеарбуз, деликатес, поедаемый живьем. Лжеарбуз шевелил усиками и пытался сбежать. Помощник капитана слегка придерживал его мизинцем, дожидаясь, пока шеф перейдет от слов к делу. Я напрягся. Если тут подают к столу такое, долго я не протяну. У меня стойкая аллергия на инопланетные продукты. Да я только от одного их вида покрываюсь сыпью! Дурак я, дурак! Надо было взять с собой запас тушенки.

Коллеги мне тоже не очень понравились. Нет, они приняли меня дружелюбно, но по ним было видно, что работа их изрядно утомила, и если бы они могли, то оказались бы в тысяче парсеков от этой школы. Одна из преподавательниц истории человечества, красавица

Мелани Меррик, крупно написала голографическим маркером «беги!», и рассмеялся только я один. Тем временем менеджер Николай развернул множество виртуальных окон и принялся знакомить меня с материально-технической базой: учебниками, рабочими тетрадями, коллекцией картинок, видео, музыки и учебных игр. Я получил доступ второго уровня к базе данных школы, и теперь мог видеть, кто кого учит и какие замены в расписании будут в ближайшие дни. Внезапно мне стало так грустно, что хоть волком вой. Я ушел из учительской, залез в спальный отсек в каюте и попытался забыться во сне.

На свой первый урок с инопланетянами я едва тащил ноги. Меня била дрожь, хотелось бросить эту работу и удрать домой, на Землю. С чего начать? С повторения алфавита? Сразу с песни? По плану у меня было знакомство, потом слайды из музея культур Доминиона с подробными комментариями, но теперь я был готов все поменять в последнюю секунду. В желудке засвербело, лоб покрылся холодным потом. Что они подумают о человечестве, увидев меня? Опозорю всех, от Адама до недавно избранного президента Доминиона Расула Махмудова.

Я сделал глубокий вдох и открыл дверь в аудиторию. Двести двенадцать пар глаз, восемь световых отверстий, три бинокюляра и один монохромный спектрометр уставились на меня.

— Здравствуйте! — неуверенно сказал я.

Ученики подхватили приветствие каждый на свой лад. Центаврианка поклонилась, альдебаранец направил в мою сторону струйку конденсата, цефеанин лег на пол, шар выкатился из-за стола и пропищал несколько слов на родном языке, рой оживленно жаждал, а бактерия равнодушно махнула стрекательным жгутиком. Волножителя нигде не было видно, но в списке присутствующих он отмечился, значит, затаился рядом.

— Давайте познакомимся. Меня зовут Михаил Смирнов, я ваш новый учитель человеческой культуры и космолингвы. А как вас зовут? — обратился я к цефеанину, все еще лежащему на полу.

— Нрд Пркж Ммв, — ответил он, привставая и стряхивая с боков отмершие чешуйки. — Учитель очень Михаил мне приятно.

Хоть в его сертификате и было заявлено знание космолингвы на базовом уровне, некоторые пробелы в грамматике заполнить бы не помешало.

— Приятно познакомиться, — улыбнулся я как можно шире, и с ужасом заметил, что шар с Бетельгейзе распахнул зубастую пасть и щерится в мою сторону с нескрываемым аппетитом. Рука сама собой потянулась к тревожной кнопке на пульсопланшете. Спокойно, Миша, спокойно! Шар травоядный, если верить Галакипедии, а она, как известно, врет только избранным. Я повернулся к центаврианке и спросил:

— А как вас зовут?

— Мармала Хтриошма, — нежно пропела она. — Вы знаете, я в этом классе по ошибке. Мою группу расформировали, а меня временно перевели к вам. Давайте я ходить не буду, просто отмечусь и уйду?

— Так дело не пойдет! — сурово произнес я, давая понять, что никому спуску давать не намерен, тем более что моя зарплата косвенно зависела от количества народа в группе. — Я вам буду давать задания повышенной сложности. Можете пока написать эссе на тему «Космос как пространство дружбы». Сто пятьдесят строк. На космолингве, конечно.

Центаврианка вздохнула, развернула виртуальное окно и принялась с кислым видом набирать текст. Толстожал под ее столом вздрагивал во сне. Она беспечно пинала его пятью

правыми и шестью левыми ногами.

— А как вас зовут? — обратился я к альдебарранцу. Его бионический скафандр напоминал средних размеров гроб с соплами в разные стороны.

— У, — глухо сказал альдебарранец.

— Гм, очень приятно.

Хорошее все-таки имя. Коротко и по делу. Посмотришь на такого, и сразу ясно, что перед тобой У.

Рой шуршунов нетерпеливо летал вокруг своей парты. От их гудения у меня начала болеть голова.

— Как вас зовут? — спросил я, обращаясь сразу ко всем, и вскоре пожалел о том, что вообще открыл рот.

— Гж, — сказал один шуршун.

— Дж, — сказал второй.

— Мж.

— Вж.

— Бж.

— Зж...

Все заскучали уже на тридцатом шуршуне. К сотому альдебарранец затрясся в своем скафандре, а цефеанин высунул раздвоенный язык и принялся поглаживать им нижние веки. Говорят, так они обычно делают перед боем.

— Спасибо, — прервал я шуршунов. — Очень и очень приятно. Правда. Дознакомимся в следующий раз. Вы только не забудьте, на ком мы остановились.

Рой разделился на две части: представившиеся отлетели в одну сторону, непредставившиеся — в другую. Я повернулся к бактерии и попробовал наладить с ней контакт, но она упорно молчала, покрывая парту серой слизью. Пришлось отстать.

— А я Снорри, — пискнул шар и мигнул бинокулярами. — Как я так что но Снорри. Быстро Снорри. Я тут и тут и Снорри. Как вы Снорри и не Снорри?

— Эээ, что? — спросил я озадаченно.

— Шибко Снорри но я и я. А вы Снорри где. Вот Снорри сюда кто в чем.

— Понятно, — быстро сказал я, ища глазами волножителя. — Шпыщ, вы тут?

— Тттаааааа, — раздался шепот с дальней парты. — Ссссдеееееесссс.

Я бодро хлопнул в ладоши:

— Отлично, все на месте. Давайте начнем. Тема сегодняшнего урока — известные земляне.

И я вывел на общий экран фото Гагарина.

— Съедобно? — спросил цефеанин.

— Половой житель, — заявил шар с Бетельгейзе. — Размножений. Половой размножений. Желать знать все половой размножений. Желать делать здесь половой размножений. Снорри желать.

Я невольно попятился к стене, заслоня собой Гагарина.

— Это, — сказал я дрожащим голосом — пионер космоса. Он открыл человечеству красоту безвоздушного пространства. Его знают все на Земле. Его именем названы города и села, улицы и площади. Давайте посмотрим короткое видео.

— Половой размножений! — упрямо твердил шар. — Сейчас!

— Послушайте, Снорри. Половое размножение — это непростая тема для землян.

— У вас с ним проблемы? — заинтересовалась центаврианка. — Можно я лучше об этом напишу эссе?

— Нет, — рявкнул я. — Никаких проблем нет. Но мы обычно в аудиториях такое не обсуждаем.

— Почему? — спросил цефеанин. — Мы хочу знать. Показывай быстро. Тема урок меняй-меняй.

— У! — веско добавил альдебарранец, привставая со своего места.

К такому меня жизнь не готовила. Я убрал Гагарина и развернул медицинский плакат с изображением кровеносной системы человека. Пожалуй, бегло объясню про разницу полов и плавно переползу на биологически нейтральные темы.

— Вот тут вы видите человека... кхм, в разрезе.

— Съедобно? — спросил цефеанин.

— У! — прогудел альдебарранец.

— Не половой житель, — разочарованно сказал шар, откатываясь подальше. — Снорри грусть плохо.

— Извините, Михаил, а вы уверены, что показываете верный плакат? — спросила центаврианка, вращая глазами против часовой стрелки. — Мне казалось, ваше размножение предполагает наличие двух особей, а тут одна.

— Все верно, но я сначала хотел подготовить вас, дать базу, — смутился я. — Здесь находится сердце, оно направляет биологическую жидкость, называемую кровь, к разным органам. В том числе к половым. Они ниже.

— Сссссертссеее тебе ни хочиццца пакойаааа, — вдруг запел волножитель.

— Спасибо, Шпыщ, — сказал я. — Вы верно заметили, что сердце играет важную роль в организме человека.

Пока я махал руками, изображая сокращение желудочков, бактерия на первой парте вдруг обмякла. Ее края встопорщились и начали скручиваться, а вакуоли и прочая начинка полезли наружу.

— Вам плохо? — в тревоге спросил я. — Вызвать врача?

— Не стоит, — сказала центаврианка. — Она собралась делиться.

— Делиться? С кем? Черт... то есть размножаться, да? Прямо здесь?

— Она предпочитает делать это на уроках. Говорит, тут удобнее.

Тем временем от бактерии начали отпочковываться комки слизи, в которых угадывались очертания будущих взрослых особей. Шар подкатился поближе, разинул рот и принялся их поедать.

— Снорри! Как вы можете?! Прекратите немедленно! — закричал я. На моих глазах совершалось жуткое убийство инопланетян.

— Фто не так? — спросил шар с набитым ртом. — Снорри вкусно. Голоден и немного жрать. Против? Снорри завтрак нет потом да потом нет.

— Учитель Михаил переживать совсем вряд ли, — успокоил меня цефеанин. — Дети еда. Много дети много еда. Пробовать-угощаться.

Услышав это, рой шуршунов стремительно вылетел из аудитории, а альдебарранец приоткрыл в своем гробоскафандре небольшое отверстие и стал всасывать в него новорожденных бактерий. Те отчаянно пищали и пытались уцепиться за мебель. Я снял с себя рубашку, встал на колени и принялся собирать в нее малышей. Центаврианка и цефеанин наблюдали за мной с любопытством.

— Михаил, что вы делаете? — поинтересовалась центаврианка.

— Не видите? Спасая бактерий!

— А вы, надеюсь, в курсе, что они для вас ядовиты?

Я отшвырнул рубашку с бактериями подальше.

— Кроме того, по Уложению Проксимы-3 все рожденные вне родной планеты бактерии подлежат немедленному уничтожению как бракованные. Так что дайте ребятам спокойно поесть.

Ко мне подкатился шар, заглянул в глаза и проскулил:

— Половой размножений пожалуйста. Очень надо. Снорри сейчас. Потом невозможно.

— Нет, — твердо сказал я. — У нас... у нас время кончилось. Всем спасибо, увидимся завтра.

И я стремительно выбежал из класса, оставив инопланетян в недоумении. В учительской меня встретили аплодисментами.

— Мы наблюдали за тобой по трем камерам! — сказала красавица Мелани. — Ты был просто великолепен. Особенно когда снял рубашку.

Я густо покраснел. Позор-то какой! Стыдобища! Под рубашкой у меня была дедовская майка-алкоголичка, талисман на удачу. Я надевал ее на все важные мероприятия, и обычно мне везло. Но не сегодня, не сегодня.

— А лихо ты им задвинул про сердце! — похвалил завуч, Клеман Леклер. — Вот она, истинно землянская находчивость.

— Да-да! — хором грянули остальные. — Молодец!

Благодаря, кланяясь и пожимая руки я планомерно пятился к двери. Через пару мгновений я оказался в коридоре и рванул в сторону каюты. Мне хотелось провалиться сквозь пол и очутиться в открытом космосе. А еще лучше вернуться домой. Я готов на любую работу — хоть вибровилки мыть в придорожном кафе, лишь бы подальше отсюда. Я резким движением развернул экран и стал набирать текст заявления об увольнении по собственному желанию.

С каждой минутой моя решимость падала. Уволюсь, и дальше что? Родители затерроризируют, Катя окончательно отморозится. Денег нет, работы нет, моральный дух на нуле. Нет, надо попробовать продержаться хотя бы еще один денек. Может, втянусь.

Я решил вернуться в учительскую. Сделаю вид, что не сбежал, а просто пошел за глобусом. Он украсит мой личный стол и будет напоминать о светлых днях, проведенных на родине. Можно и на урок взять в качестве наглядного пособия. Схватив глобус, я вышел в коридор и похолодел от ужаса. Шар с Бетельгейзе, непринужденно катаясь туда-сюда, поджидал меня у лифта.

— Что вы тут делаете, Снорри? — спросил я как можно любезнее. — Заблудились?

Но шар проигнорировал мой вопрос. Внезапно из него полезли тонкие щупальца. Они обвились вокруг глобуса и потянули его к себе.

— Это мое! — пропыхтел я, пытаюсь вырвать собственность из лап инопланетянина.

— Размножений! — шипел тот. — Мой размножений. Дать. Сноррии!

— Пустите, это просто глобус.

— Глобус размножений! Давать сейчас и навсегда. Подарок. Любовь сильный. Нуждаться. Мечта каждый Бетельгейзе.

— Мне он тоже нравится, — не сдавался я. — Уберите щупальца! Я спешу.

— Тогда продать, — деловито сказал Снорри. — Два ноль ноль ноль ноль кредит.

Доволен и счастлив?

И тут я реально стал доволен и счастлив. Двадцать тысяч кредитов за какой-то старый, облезлый глобус? Да не вопрос!

Снорри щелкнул в воздухе щупальцем, и пульсопланшет завибрировал. Пришло сообщение из банка о зачислении на мой счет внушительной суммы. Я вручил глобус Снорри, и тот, высоко подпрыгивая, скрылся с ним в лифте.

Я махнул ему вслед и вернулся в свою каюту. Развернул рабочие окна, тут же отправил заявление на увольнение профессору Виноградову. Потом сел и написал письмо соседу Аркаше: «Есть тема. Помнишь, ты мне подарил глобус на день рождения? Сможешь достать таких еще? Жду ответа. Завтра прилечу домой».

Кажется, скоро я заживу как человек. Ждите меня, благодарные шары с Бетельгейзе! Я приеду к вам с глобусами. Доступные цены. Гарантия качества. В кредит и в рассрочку. Без наценок, от производителя. Оптом — дешевле.

Глава 2.

В прекрасном настроении я отправился в столовую. Жизнь улыбалась мне, аргонные лампы приветливо светили, встречные студенты, издали завидев учительский стикер на моей рубашке, по мере сил выражали почтение. Летящей походкой я вошел в переполненный зал. Очередь к раздатку была такой длинной, что занимала все свободное пространство между столами. Учителя особых привилегий не имели, и я встал в конец. Передо мной шевелил выхлопной трубой толстый нозеанец, похожий на помесь древнего земного трактора и картошки сорта гигант скороспелый. Сразу видно, выходец с сельскохозяйственной планеты.

— Ffnapple vwwprokaaaz? — вежливо поинтересовался я. По идее, это должно было означать «Вы последний?»

Нозеанец повернулся ко мне и хрипло спросил:

— Cho?

— Vwwprokaaaz ffnapple, — уточнил я, смутно припоминания, что в нозеанском от перестановки слов местами стремительно растет градус вежливости. А я хотел быть с ним вежливым. Тем более что его выхлопная труба уже упиралась мне в грудь.

— Чо надо? Не понимаю я по-вашему, — буркнул нозеанец. — Вон там конец очереди.

И он махнул всем телом в противоположную сторону зала. Благодарить пришлось уже на космолинге. Да, основательно я подзабыл языки. Впрочем, они мне и не понадобятся, а на Бетельгейзе полечу с переводчиком, для солидности и престижа. Глобусами торговать — это вам не шутки!

Пока я стоял в очереди, рядом со мной разыгралась настоящая драма. Двое центавриан пытались съесть земной бутерброд с колбасой. Сначала они его ощупали, вынули колбасу, потыкали в нее вибровилкой, потом в недоумении переглянулись. Колбаса не желала двигаться, она вообще не подавала признаков жизни.

— Мертвая еда? — в ужасе спросил один.

— Может, просто оглушенная? — предположил второй.

— Но где ноги? Почему не убегает?

— Давай подождем. Вдруг ей требуется время, чтобы освоиться?

— Давай.

И они принялись ждать, с надеждой поглядывая на колбасу. Прошло десять минут — ничего не поменялось.

— Она умерла, — уныло заключил первый центаврианин. — Придется выбросить.

Горе на их многоглазых лицах было неподдельным. Целых тридцать кредитов толстожалу под хвост! На Центавре принято есть только то, что шевелится, убегает и активно сопротивляется, попав в рот. Конечно, довести колбасу до такого состояния школьные повара не были способны. Для того-то и придумали отдельное меню: плотоядным расам — одно, травоядным — другое, металлоядным — третье. Людям, согласно традиции, комплексный обед с напитком. Центавриане или ошиблись с заказом, или хотели расширить свои представления о культуре Земли.

Мне стало жаль их.

— Друзья, — сказал я. — Это очень медленный продукт. Он ползет со скоростью миллиметр в час.

— Беззащитный, — тихо сказал второй центаврианин. — Не борется за свою жизнь.

— Отчего же? Борется, еще как! — заверил я. — Если его оставить на несколько дней в одиночестве в теплом месте, а потом съесть, он покажет свой буйный нрав. Поэтому мы, земляне, предпочитаем не дожидаться проблем, и едим его, пока он смиренный.

Центавриане оживились, разделили колбасу пополам и принялись энергично жевать.

— На вкус как маринованные почки мю-мезонов, — сказал первый.

— Больше похоже на верхнюю фалангу гастрочервя, — задумчиво откликнулся второй.

Я поежился. Пожалуй, с центаврианской кухней экспериментировать не буду. Моя жизнь только начала налаживаться, а гастрочервь мог запросто вернуть ее на прежний уровень.

Тем временем стоящие передо мной зашевелились, и я продвинулся вперед на пару шагов. По сравнению со мной колбаса была истинным бегуном. Я уже подумывал о том, чтобы вернуться в каюту несолоно хлебавши, как меня окликнула Мелани.

— Михаил, что ж вы там стоите? Идите к нам.

Почти все учителя находились в паре метров от раздатка. Расталкивая возмущенных инопланетян, я двинулся вперед.

— Раздавить мой сестра! — заверещал кто-то под ногами. — Мой любимый левый сестра! О горе!

Я посмотрел вниз. Похожий на жука неизвестный мне инопланетянин, держа на весу сломанную лапку, катался по кафельному полу. Кажется, он серьезно ранен!

— Простите, просите, — бормотал я, пытаюсь загнать жука на ладонь. — Я отнесу вас в госпиталь.

— Ах, бросьте! — сказал стоящий рядом интеллигентного вида серебристый вислоног с планеты Ом. — Вы не первый, кто отдал ему сестру. У него новые вырастают.

— Но ему же больно!

— Вовсе нет. Смотрите, он уже ест ваш ноготь.

И действительно, пока я разговаривал, жук обнял несломанными лапками мой палец и принялся за дело — обгрыз сверху ногтевую пластину.

Я сбросил его на пол и решительно зашагал прочь. Мелани с озабоченным видом листала меню. Другие учителя уже взяли обеды и разошлись по столикам.

— Чем кормят? — поинтересовался я.

— Земная кухня сегодня не очень — старший повар заболел. Поэтому только бутерброды. С сыром не бери. Он из молока псевдобыков.

— Кого?

— Это такие сороконожки с Ганимеда. Очень удойные, потому молоко дешевое. Тут на всем экономят. Я один раз взяла пюре с котлетой, а она оказалась из мяса щелезубых сосонят. Представляешь?

— Нет, — сказал я, с опаской глядя в меню. — А что тогда брать?

— Лично я худею, — заявила Мелани. — Поэтому возьму только сок. Его хотя бы делают из земных порошков.

Да уж, если травиться — так родным, отечественным. И все же я рискнул и взял бутерброд с курятиной. На вкус она была, как картон, зато характерно распадалась на волокна, никуда не пыталась сбежать и пахла весьма достоверно. То есть почти ничем не пахла, в отличие от нозеанцев, которые сидели за соседним столиком и усиленно пыхтели, по очереди пытаясь затолкать в необъятные рты колючий плод двудомной водоросли кибищу.

Вернувшись в каюту, я увидел голосовое сообщение от секретаря профессора Виноградова.

«Прошу срочно явиться в офис 320А. Третья палуба. Код доступа — ФФФ1».

Началось, подумал я с грустью. Сейчас будут умолять остаться, рыдать, обещать повысить зарплату на целых пятьдесят кредитов в месяц. Как отбиться, что сказать? Не справился с обязанностями, прошу отпустить на вольные хлеба? Дома заболела двоюродная собачка зятя сестры мужа, и надо срочно лететь к ней в больницу? Ладно, что-нибудь придумаю по дороге.

Проходя по третьей палубе, я мельком увидел, как Снорри демонстрирует собравшимся вокруг него удивленным шарам мой бывший глобус. У меня сразу отлегло от сердца. И да, пожалуй, буду врать про собачку. Страшно больна, без меня никак не выживет.

Набрав код доступа, я вошел в приемную. Секретарша, грузная женщина с перманентом и в роговых очках, властно указала мне на стул. Я сел. Я насторожился. Образ умирающей собачки медленно гас в моем сознании.

— Михаил Евгеньевич? — спросила секретарша строгим голосом. Таким обычно зачитывают права перед арестом.

— Он... То есть я. Да, это я.

— Мы получили ваше заявление об увольнении. Что вы можете на это сказать?

— Что я увольняюсь, — пролепетал я. — Чрезвычайные обстоятельства. Мне жаль.

— Вам жаль? Чего?

— Ну... увольняться.

— Так не увольняйтесь! — грозно сказала она. — Вы понимаете, в какое положение нас ставите? В школе сорок ставок людьми не охвачено. Работаем в три смены! Вы подставляете коллег!

Я молча изучал ковер под ногами. Интересный все-таки узор. Цветы, птицы. И ворс хороший, добротный, еще не притоптан.

— Почему молчите? — прогремела секретарша.

— Давайте вы меня просто уволите, и я пойду, — сказал я. — Мне правда очень надо домой.

— Вот так, да? Хорошо же! Зайдем с другой стороны. Вы читали наш контракт?

И тут у меня засвербело под ложечкой. Не читал! Подписал не глядя. И как его прочитать, он же огромный, как собрание сочинений первого президента Домининона. Двадцать семь томов, плюс дополнительный, с комментариями редактора, письмами

читателей и справочным аппаратом.

— Читал, — проглотив комок, соврал я. — Местами.

— Так вот, там в некоторых местах, — последнее слово она выделила особо — написано, что вы обязаны отработать два месяца, прежде чем увольняться.

— Сколько? Почему так много?

— Я бы этот срок только увеличила, — сказала секретарша, скрещивая мощные руки на груди. — Извольте выполнять условия контракта.

— Это же рабство какое-то! — закричал я. — А если меня дела зовут на Землю, что тогда?

— Тогда платите штраф в размере десяти месячных зарплат.

Денег на штраф у меня не было. Конечно, если всерьез взяться за глобусы, я быстро себя выкуплю, но их сначала надо где-то добыть, потом привезти на Бетельгейзе. И я в отчаянии застонал.

Секретарша равнодушно смотрела на мои страдания. Вот ведь вредная! Может, заплакать, вдруг ее проймет? Нет, она целиком и полностью сделана из армированного шлакобетона. Такая отдавит жуку всех его левых и правых сестер, и ухом не поведет.

Я встал, выпрямил спину и твердо сказал:

— Заявление забирать не буду. Отработаю два месяца и улечу.

Я хотел красиво, гордо выйти из приемной, но споткнулся о складку ковра, влетел в открывающуюся дверь и отшвырнул к стене Снорри, который пытался вкатиться внутрь. Будь там ворота, получился бы неплохой гол.

— Батюшки! — вопил Снорри, беспорядочно вращая бинокулярами. — Болезня! Тела нестерпимый поверхность рана! Снорри ой-ой-ой!

Видно, сегодня на календаре день покалеченных инопланетян. Я встал, отряхнул штаны, потом схватил шар, впихнул его в приемную и направился в каюту. Проиграна битва, но не война. Ничего, потерплю пару месяцев, а там — рвану на свободу, к деньгам, славе и благополучию.

И опять меня ждало письмо! Это уже становится традицией: чуть я за порог — мне в ящик валится корреспонденция. Наверное, Аркаша прислал ответ. Закупил глобусы и ждет от меня предоплаты. Взволнованный, я развернул окно и увидел, что письмо от Кати. Ага, соскучилась! Не зря я морил ее молчанием. Как говорил один древний поэт, чем меньше женщине мы пишем, тем больше пишет нам она. Или что-то в этом духе.

«Мишка, привет! Ты почему уехал, ничего не сказав? Почему не отвечаешь на звонки?»

Хорошее начало, многообещающее. А перезванивать я все равно не буду. Межпланетная связь стоит таких денег, что дешевле голубей друг другу посылать. Я невольно представил себе голубя в скафандре: вот он с запиской в турборанце упорно летит к Земле, обгоняя кометы. Неплохая идея! И романтично, и на пике технологий. Поразмыслив об этом немного, я нехотя вернулся к письму:

«Я тут поговорила с Аркашей, кстати, мы теперь встречаемся, и он утверждает, что ты решил торговать глобусами. Ты что, идиот?»

На минуту я забыл, как дышать — ртом или через альдебарранские сопла. Или может, не стоит дышать совсем. Катя меня бросила. Бросила! Сама! А я ведь хотел сделать это первый. То есть не хотел, конечно, но если бы захотел — я бы ее опередил. И что теперь? Она ушла — и к кому?! К Аркашке, к этому одноклеточному микроцефалу! Он же до сих пор считает, что на Марсе есть жизнь! Он едва ворочает языком! Он никогда не учил

инопланетян!

Зато у него есть собственная квартира, реактивный флэш-кабриолет и солидный счет в банке. Вот значит, как, Катя? Променяла меня на презренную воблу капитализма? Я искал, по чему бы мне стукнуть кулаком, но все было жалко. Столик казенный, пульсопланшет новый, рюкзак вообще трогать нельзя — скоро пригодиться. Куда же деть мой гнев? И я зарычал — как зверь, волк или, скажем, медведь. Да, больше было похоже на медведя. Мне понравилось, и я еще немного порычал. Потом продолжил читать.

«Так вот, о чем я подумала. У меня есть глобус Луны. Хочешь, продам? Недорого, как старому другу. Заинтересуешься, пиши. Катя»

И это все?! Я поддернул пальцем край окна — вдруг там внизу какой-нибудь постскрипtum. Система, видя мои страдания, показала подсказку: «конец сообщения». Нет, дорогая система, тут другое — конец любви! А так хорошо все начиналось.

С другой стороны, Катя подала мне прекрасную идею. Ведь можно развернуться с небывалым размахом! Глобус Земли — товар широкого потребления, масс-маркет, попса. А глобус Луны — эксклюзив, штучка на любителя. Буду предлагать его искушенным шарам, знающим толк в моделях планет. Всегда надо быть на шаг впереди потребителя. Они только вошли во вкус, а я им — новинку, новиночку!

Но радуга, засиявшая перед моим внутренним взором, вдруг съежилась и исчезла. Мне припомнились уроки астрономии, на которых наш учитель Лука Небоходов темпераментно рассказывал о Луне и ее географии: о море Кризисов, заливе Суровости и озере Одиночества. Вот где-то там я и оказался — на депрессивной стороне заштатной планетки. Я расставался с девушками не раз, но с особой жестокостью меня бросили впервые. Дома, на Земле, я бы, конечно, рванул в ближайший клуб и забылся, но в школе забываться было негде и не с кем. Закрутить роман с центаврианкой и ее толстожалом? Пофлиртовать с бактерией? Очаровать медузу-горгону-секретаршу?

Вздвогнув, я выплыл из моря Кризисов и сел на берегу обсушиться. Если не брать в расчет разбитое сердце, дела идут в целом неплохо. Пока я отрабатываю два месяца, обзаведусь клиентурой, налажу бизнес, и тогда Катя сама захочет вернуться. А я — я еще подумаю, брать ли ее назад. Отвернусь, жестокий, и пойду дальше торговать глобусами.

От этих сладких мыслей меня отвлек сигнал внутренней связи. Я нажал кнопку приема.

— Учитель Смирнов, срочно явиться в кабинет директора! — сказал синтетический голос. И хотя интонация была нейтральной и спокойной, меня охватило дурное предчувствие. Кажется, предстоит продолжение взбучки на тему увольнения. Возможно, в этот раз меня пропесочит лично Виноградов. Секретарша свое удовольствие получила, теперь его очередь.

На негнущихся ногах я вошел в приемную. Секретарша все так же восседала за своим столом и с хмурым видом сортировала виртуальные окна, сбрасывая часть из них в корзину. Наверное, она в этот момент воображала себя богом, низвергающим грешников в ад.

Я сел и стал ждать, когда она обратит на меня внимание.

— Пришли? — процедила она сквозь зубы. — У меня к вам серьезный разговор.

— Пожалуйста, — сказал я. — Слушаю.

— Нам поступил тревожный сигнал от учащихся, что вы продаете им нелегальные копии Земли. Это правда?

Похоже, Снорри не просто так сюда заглядывал. Наябедничал, маленький круглый паршивец! Ну, ничего, ничего. Прикатись только на мой урок, я тебе живо покажу, что

бывает с колобками, которые наглеют от безнаказанности. Двойкой за семестр ты у меня не отделаешься!

— Понимаете, — сказал я. — Произошло недоразумение. У меня был глобус — самый обычный и вполне лицензионный. Один из моих учеников захотел его приобрести. Мы на законных основаниях совершили сделку. Вот и вся история!

Секретарша сделала резкий жест, как будто прокалывала воздушный шар, и все виртуальные окна исчезли. Вместо них появилось другое — с моим контрактом, оно заняло пространство от пола до потолка, и нависло надо мной, как плохо закрепленная плита на стройке. Я с жадностью стал читать текст. Секретарша презрительно посмотрела на меня и ровным, и оттого еще более жутким голосом, произнесла:

— В пункте номер девятьсот семьдесят пять «Ж» дробь шестьдесят один подписанного вами контракта сказано, что вы не имеете права вступать в торгово-денежные сношения с учащимися школы, в противном случае вас ждет штраф в размере тридцати тысяч кредитов.

— Строго говоря, мы не вступали в сношения, — попытался объяснить я. — Я подарил ему глобус — ну, на день рождения. А он, ученик, отблагодарил меня, как мог.

— Наш юрист смотрит на это дело иначе, — усмехнулась секретарша, смаковавшая каждый момент беседы. — Вы планировали заниматься продажами на борту школы, рассчитывая, что мы не заметим? Вы не первый такой хитренький!

Боже, и здесь я не первый!

— Штраф вам уже выставлен, — продолжала она. — С вашего счета списана вся сумма выручки, плюс вы должны школе десять тысяч кредитов. Они будут изъяты из двух ближайших зарплат.

— То есть вы хотите сказать, что я ничего не получу за два месяца? — воскликнул я.

— Совершенно верно. Ничего! Ни-че-го!

У меня не было слов. Я знавал в своей жизни провалы, но этот был особенным — дерзким, стремительным и всепоглощающим.

— Глобус хоть вернете? — с тоской спросил я.

— Нет, конечно! Он собственность ученика. Этот ваш ученик, кстати, явился сюда и потребовал продать ему еще.

Снорри — он такой. Ненасытный.

— И вы вляпали ему штраф, — предположил я.

— За что? Он никаких противоправных действий не совершал. Я скопировала ему координаты музея истории Земли и фабрики по производству глобусов.

«Вот теперь точно конец», — пронеслось в моей голове. Мало того, что они отняли у меня честно заработанное, так еще и на корню погубили молодой бизнес! Кому нужен посредник, когда можно закупаться на фабрике? Черт, черт, черт... Жизнь — под откос. И два месяца рабства в школе, без денег, без перспектив и даже без глобуса.

Я вынес свое обескровленное тело из приемной и направился в сторону бара. Над входом ярко светилась табличка «Рюмочная "Три амебы". Мы наливаем всем, кроме двойкодышащих». Я предъявил у стойки учительскую карточку, вскарабкался на стул и потребовал водки. Бармен, едва живой хромоногий дед, принялся копать под стойкой.

— Пей, сынок, — сказал он, ставя передо мной стопку с жидкостью, над которой горело ярко-фиолетовое пламя.

Я выдохнул и опрокинул стопку в рот. У меня потемнело в глазах. Язык прилип к небу, из ноздрей повалил густой пар, на глаза навернулись слезы.

— Кхшто это было? — выкашлял я.

— Бетанская желудковертка, — сказал довольный собой дед. — Выпил, и целый день свободен.

— Это уж точно.

— Повторить?

— Само собой!

И я выпил еще.

— Проблемы? — поинтересовался дед.

Я кивнул.

— Тогда каждая третья порция за счет заведения.

Аллилуйя! Хоть где-то есть нежадные люди! После шестой стопки я взял паузу и сказал:

— Меня сегодня ограбили и бросили. Нет, не так. Сначала бросили, потом ограбили.

— Понимаю, — сказал дед. — У меня был похожий случай. Служил я как-то в седьмом егерском на границе с Проционом-17.

И дед вывалил на меня весь свой запас армейских баек. Меня потихоньку отпускало. Разве у меня проблемы? Так, временные трудности. Не вышло с глобусами — выйдет с футбольными мячами. Они тоже ничего, где надо — круглые. Создам конкурирующую фирму, отвоюю рынок. А Катя — пусть она будет счастлива! Да. Очень и очень счастлива. Я ее отпускаю.

— И вот мы поливаем плазмой этих гадов, — продолжал дед, размахивая палочкой для смешивания коктейлей. — А они прут и прут. Тогда я говорю сержанту Сикорски: нам крышка. Он обнял меня: прощай, брат. Взял в зубы пневмогранату, пополз к гадам и...

— Погиб? — спросил я, делая вид, что сочувствую.

— Нет, тут вошла жена, и я поставил шутер на паузу.

— Не смешно, — сказал я.

— Жаль, — ответил дед. — Я старался.

Я провел карточкой над считывателем, в унынии думая, что даже пью теперь в кредит, и побрел в каюту. Надеюсь, сегодня больше никаких писем не будет. У меня нет ни сил, ни времени на новые неприятности. Меня ждет работа. Я провел одно короткое, пробное занятие, а завтра уже надо трудиться по полной. Три пары в двух группах, потом классный час, на котором я должен сыграть с учениками в занимательную земную игру. На ум пришло только «съедобное — несъедобное» и прятки. Я притаюсь за шкафом и, пока они меня ищут, глядишь, классный час подойдет к концу.

У каюты меня ждал сюрприз. Рядом с дверью в небрежной позе стояла Мелани. Она читала с пульсопланшета книгу и не заметила моего появления.

— Кого ждешь? — неизящно спросил я, стараясь дышать в сторону. Желудковертка рвалась из меня с неземной силой.

— Миша! — улыбнулась Мелани. — Мы с ребятами скинулись тебе на подарок в честь знакомства. Держи!

И она вручила мне коробочку. В ней гремел и перекатывался небольшой предмет.

— Открой!

Я открыл. На ладонь мне выкатился прозрачный шар, внутри которого был еще один шар.

— Мини-фигурка Снорри? — поинтересовался я. — Мило. И очень в тему.

— Это символ учительского мастерства, — вдохновенно сказала Мелани. — Учитель

открывает ученикам мир, приносит себя в жертву науке. Большой шар означает внешнее совершенство, а маленький внутреннее.

Видя мое озадаченное лицо, Мелани рассмеялась:

— Поверил? Извини, это просто брелок. У нас тут работает сувенирная лавка. Мы думали, чего у тебя нет — одежда есть, ручка есть, журнал есть. А вот брелочка в форме шара точно нет! Бери, пользуйся, он магнитный.

И она прилепила шар к стене.

— Ладно, я пошла!

Она вдруг потянулась ко мне, чмокнула в щеку и убежала. Я остался стоять у двери с глупым выражением лица. Нет, все-таки жизнь налаживается! Петляет, заходит в тупики, но потом опять выводит, куда надо. Еще пара ходов, и я буду в дамках. Да что там, я уже дамка! Только об этом пока знаю лишь я один.

Глава 3.

Утром в учительской стоял непрерывный мощный гул, как будто туда залетел рой шуршунов, вооруженный громкоговорителем. Коллеги готовились к урокам, обсуждали расписание и свежие директивы, проговаривали вслух упражнения на дикцию, ругались на новый межгалактический учебный стандарт, перемывали кости ученикам и друг другу, никого не стесняясь. В общем вели себя непринужденно. Я сел за свой стол, развернул окна с планами уроков, скопировал из базы десятков подходящих голограмм, а потом, надев наушники, принялся выбирать песню. Хотелось чего-то зубодробительного, перченого, чтобы у всех перекрыло кислород. Но в списке разрешенных песен было только унылое старье из позапрошлого века. Я запустил рандомайзер, и он остановился на композиции «Миллион алых роз». Держитесь крепче за парты, меломаны!

— Вы слышали, зеленые человечки опять кого-то похитили! — отвлек меня от работы голос учителя труда Джона Брауна.

— Требуют выкуп? — поинтересовалась Мелани. Она сидела неподалеку от меня и проверяла тесты. Я украдкой подглядывал на нее и думал, как бы половчее организовать свидание. Куда можно сводить девушку на этом корабле? В рюмочную «Три амебы»? В посадочный отсек, посмотреть как швартуются катера?

— Это не их стиль, — сказал Джон. — И знаешь, что интересно, они всегда похищают жертв по алфавиту.

Тут уже и мне стало любопытно:

— В смысле?

— Смотри. Первым они украли некоего Августина Аввакуума. Следующим стал Бенджамин Бекон.

— Хорошая система, — одобрил я. — Сразу ясно, кому опасаться. А теперь кто пострадал?

— Лулумба Лопотунья, известный, между прочим, ксенопсихолог, лауреат премии Фрейда третьей степени.

— Так ему и надо! — мрачно сказал Клеман Леклер, смахивая в сторону недоделанное расписание. — Эти психологи только кредиты из тебя тянут, а толку — чуть. Ходил я к одному такому, когда жена достала. И что? Все равно — развод, дети — на Венере, сам — на бобах. Все жена отсудила.

— А вот новость так новость! — воскликнул Джон, разворачивая перед нами окно с большой голограммой посередине. — На границе системы замечен астероид-убийца. Он

врезается в крупные корабли. Двигается в нашу сторону.

— Облетим! — беспечно махнула рукой Мелани.

— Не получится, — возразил Джон. — Астероид меняет траекторию в произвольном порядке. Сейчас к нему направили эскадрилью звездных истребителей. Попробуют расстрелять с близкого расстояния. Если не выйдет, в секторе объявят чрезвычайное положение.

— Джон, а хороших новостей сегодня нет? — раздраженно спросил Леклер. — Каких-нибудь праздников, спасенных котят, пактов о перемирии?

— Я читаю только «Доминион-тудей», они про такое не пишут. Зато у них есть кроссворд. Предлагаю решить его вместе: два по вертикали — акустический прибор шуршунов, аналог сонара.

— Работай уже, — сказала Мелани. — До урока пятнадцать минут.

Джон со вздохом закрыл лишние окна и принялся набрасывать схему табурета голографическим маркером. Я задумался о зеленых человечках. Они, по большому счету, санитары леса, заняты полезным делом. Наверное, стоит подкинуть им мысль о похищении Снорри Сьюки. Без него алфавиту и лично мне станет намного лучше.

И тут прозвенел звонок. Учителя, поставив на беззвучный режим пульсопланшеты, один за другим стали покидать учительскую, в которой остался только я и Леклер.

— Сидишь? — спросил он. — Чего-то ждешь?

— Гласа божьего, — пробормотал я. Идти на урок не хотелось так сильно, что отказали ноги. Честное слово, они вообще перестали шевелиться. Я даже испугался — вдруг парализовало?

— Встань, сын мой, и дуй отсюда! — возвестил Леклер.

И случилось чудо — я поднялся. Я пошел. Но не как воскрешенный, а как вынутый из могилы зомби, который и до своей безвременной кончины не отличался подвижностью в суставах.

Аудитория встретила меня тишиной. Центаврианка Мармала со скукой на лице листала журнал мод. Многоногие несимметричные комбинезоны, жилетки для толстожалов, чехлы на хвост, накладные веки пестрели всеми красками галактики. Рой шуршунов, по-прежнему разделенный на две части, пытался поделить по-братски невесть откуда взявшуюся пыльную тряпку. Цефеанин Нрд подтачивал когти огромным ножом, и под его лапами уже образовалась гора стружки. Бактерия складывала стрекательный жгутик в подобие прически — то пучок изображала, то косичку. Альдебарранец У поочередно продувал сопла. Волножителя Шпыша, как всегда, не было видно. Снорри — и тут мое сердце охватила радость — отсутствовал на уроке по болезни. В справке из медотсека, присланной на мою почту, обозначался диагноз: закисание подъязычной железы. Так ему и надо! Пусть весь закиснет!

Я вышел на середину аудитории, прокашлялся и объявил:

— Тема сегодняшнего урока — земная еда.

Мармала закатила все свои глаза и разочарованно помотала головой. У прекратил продувать сопла и наклонился вперед, делая хватательный жест всеми семью манипуляторами, в том числе брюшным, рудиментарным. Рой выронил тряпку и зажужжал на тон выше. Нрд продолжил обработку когтей как ни в чем не бывало. Шпыш фыркнул откуда-то из-под дальней парты. А бактерия вдруг вытянула вперед свой жгутик и произнесла:

— Еда?

Оказывается, она умеет говорить! Хорошо, хоть эта тема ее заинтересовала. Ничто так не объединяет инопланетян, как потребность поживиться вкусеньким.

— Еда, — озадаченно повторила бактерия. — Михаил — еда?

— Нет, — сказал я как можно спокойнее. — Михаил — учитель, а еда — вот.

И я развернул первую голограмму — тарелку наваристых щей. С удовольствием бы съел, да негде взять.

Мармала смахнула в сторону окно с журналом мод и удивленно спросила:

— Но зачем вы тогда показываете бассейн?

— Это суп, — сказал я и крупно вывел маркером в воздухе это слово, добавив буквам свечения. — Земное блюдо, широко распространенное. Состав — вода, соль, мясо, овощи.

— Вода? — ужаснулась Мармала.

— Соль? — завизжала бактерия, сжимая вакууоли.

— Мясо? — насторожился Шпыш.

— Овощи? — хмыкнул Нрд.

— У? — протянул У.

Шуршуны посовещались и постановили:

— Не жжжжж.

Вижу, тут собрались большие поклонники супа.

— Вкусно! — заверил их я и для убедительности погладил свой живот. Не заметив отклика на лицах моих учеников, я убрал суп и заменил его голограммой котлеты.

— Котлета, — торжественно объявил я. — Обыкновенная. Жарится на масле с двух сторон. Обычно состоит из мяса.

— Знаю, — буркнула Мармала. — Вы едите мертвых животных.

— По отношению к котлете это гуманно, — сказал я. — Мы на Земле придерживаемся принципов ненасильственного поедания.

— Прием пищи — поединок, — возразила центаврианка. — Сражение равных. Сегодня вы едите котлету, а завтра она вас.

Я поперхнулся.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

Пока мы спорили, остальные ученики занялись своими делами. Половину слов в нашем диалоге они не понимали. Я осознал свою ошибку и вернулся исходной теме.

— Рис, — написал я маркером, показывая соответствующую голограмму.

— Это жжж! — хором сказали шуршуны. — Знакомый жжж. Каждый жжж. Рис летать? Рис собирать нектар?

— Нет. Он растение.

Шуршуны в недоумении переглянулись:

— Где цветок? Что опылять?

— Его не надо опылять. Он уже готов. Рис варят и едят.

И тут шуршуны нырнули под парту, вытащили оттуда дряхлый бумажный словарь и принялись его листать. Где они добыли этот антиквариат? Украли из музея? Десять шуршунов переворачивало страницы, остальные бегали глазами по строчкам. Координировал действия самый крупный шуршун, по всей видимости, вожак. Его отличал загнутый вверх носик и зеленая жилетка с дырками для крыльев.

— Что вы ищете? — спросил я у него.

Я убавил звук и развернул экран с текстом. Леклер, который уже собирался уйти, вдруг подскочил на месте, как заяц. Между его ног пытался протиснуться Снорри.

— Почему пустить не? Класс внутрь Снорри наружу.

— Проходите, проходите, — смутился Леклер, и, сделав мне предупреждающий знак бровями, скрылся за дверью.

— Железа, — с довольным видом сказал Снорри. — Утро плохо. Доктор трогать Снорри весь. Слизь течение и запрет шмыга. Вирус злобный поражать мозг щупалец селезенка. Таблетка какой разный. Уколы тож. Снорри здоровый. И Снорри здесь где. Михаил учитель рад?

Степень моей радости могли описать только отрицательные числа. Или иррациональные. Какие-нибудь квадратные корни из икса и игрека.

— Проходите, — сказал я.

Снорри добрался до своего места, вынул откуда-то огромный носовой платок и принялся усиленно сморкаться. Песня закончилась, но тишина так и не наступила, потому что Шпыш подхватил мотив и стал, коверкая слова, напевать услышанное. Теперь он пытался синхронизоваться с дудением Снорри.

— Михаил, а в чем суть этой истории? — спросила Мармала. — И что такое розы?

Я показал голограмму. Шуршуны необычайно оживились и принялись кружить над ней, желая немедленно приступить к сбору нектара. Я попытался их отогнать, но они были настроены серьезно. Пришлось убрать голограмму и объяснять на пальцах.

— На Земле существует ритуал. Когда мужчина проявляет интерес к женщине или хочет отблагодарить ее, он дарит цветы.

— Кормовой? — поинтересовался Снорри, не выпуская из щупалец платка.

— Теоретически нет. Конечно, женщина может их съесть, но обычно она ставит букет в вазу.

Мармала поискала в словаре слово «ваза» и недоверчиво посмотрела на меня:

— Тут, кажется, какая-то ошибка. Словарь говорит, что ваза — небольшой сосуд объемом до пятидесяти литров. Как женщина поместила в него миллион цветов? Она их измельчила?

Признаться, я не задумывался над текстом. Действительно, получалось, что для хранения этого невообразимого букета было бы мало и бочки. Собравшись с мыслями, я сказал:

— Земные песни редко описывают реальные ситуации.

— Был это ложь? Гнусен ложь? Недостоверный информация? — возмутился Нрд. — Надо говорить рано зачем поздно. Ухи сложить песня не слушать. Нехорошо делать Михаил учитель. Нарушать честь и братство.

Цефеанин растопырил чешуйки и стал похож на еловую шишку. Я лихорадочно обдумывал, как спасти положение. Если он пойдет и нажалуется на меня, я получу еще один штраф. А мне уже хватит!

— Нрд, все немного не так, — произнес я умиротворяющим голосом. — Песня рассказывает историю, которая часто случается в жизни. Но вы понимаете, иногда нельзя назвать вещи своими именами. Земляне не описывают прямо свои чувства. Они используют намеки.

Цефеанин перевел слово «намок» и задумчиво свесил на подбородок раздвоенный язык.

— Я понимать правильно цветок быть не цветок?

— В некотором смысле, да.

— Конечно, песня не о цветах! — весело сказала Мармала и так пнула своего толстожала, что тот откатился к дальней стене и перевернулся вверх колесиками. — Как я раньше не догадалась? Вы, земляне, часто говорите, что дети — цветы жизни. Герой песни вошел в период сброса рогов и выносил для любимой миллион эмбрионов! Но стеснялся об этом сказать.

Я окончательно запутался в происходящем. А сброс рогов отозвался в моем сердце нестерпимой болью. Я набрал в грудь побольше воздуха, чтобы объяснить центаврианке, в чем она не права, но тут прозвенел звонок, и я сказал:

— Вот и подошел к концу наш увлекательный урок. Я предлагаю вам подумать над текстом песни дома. К вечеру сегодняшнего дня вы должны прислать мне на почту эссе. Тридцать строк. Темы на выбор: «Мое любимое блюдо» или «Роль цветов в жизни землян и моего народа: сравнительная характеристика». Всем спасибо, все свободны!

Ученики один за другим покидали класс, а я в бессилии развалился на стуле. Впереди у меня еще было две лекции в группе продвинутых кристаллов с метановой планеты Гипериум-451F. Готовиться к занятию не пришлось: все материалы предоставил профессор Виноградов, моя задача — только их озвучить. Но я должен был читать лекцию в противогазе. На нормальные ринопленочные фильтры у школы денег не нашлось, поэтому закупили старинные масочные устройства с классическими хоботками и простыми линзами. Я потренировался в каюте и чуть не умер. А мне три часа надо продержаться, пусть и с перерывом.

Тем не менее лекции прошли успешно. Я потерял сознание всего пять раз. Кристаллы были вежливы, внимательно слушали. К их несомненным плюсам относилось и то, что у них отсутствовали органы речи. На мой взгляд, побольше бы таких учеников! Одно удовольствие работать.

Я вернулся в учительскую, когда там почти никого уже не было. У терминала копалась в документах Мариам Каплан, учительница музыки. Она обучала в основном волножителей и сколотила из них хор, который готовился к выступлению на Земле. Для них уже перестраивали центральный концертный зал в столице Доминиона.

Мелани сидела за столом и грустно пила чай.

— Как денек? — спросил я.

— Достали! — сказала она. — Нет, ты погляди, какую чушь пишут!

И она развернула передо мной окно с сочинением одного из своих учеников. Я пробежал текст по диагонали и улыбнулся.

— А что, получилось остросюжетно. Особенно тот момент, где говорится, что «Гитлер ратоборствовать в Русь».

— Ох, — простонала Мелани. — И это ведь еще не худшее!

— Вы с ними не дошли пока до истории Доминиона?

— Даже браться за нее не будем. А то меня уволят. Они все понимают не так! Я объясняю, объясняю, а толку нет.

Мне сразу стало легче на душе. Не один я страдаю. Учительский коллектив дружно стонет под гнетом инопланетного тугодумия.

— Предлагаю пойти развеяться, — сказал я непринужденно. — Выпьем по коктейлю?

Мелани посмотрела на меня изумленно и протянула:

— Ну... давай.

Мы вышли из учительской. Любопытная Мариам буравила нас глазами. Сейчас полетит и всем доложит. Надо было сначала заглянуть в контракт: вдруг за романы с другими преподавателями тоже какой-нибудь штраф полагается? В тюрьме «Венерианский централ» и то условия мягче.

Я повел Мелани на пятую палубу в уже знакомую мне рюмочную. Пора открыть красавице непознанный мир желудковертки. Это пошло способно примирить с реальностью любого. Мы повернули за угол и уперлись в глухую стену.

— Странно, — сказал я. — Где «Три амебы»?

— А что это такое? — спросила Мелани.

— Рюмочная. Вчера она была здесь, — я полез посмотреть карту. И правда, тупик! Какого черта?!

— Первый раз про нее слышу. Здесь, на корабле, только один бар — «Пьяный ксенос». Он на третьей палубе, у грузового лифта.

Я в недоумении ощупывал стену. Куда делась рюмочная? Где моя желудковертка?

— Послушай, я вчера здесь был. Тут висела реклама, яркая такая.

— Ладно, я тебе верю, — сказала Мелани тоном, которым буйного сумасшедшего уговаривают добровольно надеть беленькую рубашечку с модными длинными рукавами. — Пойдем вниз?

— Нет. Я должен найти мою рюмочную. Она же мне не приснилась!

— Тогда вперед.

Я трижды прошел вдоль стены, пересмотрел планы этажей, вбивал раз за разом в строку поиска слово «амеба» на языках, которые помнил. Ничего! Рюмочная испарилась.

— Пойдем в «Пьяный ксенос», — сдался я, в глубине души надеясь, что просто невнимательно прочитал название, и он окажется тем самым местом, которое я ищу.

Блеклая кривоватая вывеска бара мгновенно разрушила мои надежды. На входе дежурил охранник. Он сканировал клиентов и выдавал им жетоны доступа. Выпивка разливалась автоматами. По жетону ты мог получить три порции пива или одну порцию крепкого напитка, который условно назывался «алкоголь». У инопланетян выбор тоже был не особо богатый. Вислоноги в углу дышали озоном и периодически почесывались. Ретро-хордовые шары угощались соком ямофикуса, бактерии плавали в плодородной смеси, задрав жгутики вверх. Центавриане, вооруженные вибровилками, сражались с галлюциногенным грибом шта. Несколько неизвестных мне инопланетян обступили аппарат, напоминавший счетную панель, и замороженно смотрели на поток бегущих цифр. Двое из них уже бессильно стонали.

Мелани подвела меня к алкомашине, и я взял нам обоим по пиву. Мысль о рюмочной не отпускала меня. Что это было? Сон, видение, розыгрыш? Я понимаю, если бы я увидел рюмочную после желудковертки, но все было до! И бармен, борец с гадами, и высокий стул, на который я карабкался, как на Эверест. Я найду их во что бы то ни стало!

Мелани, сидя рядом со мной, молча пила пиво. Стоп, я же должен занять ее милым разговором!

— Ты любишь цветы? — брякнул я.

— Не очень, — сказала она. — А ты?

— Не знаю. Наверное, не люблю. То есть я к ним ничего не чувствую.

Я с ужасом подумал, что подобного бреда я не нес даже на уроке. Надо выплывать к нормальным темам. Рассказать что-нибудь смешное.

— Ты слышала анекдот? Приходит вислоног к ортопеду...

Но Мелани меня перебила:

— Меня раньше никогда не приглашали на свидания. У нас ведь свидание?

— Да, — неуверенно сказал я. — Мне кажется, это оно.

— Здорово! А я уж думала, в моей жизни такого не случится.

— Но почему? — удивился я. — Я думал, у тебя отбоя нет от парней.

Мелани грустно покачала головой.

— Спасибо, конечно, на добром слове. Но я про себя все давно поняла. Парням я неинтересна, потому что...

И тут она бросила взгляд куда-то вглубь бара и быстро сказала:

— Подожди, я сейчас вернусь.

И убежала прочь. Я остался один с пустым бокалом пива. Как такая красавица, как Мелани, могла быть одинока? Что с ней не так? Трудное детство, психологические травмы, глубокие комплексы? Ей не везет на хороших парней? Может, она на самом деле инопланетянка, замаскированная под человека? Или экспериментальная модель биоробота, внедренная под прикрытием в обычную школу? Нет, правда в том, что она мужчина, просто качественно переодетый! Все в курсе, даже Леклер. Один лишь я этого не заметил. Господи, какой кошмар!

Когда Мелани вернулась, я уже с ног до головы был покрыт холодным потом.

— Знакомых увидела, — пояснила она с ласковой, чуть извиняющейся улыбкой. — На чем мы остановились?

— На том, почему ты и парни... то есть парни и ты... То есть парень ли ты...

— Ах, да! Я как раз собиралась тебе признаться в чем-то очень важном, — и Мелани густо покраснела. Точно, она парень! Вот я неудачник-то. Кажется, мне срочно пора проверять эссе. Много-много накопилось, за ночь не управлюсь. От нервов у меня слегка заложило уши, как при подъеме на высоту.

— Вот, теперь я это сказала и чувствую себя лучше, — выдохнула Мелани и отхлебнула пива.

Похоже, я слишком уж задумался и пропустил самое важное.

— А что ты сказала?

Мелани удивленно моргнула.

— Ты не слушал?

— Мне в ухо попал комар. Здоровенный.

— Комар? — она опасливо посмотрела по сторонам. — Надо его поймать. А я — я сказала, что не умею играть на скрипке.

— В смысле? — не понял я. — Причем тут это? Я тоже не умею.

— Правда? — воскликнула она, с истинно мужской силой схватив меня за руки. — Значит, мы оба такие?

Нет, чуть не закричал я. Я не такой! У меня Катя была, а может, еще и будет. Я попробовал освободить руки, но Мелани вцепилась в меня мертвой хваткой.

— Миша, как я рада! Мне кажется, я ждала тебя всю жизнь.

— Послушай, — сказал я деревянным голосом. — Ты меня прости, но скрипка... Для меня это принципиальный вопрос. Без нее моя жизнь — ничто, и если ты не умеешь играть на ней, нам не суждено быть вместе.

Мелани ахнула и отпустила меня.

— Какая я дура! Я думала, тебе не важно. Ты казался мне другим, таким... немзыкальным. И я размечталась.

Она резко встала и в слезах направилась к выходу. Что-то в ее словах меня насторожило. Может, я ошибся, и она на самом деле девушка? Обычная девушка, со всем, что девушкам полагается иметь и без всего, чего у девушек обычно нет?

Я побежал за ней.

— Постой! Ты сказала «скрипка»? Я не расслышал, отгонял комара! Мне показалось, ты говорила про «скрепку». У нас на районе принято играть на скрепках. Важнейшая традиция, почти культ.

— Это как? — недоверчиво спросила Мелани, утирая слезы.

— Очень просто. Берешь строительный степлер, вынимаешь из него скрепку, прижимаешь к полу и делаешь бзынь! Получается нота ля.

— И я тоже смогу?

— Уверен! Когда мы полетим ко мне домой, я лично тебя научу. Я у нас главный специалист по скрепкам, авторитет и прочее. А скрипка — кому она нужна? Пусть на ней инопланетяне играют.

— Ура! — крикнула Мелани и бросилась мне в объятия.

Мы посидели в баре еще немного, пока не потратили оба жетона. Слегка приободрившись, Мелани рассказала мне про свое детство и юность. Она родилась в провинции у моря, в экспериментальном городке Тьюнтаун, населенном исключительно музыкантами. Они участвовали в масштабном проекте по возвращению будущих Моцартов. Родители Мелани играли в симфоническом оркестре: отец — первая скрипка, мать — тоже скрипка, но не первая. Все шло неплохо, пока не выяснилось, что у их дочери нет музыкального слуха. Мелани честно осваивала гаммы и в школьном ансамбле, сцепив зубы, играла на треугольнике. Когда же пришла пора надежд и грусти нежной, ни один приличный музыкант не хотел с ней встречаться. Тогда она собрала чемодан, села на монорельс и уехала учиться в Доминионский исторический институт. Ей дали место в общежитии, у нее появились подруги. На вечеринке первокурсников она познакомилась с парнем. И как назло, он оказался скрипачом и бросил ее через месяц, сказав, что им не стоит продолжать отношения. Подарки забрал, номер сменил и исчез. После этого Мелани уже не рисковала, подозревая во всех парнях скрытых скрипачей. Окончив институт, она сразу же устроилась сюда, в школу, справедливо полагая, что в космосе тебя никто не осудит за неумение правильно извлекать ноты. И правда, тут в этом смысле было полегче, если не считать Мариам с ее хором, на репетиции которого она таскала всех подряд. А потом появился я — игрок на скрепке, ценитель качественного звука.

Охранник по просьбе бактерий включил музыкальный автомат, и оттуда полилась знакомая мелодия — «Космотвист». Мы с Мелани потанцевали, потом я проводил ее до каюты, получил скромный поцелуй в щеку и направился к себе. Сердце визжало от восторга. Я вошел в каюту и лег на кровать. Пожалуй, не буду сегодня проверять эссе, не хочу портить себе настроение. Я открыл страницу Мелани в журнале учителей и жадно принялся читать все, что там написано. Особенно долго разглядывал строчку «семейное положение — не замужем».

И вдруг кто-то нажал сигнал вызова на моей двери. Я свернул окно и нехотя поплелся открывать. На пороге стоял Снорри. За ним высилась грузовая гироплатформа, заваленная сеном.

— Снорри, потрудитесь объяснить свое поведение! — грозно потребовал я.

— Миллион миллион кормовой цветков для учителя для учителя для учителя Михаил, — пропел Снорри, не попадая в ритм. — Пересчитать тщательность дотошный. Меня выразить интерес и чувства.

Я побагровел. Потом посинел.

— Снорри, вам глобуса мало? Бесстыжий вы шар!

— Ага! — ухмыльнулся он.

— Что вы хотите от меня? — простонал я, раздумывая, какой штраф мне влепят, если я отфутболю его прямо в открывающиеся двери лифта.

— Снорри всегда и потому. Но мало Снорри знать человека нет. Чувства благодарить как учитель Михаил счастье за. Глобус размножений и жизнь другой.

Я напрягся изо всех сил, пытаюсь выловить в этой абракадабре толику смысла.

— Вы хотели отблагодарить меня за глобус?

— Да! Снорри да. Благодарить и глобус.

Фух, как камень с души свалился!

— Мне достаточно только слов. Желательно, с хорошей грамматикой, но и без нее сойдет. А цветы можете оставить себе. У меня все равно нет вазы.

— Снорри проблема решать не вопрос.

И он, запустив щупальце под стог, извлек изящную вазу, на вид очень дорогую и древнюю.

— Послушайте, — сказал я. — Вижу, вы основательно подготовились. И мне правда очень приятно, но я не могу принять ваш подарок. Нас, учителей, за это наказывают штрафами. Нас вообще за все на свете штрафуют.

Снорри принялся искать в словаре слово «штраф».

— Необычный беззаконий! — вскричал он. — Зря Михаил учитель обида но поэтому что хороший добрый вообще.

— А вот наше начальство придерживается другого мнения. Обидеть учителя Михаила — раз плюнуть! Так что, Снорри, верните сено туда, откуда взяли.

Шар вздохнул и направил гироплатформу к лифту. Я закрыл дверь кабины, отключил все средства связи и лег на кровать. Эй, зеленые человечки, прилетайте и украдите меня! Где вы там? Я готов! Я даже рюкзак собирать не буду, так везите. Главное, подальше отсюда. Сил моих больше нет.

Глава 4.

— Коллеги, внимание! — мрачно сказал Леклер, собрав всех учителей после уроков. — Ближится Новый год, а это значит, надо готовить номера ученической самодеятельности. Да, можно уже начинать радоваться, искриться счастьем и излучать позитив. Что вы хотите спросить, Джон?

— А можно не участвовать?

— Можно. Штраф — сорок тысяч кредитов.

Учителя ахнули.

— Шутка, — сказал Леклер. — Просто не дадут премию. Некоторые этого даже не заметят.

И тут он выразительно посмотрел на меня. Вот уже месяц я работал в школе на чистом энтузиазме. В целом я смирился с нищетой, но родителям и коллегам на всякий случай соврал, что решил пожертвовать первые две зарплаты в Галактический фонд мира. Не знаю,

поверили ли мне. Судя по всему, отца провести не удалось. Мелани тоже что-то подозревала.

— Итак, — продолжил Леклер похоронным голосом. — Вот список номеров с прошлогоднего утренника. Выступление вислоногов-жонглеров, жучиное катанье на квадратном колесе, комическая сценка шуршунов «Трое в улье, не считая трутня». Хоровод альдебарранцев. Фигурное укладывание чешуи в исполнении цефеанина из пятой группы для особо одаренных. Танец венерианских кваркоглотов «Полечка», в двух частях. Элементы акробатики с применением толстожала — от коллектива центаврианок. Песня волножителей о тревожной молодости.

Каждый новый пункт заставлял учителей бледнеть ровно на один тон. Когда Леклер наконец закончил, перед ним сияли, как свежий снег на Нептуне, наши убитые горем лица.

— В этом году у меня нет талантов, — тихо и без особой надежды сказала Юкико Тамура, преподававшая космолингву звездным блохам. Эти пришельцы давно потеряли собственную планету и обычно прилетали в школу, затаившись среди багажа. Они отличались тем, что каждая блоха запоминала только одно слово, и то не с первого раза. Чтобы поговорить с другими инопланетянами, они собирались в огромную кучу и пищали свое послание на все лады. Юкико особенно любила блоху, которая произносила союз «и». Говорила, что у нее большое будущее в межпланетной дипломатии.

— Ни у кого нет талантов! — рубанул воздух ребром ладони Леклер. — Думаете, у меня в группе одни звезды? Да я с ними даже до глаголов еще не дошел. До сих пор учу папу от мамы отличать.

— У вас же цефеане, они обоеполые, — заметила Мелани.

— Недавно мои протозойцы прямо на уроке сняли броню, — вдруг сказал Джон. — Так у них там такие таланты!

Леклер метнул в его сторону возмущенный взгляд и строго сказал:

— Учтите, на празднике будет присутствовать зам зам замминистра образования.

— Три раза зам? — уточнил я.

— Вроде того, — отмахнулся Леклер. — Наша задача не ударить в грязь лицом, как мы это обычно делаем. Каждый, обратите на это внимание, каждый учитель должен представить хотя бы один номер. Любой. Можно музыкальный, можно спортивный. Вы вот, Михаил, говорят, играете на скрепках. Пожалуйста, можете обучить этому свою группу. Выйдет изящно.

Мои уши вспыхнули, как факел над нефтяной вышкой. Мелани ласково и ободряюще дотронулась до моей руки — мол, не робей, все уже знают. Знают и гордятся.

— Я охладел к скрепкам. Мне больше по душе театр.

— Не вопрос, — сказал Леклер. — Ждем от вас фрагмент из «Гамлета». В вашей группе ведь есть волножитель? Вполне подойдет на роль тени отца.

— А мы исполним гимн мира и согласия! — возвестила Мариам, сверкая очками. — Я как раз транспонировала его в подходящую тональность. Послушайте: а-а-ааа! А-ааа!

— Мы поняли, поняли! — остановил ее Леклер. — Не лишайте нас заранее удовольствия!

Мариам мгновенно затихла. Учителя принялись перешептываться.

— Вижу, задача понятна. К концу недели жду от вас названия номеров с кратким описанием происходящего. Репетировать можно в любой день, в свободных аудиториях. Заявки на реквизит и декорации направляйте секретарю, она составит смету.

«Эта составит, мало не покажется!» — подумал я. Пожалуй, «Гамлета» играть нельзя:

там нужны костюмы, парики, шпаги. Хотя, я слышал, недавно в открытом космосе прошел Первый безвоздушный фестиваль Шекспира, все актеры были в скафандрах. Чем мы хуже? Альдебарранец, считай, уже готов — хоть сейчас выпускай на сцену.

В глубокой задумчивости я вошел в класс. Возле моего стола скопились ученики и чем-то шуршали.

— Сюрприз! — закричали они, расступаясь.

На столе стоял подарочный пакет, доверху набитый вещами.

— Что это такое? — спросил я в недоумении.

— Сюрприз, — повторили ученики, слегка вразнобой и гораздо менее уверенно.

— Но зачем?

— Благодарить Михаил учитель замечательный и не хотеть другой никогда этот добрый, — за всех ответил Нрд, приветливо растопыривая когти веером.

— Любить беречь мера сил и очень даже, — добавил Снорри.

— Я тронут, — сказал я, с опаской заглядывая в пакет. Там лежал игрушечный робот-трансформер, бутылка пива «Классическое космическое» и вязаная разноцветная шапка, которая не налезла бы даже на бактерию. Дары были заботливо переложены сеном. Видно, Снорри приберег все-таки несколько пучков и дождался подходящего случая от них избавиться.

— Тееееень раштееееняаяя грусссссный прассссстник, — спел Шпыш и кряхтением изобразил аплодисменты.

— Постойте, но мой день рождения в сентябре, — воскликнул я, отодвигая пакет подальше. — Давайте сделаем вид, что вы ничего не дарили, а в сентябре вы обратно принесете.

— Сентябрь — плохой месяц для подарков, — убежденно сказала Мармала. — Несчастливый. Тем, кто получает подарки в сентябре, вредят планеты.

То-то я думаю, мне в последнее время не везет, а это планеты вредят! Я давно подозревал, что они на меня точат зуб за то, что я сентябрьский. Теперь остается только один выход — собрать волю в кулак и передвинуться на август.

— Друзья, спасибо вам, конечно. Мне приятно, что вы думали обо мне. Но начнем уже урок, у нас сегодня много дел. Прежде всего, тест. Он, как я уже говорил вчера, состоит из ста вопросов и открытой части...

Я осекся. Ученики смотрели на меня, как на вселенское зло, восставшее из черной дыры.

— А как же подарок? — спросила Мармала.

— Да! Как? — возроптали шуршуны, в особенности лидер, прилетевший сегодня в малиновой тужурке.

— То есть вы притащили подарок, чтобы я не проводил тест?

— У, — махнул манипуляторами альдебарранец, показывая, что он не имеет решительно никакого отношения к происходящему.

Атмосфера в классе стала предгрозовой. Ученики повскакивали с мест, крича что-то про насилие, произвол и нарушение прав личности. Снорри нервно катался из угла в угол, ища убежища. Его снедало невыносимое волнение: сено уже дважды оказалось бессильно пленить мое сердце. Толстожал под партой у Мармалы напрягся и приготовился открыть дыхательную крышку по полной. Еще немного, и мне придется эвакуироваться в коридор.

Я поднял руку вверх, требуя тишины.

— Вы правы, тест надо немного отложить. Пришла пора познакомить вас с земными законами. Тема урока «Взятка, подкуп и коррупция». Что сидите? Записывайте!

Следующие полчаса я потратил на то, чтобы объяснить группе, как правильно давать взятки землянам. Нрд невероятно оживился и слушал так, будто от этой информации зависела его жизнь.

— Наш Цефей тоже бывает взятка, — сказал он, когда я на минуту замолк. — Есть два вида. Взятка если цефеанин взять. Датка если цефеанин дать. Важный различий надо соблюдать. Нельзя животный. Нельзя еды. Можно целлофан бурлящий мотор сосулька жесть остатки.

— У нас на Земле предпочитают кредиты, — сказал я. — Поэтому если вы в следующий раз захотите кого-то отблагодарить, остановите свой выбор на них.

— Сколько? — деловито спросил Снорри из-под парты.

— Чем больше, тем лучше, — заверил его я. — Кредитов много не бывает.

— Избыток головной болезнь и вор, — возразил шар.

— Тоже верно, — согласился я. — У нас иногда говорят: деньги карман жгут. Ну, а теперь, когда мы разобрались с темой, переходим к тесту.

Я открыл окно и начал раскидывать копии ученикам.

— Михаил, стойте! — взмолилась Мармала.

— Нет и нет, — решительно сказал я. — Тест состоится несмотря ни на что.

— Я не о тесте! У вас одежда горит!

Я глянул вниз и увидел, что низ моей куртки пожирает странное фиолетовое пламя. Я вскрикнул и попытался прихлопнуть его ладонью, но оно вспыхнуло еще сильнее. Тогда я упал на пол и принялся кататься. Рядом пристроился Снорри, с любопытством следящий за моими движениями.

— Михаил не шар зачем так. Нет кувырка полный. Но интерес и движения хороший техника маневр уклонения.

От злости я сел и хотел было схватить Снорри, чтобы выдавить из него всю глупость, и вдруг понял, что пламя, охватившее полкуртки, не причиняет мне никакого вреда. Оно не обжигало, не пыталось перебраться выше и выглядело как хорошего качества голограмма. Я расслабился и оглядел класс, ожидая усмешек, но — нет! Нрд сидел неподвижно и даже не моргал, как будто его поразили криобактерии. Шуршуны откуда-то достали комочки пылицы и ритмично складывали в рот. Бактерия отползла к дальней стене, изо всех сил стараясь с ней слиться. Альдебарранец лениво приоткрыл клапан в скафандре и вылил мне под ноги весь свой конденсат.

— Превосходная мысль, — похвалил я. — И главное, вовремя!

У скромно потупил сопла. Я взглянул на часы — до звонка оставалось двадцать минут. Ничего, успеем.

— Тест, друзья мои, тест! — напомнил я. — В каждом вопросе только один правильный вариант ответа. Можете кликнуть по букве, обвести ее в кружочек или поставить галочку.

— Шшшшшооо? Галошшшшску? — удивленно спросил волножитель.

— Вы, Шпыш, будете сдавать тест устно, после урока, — успокоил его я. — Остальные — работайте! Время пошло.

И наступила блаженная тишина, разбавляемая лишь усердным сопением учеников и пробулькиваниями в желудочном мешке толстожала. Приятно взглянуть на трудящихся инопланетян! Сразу чувствуешь себя королем Галактики. Я мысленно представил

ухоженную ферму на Венере. Вот я, Мелани и наши многочисленные дети сидим на крыльце и наблюдаем, как Снорри и еще трое шаров, запряженные в электропflug, вспахивают плодородный, навезенный с Земли гумус. Здесь будет город-сад! Шуршуны, распределенные по ульям, собирают мед, цефеане ловят рыбу, для волножителей тоже какое-нибудь дело найдется. Альдебарранца можно поставить в качестве чучела.

Я уже почти придумал, как буду эксплуатировать бактерию, и тут меня отвлек голос Нрда:

— Вопрос сорок седьмая ошибка. «Вибровилка — это а) мебель б) столовый прибор в) пресноводная водоросль г) песня из репертуара группы «Дохлый метеорит»». Где ответ оружие? Не выбор и не понятно.

— Правильный ответ здесь есть. Подумайте.

Недовольный Нрд провел когтем по парте, оставив на ней борозду, в которой спокойно могла поместиться средняя вибровилка. Тем временем пламя, прицепившееся к моей куртке, исчезло. Я ощупал ткань: никаких повреждений, даже зацепок нет. Сунул руку в карман, и к своему удивлению обнаружил там старинную банковскую карточку на собственное имя, годную до 2125 года. Я провел ею над пульсопланшетом, и получил сообщение, что мой счет в банке пополнился на пятьсот кредитов. Ничего себе! Я провел еще раз, но чудо было однократным, больше денег не поступало.

Как в мой карман пролезла банковская карточка? Не могла же она появиться там бесконтрольно. Куртка прилетела со мной с Земли, достал я ее только вчера, когда все чистые вещи кончились. Перед отлетом мама ее постирала, а значит, и карманы проверила — она у меня без обыска жить не может. Особенно от ее набегов страдал отец. Стоит только оставить вещь в свободном доступе, мама — ураганом по карманам. Получается, карточку подложила она? Но это не ее стиль! Да и карточки отменили, когда я еще в школу ходил.

Второй вариант, конечно, Снорри. С его щупальцами он не только в куртку — в душу пролезет. Пока я сбивал пламя, он мог попытаться дать мне взятку. Не случайно же он спрашивал сумму. Прикидывал, наверное, сколько у него в наличии. Но как он изготовил карточку на мое имя? И с чего такая упорная благодарность? Глобусы у меня кончились, на размножение я не соглашался, но Снорри и не предлагал. Пожалуй, эта загадка поинтересней исчезновения зонда «Хань Чу» в туманности «Морской конек».

От размышлений меня отвлекла потасовка шуршунов. Получив индивидуальные копии тестов, они несколько растерялись и поначалу пытались списывать друг у друга. Потом объединили силы и стали совместно решать один вариант. До середины все шло неплохо, но потом случился раскол. Половина роя больше любила букву А, другая половина — букву Б. И те, кто был за Б, возмущались, если правильный ответ находился под другой буквой. Лидер в малиновой тужурке предложил чередовать А и Б, чтобы никому не было обидно, но такой вариант никого не устроил. В итоге шуршуны подрались, и мне пришлось вмешаться.

Пока я занимался шуршунами, оставшиеся принялись списывать. Нрд спрятал среди чешуи крошечное виртуальное окно и теперь потихоньку заглядывал в него. Я решил не препятствовать — оценка за тест ни на что не влияла, а нож, лежащий на парте у цефеанина, очень даже влиял на все. Бактерия поступила куда изобретательней: она отпечатала часть информации на своих вакуолях и теперь поочередно оттопыривала их. Снорри достал из прищечного канала странного вида свиток и сосредоточенно переписывал оттуда длинный текст. Альдебарранец тоже не растерялся: активировал в скафандре внутренний экран.

Одна Мармала ничем не запаслась: она сидела и со скоростью высокомолекулярного

бластера строчила пальцем в окно. Она первой расправилась с тестом, быстро собрала вещи, схватила толстожала и направилась к выходу, но я ее остановил.

— Дождитесь звонка. И после перемены у нас классный час.

— Ко мне родители приехали, — сказала она. — Шесть основных и трое дополнительных!

— Повидаетесь после уроков.

Мармала вернулась на место и демонстративно открыла журнал мод. В этот раз она рассматривала кольца-бомбы с оглушающим эффектом. Шуршуны, Нрд и У справились со своими тестами одновременно, бактерия и Снорри продолжали возиться. Назревала скучная пауза. Я вздохнул и отпустил ребят на перемену, а сам принялся опрашивать Шпыша. Тот называл буквы наугад. Я давно про него понял, что в человеческой культуре он ни в зуб ногой, но все же надеялся на хотя бы элементарные знания в его несуществующей голове. Оказалось, там только песни. Шпыша тянуло солировать, и он периодически срывался, каждый раз находя для этого повод. Покончив к концу перемены с опросом, я, взмокший и усталый, вышел в коридор. Ученики разбежались, и только Снорри у пожарного стенда с немалым любопытством рассматривал конусовидное ведро.

— Пссс, Снорри! Катитесь сюда, — позвал его я.

— Шляпа дивный, — сказал он, не в силах оторваться от ведра. — Примерять дай. Стиль шик и никогда прежде. Снорри красив.

— Это для тушения пожара.

— Тогда Михаил надо срочный. Михаил верхний шкура слой горячая! Шляпа взять и не пожар.

И он принялся отрывать ведро, довольно крепко прикрученное проволокой к стенду.

— Снорри, прекратите хулиганить! Ведро мне не нужно. Вам тоже. Если хотите земную шляпу, я вам...

Я хотел сказать «продам», но вовремя вспомнил про глобус. Пришлось переформулировать:

— Я вам дам поносить. У меня есть запасная.

Обрадованный Снорри бросил ведро и закружился вокруг меня, пытаясь просочиться между ног, как дрессированный кот. И тут мне пришла в голову мысль! Это же готовый номер: я, бесстрашный Михаил с Земли, и укрощенный лично мной шар с пылающей, как поцелуй куртизанки, Бетельгейзе, покажем публике небывалые трюки. Я научу Снорри прыгать с тумбы на тумбу. Потом суну руку ему в пасть и останусь цел. В финале он у меня пролетит сквозь огненное кольцо! И все зайдутся в овациях.

Но это позже. Сначала надо разобраться с деньгами, пока секретарша не отследила, что я обогатился и опять в плюсе. За взятку меня могли отдать под суд, и тогда в лучшем случае штраф, а в худшем — исправительные работы. А мне нечего исправлять, я и так нормальный. Мне нужно лишь немного удачи, самую капельку! И я стану полезным членом общества. Полезнее некоторых.

— Снорри, скажите мне честно, это ваше? — я достал карточку и продемонстрировал шару, который преданно сверлил меня бинокюлярами.

— Ваше не мое. Мое нет и не Снорри вовсе.

— Вы уверены? — напирал я. — Лучше скажите честно. Иначе меня уволят. Скажут, что я опять вас обобрал.

— Бобра? Что бобра? — он развернул окно со словарем, и между нами повисла

голограмма бобровой хатки, из которой высовывалось четыре морды и один плоский хвост.

— При чем тут бобры? — сказал я, смахивая голограмму. — Карточку вы подсунули? Ну?

— Ну, — тупо повторил Снорри. — И бобра.

«Дурачком прикидывается! — в отчаянии подумал я. — А тут камеры везде. И что делать? Как вернуть ему эти кредиты?»

— Снорри, я последний раз спрашиваю, это ваша карточка? Ваши деньги?

— Не карточка. Пластик квадрат? Не Снорри и не знать. Пластик Бетельгейзе не карточка. Только трава. Потом дождь. Но пластик завтра.

Бешено долбя пальцем по пульсопланшету, я активировал программу автоперевода.

— А теперь скажите все то же самое на родном языке.

Снорри послушно зачирикал, и программа выдала следующий текст: «Учитель Михаил, вы подозреваете меня в страшном преступлении, но, поверьте, я совершенно невиновен. Взятка на моей родине карается удалением трех четвертей хорды, что практически несовместимо с жизнью. И я был шокирован, когда вы заговорили о взятках на уроке. Разумеется, я, как достойный представитель своего народа, не стал бы рисковать ни его репутацией, ни собственной жизнью. К данной карточке я не имею отношения, поскольку на Бетельгейзе пластик производится только для строительства межзвездных кораблей, а бытовые вещи делаются из растительных волокон. Конечно, вы могли подумать, что я купил карточку в другом месте, но я этого не делал, менее всего на свете желая оскорбить вас — словом или действием. Позвольте принести вам свои глубочайшие извинения и выразить надежду, что тень подозрения, павшего на меня, со временем развеется».

Ого! Какие, оказывается, тексты, таятся внутри этого шара! Я с уважением посмотрел на Снорри. Нет, пожалуй, цирковой номер отменяется. Вместо этого разучим с ним стихи классиков Земли. Будем удивлять зам зам замминистра образованностью и красноречием.

Я повертел в руках карточку, понюхал ее, потряс, приложил к уху. Кроме моего имени и даты другой информации на ней не было — ни телефона банка, ни логотипов. Одно радовало, благодаря ей денег не ubyло, а прибавилось. Может, и беспокоиться не стоило? Я же сам хотел, чтобы мне повезло — вот это и случилось!

Я приободрился и провел классный час на оптимистической ноте. Инопланетяне охотно вызвались участвовать в самодеятельности. Мармала показала свой четырехметровый язык и сложила его в виде спирали, Нрд неожиданно прыгнул, вцепился когтями в потолок, потом рухнул вниз и уже с пола простонал: «Осадки». Мы решили, что отложим этот прелестный номер до весны, приурочив его к Межпланетному женскому дню, тем более что Нрд отчасти женщина. Он, кстати, сознался, что, покинув Цефей, перестал нести яйца и это его личная трагедия. Вся группа выразила ему сочувствие, шуршуны всплакнули, Мармала обещала поделиться эмбрионами — у нее скопились лишние, и некуда девать.

Бактерия, как оказалось, владела боевыми искусствами и вознамерилась на следующий урок принести национальное оружие, но я не разрешил. Альдебарранец соединил сопла, и между ними появилось облачко светящегося газа, который через пять минут взорвался, и меня отшвырнуло к стене. Когда я пришел в себя и проветрил класс, шуршуны собрались с силами и выдали сцену из балета «Лебединое озеро». Я чуть не лопнул, пытаюсь не смеяться. На моменте, когда толстый шуршун, поднявшись на пуанты, подхватил худого и с поэтическим видом понес его вдоль кромки парты, я вынужден был уткнуться в рукав.

Общим голосованием решили, что на утреннике покажем номер шуршунов и язык

Мармалы. Шпыш досадовал, что ему не разрешили спеть, но я знал: Мариам не допустит конкуренции с хором, да и голос у моего волножителя был не ахти — на высоких нотах регулярно давал петуха.

В учительскую я вернулся в прекрасном настроении. На пороге меня подхватила под локоть Мелани и потащила к кофейному автомату.

— Новость века! — воскликнула она. — Леклер и Мариам женятся.

— Вот это да! Как его угораздило?

— Говорят, на перемене он зашел к ней в класс, упал на колени, дополз до стола, потом достал коробочку — а там кольцо из тритония! Пять зарплат на него потратил.

— Леклер? — уточнил я. — Потратил?

— Да! — возбужденно сказала Мелани. — Все в шоке, кроме Мариам. Она уже полшколы пригласила на свадьбу. Сидит, платье выбирает.

— А Леклер?

— Закрылся почему-то в туалете и плачет. Ты его пока не поздравляй. У человека горе.

— Зачем же он женится тогда?

Мелани пожала плечами:

— Порыв! Внезапное желание семьи.

— Надеюсь, это не заразно, — сказал я, и Мелани странно на меня посмотрела.

— Джон собирает деньги им на подарок, — сообщила она немного погодя. — С тебя решили не брать.

— Вот спасибо! — обрадовался я. — А что купите? Брелок, как мне?

— Какой брелок? — спросила Мелани.

— Как какой? Тот самый, символ учительского совершенства. Помнишь, ты мне его в первый день работы подарила — от коллектива?

— Не помню, — нахмурилась Мелани. — Миша, ты о чем?

— Брелок, — сказал я медленно, с расстановкой, как в классе. — Подарок от ребят. Ты ждала меня у каюты. Потом поцеловала.

— Я? По своей инициативе?

— И что тут удивительного?

— Самомнение у тебя — будь здоров!

— Так мы потом много раз целовались, и ничего.

— Потом, но не в первый же день. Ты за кого меня принимаешь?

— Ни за кого! Мы вообще про брелок говорили.

— Какой брелок?

Разговор заходил на второй круг.

— Жди здесь, я сейчас его принесу, — и я побежал к каюте. Брелок обнаружился под грудой самоочищающегося белья, которое сломалось и требовало теперь обычной стирки. Я запихнул лишнее под кровать, чтобы глаза не мозолило, а сам с торжествующим видом потащил брелок в учительскую.

— Смотри! — сказал я Мелани. — И вспоминай.

Она покрутила его в руках и вернула мне.

— Миша, ты что-то путаешь. Милая вещица, но я ее раньше не видела. Может, тебе Мариам подарила?

— Еще скажи, что это она меня поцеловала! Тогда Леклер ворвется ко мне в каюту с подушкой и задушит во сне.

— Не факт, — улыбнулась Мелани. Но мне от ее улыбки стало только хуже. Я не понимал, что творится: сначала рюмочная то появляется, то исчезает, потом деньги сами падают в карман, а теперь выясняется, что и брелок взялся из ниоткуда. Но раз уж пошла такая тема — эй, мироздание, давай мне собственный корабль, миллион кредитов и премию Гагарина за особые заслуги перед Галактикой!

Мироздание осталось глухо к моей просьбе. А Мелани увлеченно рассматривала окна, которыми сорила счастливая Мариам. Каких тут только нарядов не было! Платья из астероидной пыли, белые шубки из меха жаброгубых микрозавров с Кассиопеи, фата из гиперголоидной ткани, туфли из кожи венерианских медуз, браслеты с капсулами, содержащими темную материю. Мелани жадно вглядывалась в голограммы и украдкой скопировала парочку в свой пульсопланшет. Коллеги смотрели на меня с одинаковым выражением на лицах: с Леклером покончено, Михаилу — приготовиться. Да ни за что! Мелани прекрасная девушка, лучше Кати, но у меня другие планы на жизнь. Одно дело помечтать о семейном ранчо на Венере, другое дело — там оказаться.

Я сел за свой стол и стал готовиться к лекции. Работа способна спасти человека, а хорошая работа — человечество! Мой афоризм, сам придумал. Я на секунду бросил взгляд на Мелани. Она повздыхала над шубками и тоже принялась за конспекты. На ее столе, за горой кружек, голографических рамок, сенсорных указок и прочего учительского хлама лежал круглый брелок — в точности такой же, как и у меня.

— Мелани, отвлекись на секунду! — попросил я. — Что у тебя там, за кружкой?

— Маркер, — сказала Мелани, не отрываясь от конспекта.

Я подошел поближе и хотел взять брелок, но он исчез! Его не было ни на столе, ни под ним. Мелани с раздражением спросила:

— Ты что-то потерял?

— Да! Брелок.

— В кармане поищи.

И правда, мой брелок как ни в чем не бывало лежал в кармане. Он приветливо гремел и все так же цепко держал ключ-пульт. Школьные электронные замки имели сканеры сетчатки, щупалец и ротовой полости, но для большей безопасности школа закупила быстрорастворимые двери. При необходимости их можно было полностью удалить, чтобы ускорить эвакуацию. А еще при нажатии особой кнопки дверь устанавливалась в любом месте, закрывая собой проем. Для этого и нужен был ключ-пульт. Учителя обязаны носить его на все уроки, хотя я частенько забывал свой в каюте, потому что баловался им на досуге — заполнял каюту дверьми, а потом стирал их.

Брелок на столе у Мелани не давал мне покоя. Столько галлюцинаций за день — впору беспокоиться! Может, у меня душевная болезнь? Или опять вредят планеты? Надо с этим как-то разобраться. И я решил поговорить с доктором. Начну беседу с невинных вещей, допустим, с укуса космической блохи — мол, аллергия и прочее. И потихоньку расспрошу, почему мне мерещится всякая ерунда. Не хотелось бы, чтобы по школе пошли слухи о моем сумасшествии. Хотя, если честно, терять мне уже нечего. А на фоне Леклера я вообще образчик здравомыслия.

Глава 5.

К доктору я попал накануне утренняя, когда из-за бесконечных репетиций и прогонов образовались окна в расписании. Учителей принимал, как гласила табличка на кабинете, некий Анхель Гомес, мастер-гомеопат, специалист по улучшению питания по карте

созвездий, вправлению кармы наложением рук и лечению инфекционных заболеваний методом обратного макродренажа. То есть подкованный в своем деле, матерый шарлатан. Но выбора особого не было, галлюцинации отравляли мое существование. Несколько раз я замечал в коридорах вывеску рюмочной «Три амебы», кидался к ней и не обнаруживал ничего, кроме голых стен и удивленных взглядов инопланетян. Карточка и брелок лежали запертые в сейфе, я регулярно их проверял, иногда даже ночью. И все же я часто видел их в других местах — в столовой, на случайном подносе, в учительской, в силовом щитке, за плазموупорным стеклом.

К Гомесу я пришел в состоянии нервного истощения, бледный и дрожащий. Я уже был согласен на аюрведу, иголки в биоактивные точки и массаж пупка, лишь бы меня отпустило.

— На что жалуемся? — рутинно поинтересовался Гомес, занятый заполнением карточки.

— На галлюцинации, — честно сказал я. — Только это между нами.

— Разумеется. Итак, какого рода галлюцинации вас мучают? Слуховые, зрительные, тактильные, вибрационные?

— А что, и такие бывают?

Гомес поправил очки и на секунду оторвался от карточки:

— Молодой человек, в космосе бывает все! В прошлом месяце я, например, лечил стойкий цианоз бороды у одного из механиков. Вообразите себе!

Вообразить ничего не удалось, потому что слова «цианоз» я не знал, а в словаре искать постеснялся.

— У меня, наверное, зрительные галлюцинации. Например, мне привиделось, что я сидел в баре, а потом я узнал, что такого бара нет. Еще мне деньги подбросили.

— Так вы радоваться должны, — заметил Гомес. — Пока у вас налицо позитивный сценарий.

— Да, но всего этого нет! Точнее, оно постоянно исчезает. Короче, я психически больной. Дайте таблетки. Или меня надо в больницу.

И я поник на стуле. Гомес терпеливо взял меня за руку, измерил давление, пульс, попросил показать язык, после чего открыл ящик и стал вынимать инструмент за инструментом. Тут были огромные металлические крючки, прищепки, пневмобритвы, молотки, виброножи — настоящий пыточный арсенал.

— Меня, кажется, отпустило, — пробормотал я, пятясь к двери.

— Сядьте! — велел Гомес. — Будем разбираться с вашей проблемой.

Я вернулся на стул и застыл, глядя, как он сортирует вещи. Вид у него был решительный и злодейский. Наконец он надел спектральные очки и принялся водить перед моим носом самым большим крючком, похожим на коготь неизвестного земной науке ксенохищника.

— Интересно, — сказал он. — Первый случай в моей практике.

— Случай чего? — тревожно спросил я.

— Не ерзайте. Сейчас я его удалю, и тогда...

Он сделал резкое движение, как будто подсекал рыбу, и изобразил, что скидывает в корзину с крючка какую-то цепкую дрянь.

— Что это было?

— К вашей ауре приклеился потусторонний пузырь.

Я моргнул левым глазом. Потом не удержался и моргнул правым. Лечить, похоже, надо не только меня. Этот Гомес по части галлюцинаций и сам не промах! Удивительно, что он

не встретился мне в «Трех амебах».

— Простите, но не могли бы вы объяснить... — начал я, но Гомес меня прервал.

— У вас удивительно липкая аура. Вы не пробовали с этим бороться?

— Не пробовал. А надо?

— Желательно провести сеанс чистки. Записываю вас на среду.

— Пожалуй, я пока воздержусь, — сказал я. — Дотерплю до Земли, а там уж почищу. А что за пузырь вы удалили?

— О, это любопытный момент, — сказал Гомес, все еще не выпуская из рук крючка. —

В прошлом месяце мне перенастроили очки, поменяли частоту развертки и скорректировали аберрации. И знаете, я начал видеть пузыри! Их множество, они повсюду.

— Проблема широко распространенная, — с сочувствием сказал я.

— Возможно, — согласился Гомес. — Так вот, эти пузыри обычно лопаются сами, не причиняя никому вреда. И вдруг приходите вы. Аура третьей степени зрелости, немного запущенная, но поправимо. А на ней, что бы вы думали, пузырь! Да-да! Это сенсация! Я должен написать статью в «Вестник гомеопатов Доминиона».

— Напишите, не стесняйтесь, — подбодрил его я. — Человечество будет вам благодарно. Такие открытия совершаются не каждый день.

— Вы правы! Прямо сейчас и начну.

И Гомес, открыв текстовую программу, принялся творить. Я со вздохом вышел из кабинета. Помощи на корабле не дожидаться, надо лететь домой. Причем своим ходом, а не с санитарями по бокам. Но, как ни странно, уже на следующий день мне стало лучше: галлюцинации прекратились, а сил и энергии прибавилось. До чего же легко дышится без потусторонних пузырей!

Поразмыслив над произошедшим, я решил, что мне просто надо было выговориться. Как только я смог рассказать о своей проблеме другому человеку, она исчезла. На радостях я пригласил Мелани к себе в каюту, и мы провели неплохой вечер. Перспектива купить ранчо и продолжить род Смирновых уже не казалась мне плачевной.

Свободный от пузыря, я готов был свернуть горы. Мои ученики это почувствовали, и блестяще выступили на утреннике, заставив зам зам замминистра рыдать от неземного восторга. После танца шуршунов ко мне подошел лично Виноградов, пожал руку, назвал сыном и сказал, что школа гордится мной. Секретарша, надутая, как баллон с благородным газом, отвернулась к двери. Я ликовал! Враг разбит и повержен в прах у моих ног.

На следующий день, когда страсти поутихли, Леклер собрал учителей на летучку и сообщил, что грядет еще одно событие, на фоне которого утренник померкнет. Нам предстояло организовать и провести в стенах школы Всегалактическую конференцию по космолингве и ксенокультурологии.

— За что?! — крикнул Джон-трудолик, вырывая из макушки последние волосы.

— Успех утренника необходимо закрепить, — объяснил Леклер. — От нас ожидают инициативы. Мы передовая школа, форпост земных знаний. Если постараемся, министерство обещало изменить структуру финансирования, выделить гранты для талантливых учителей. Чуете, чем пахнет?

— Пирожками? — робко спросила Юкико.

— Ими тоже! Ну, что вы смотрите на меня, как на расстрельный список? Бонусы, деньги, поездки за государственный счет! Отдых на курортном астероиде. Нет, не мотивирует?

— Мотивирует, — сказала Мелани. — Но в прошлом году вы говорили то же самое, когда мы готовили семинар для вислоногов. Только почему-то потом никто никуда не полетел! И денег не дали.

— Я-то тут причем? — возмутился Леклер. — Вислоноги отказались платить. Между прочим, я предупреждал, что не надо читать им лекции по анатомии человеческого колена. Меня кто-нибудь послушал?

— А теперь что от нас требуется? — спросил Джон.

Леклер развернул окно с планом мероприятия.

— Итак, задача нетривиальная. Нам нужно принять в стенах школы докладчиков с двухсот планет из восемнадцати секторов. Размещаться они будут во всех доступных помещениях, в том числе учительских каютах, так что готовьтесь уплотниться. Мера временная, потом опять расселимся.

Учителя возроптали и заколыхались. Леклер и ухом не повел. Наверное, надеялся в суматохе приготовлений к мероприятию спастись от преследований своей невесты, которая день ото дня становилась все ретивей и насадала на него с голограммами свадебных тортов, скатертей, салфеток и букетов для украшения центрального стола.

— В первый день откроется десять секций, — продолжал бубнить Леклер. — Каждый из нас должен выступить на одной из них с пилотным докладом, задающим тон последующим чтениям. На пленарном заседании, так уж и быть, буду отдуваться я сам. И еще Михаил.

У меня перехватило дыхание.

— Что? Я? Как я? А точно я? Может, ошибка?

— Тебя назначила секретарь. Сказала, ты очень хорош в поиске нетривиальных решений.

— Нет-нет! — сказал я, стараясь выглядеть как можно глупее. — Я ведь лыка не вяжу. У меня заикание. И водянка глаза.

Леклер критически оглядел меня и произнес:

— Годен! Подготовишь доклад на тему «Способы семантизации жеста в рамках языковой двусмысленности предикативных структур с помощью задненебной ассимиляции дифтонгов».

Учителя рассмеялись. Я — нет. Я не смеялся вообще и уже вряд ли когда-нибудь буду. Это хуже, чем штраф. Хуже, чем пытка тремя парами высшей математики с дифференцированным зачетом в конце. Хуже, чем кроссовки на три размера меньше. Почему секретарша на меня взъелась? Чего она добивается? Что ж, я ей такой доклад напишу, тысячу световых лет меня помнить будет, если столько проживет, конечно!

В глубоком душевном раздразе я отправился на урок, где битый час повторял с инопланетянами наречия места, времени и образа действия, пытаясь попутно объяснить разницу между ними.

— «Сейчас» лучше, чем «медленно»? — допытывался Нрд. — На Цефей так. Любит определенный вещь.

— Это разные слова, и они нужны для разных мыслей, — простонал я. — Вот смотрите. «Сейчас я пишу слова. Я медленно пишу слова». Понятна разница?

— Конечно! Вы медленный, а надо сейчас, — сказал Нрд с победоносным видом.

В чем-то он был прав. Пока я торчу в школе, жизнь идет мимо. Где-то деньги текут рекой, но доходя до школы, течение отклоняется в сторону. И я остаюсь с пустым счетом и

голодным брюхом. От стандартных школьных обедов у меня назревал гастрит, а те несчастные пятьсот кредитов, которые послало доброе провидение, ушли на подарок Мелани, который ей, кстати, не понравился. Ей вообще было трудно угодить, и я начал думать, что скрипачи не просто так огибали ее по широкой дуге.

Вернувшись после уроков в каюту, я увидел, что на двери висит голографическое предупреждение: собрать вещи до восьми часов и очистить помещение. Я без особой спешки сгреб все в рюкзак. Надеюсь, они не поселят ко мне синегнойных кубоидов с Нибиру, иначе я зайцем сяду в катер и умчусь в неизвестном направлении, несмотря на штрафы, санкции и запреты.

Учителей уплотнили знатно: все мы, и мужчины, и женщины, поселились в спортзале на надувных матрасах, которые, судя по их виду, участвовали в массовом сплаве по горным рекам. Приходилось вставать ночью и поддувать то одну, то другую сторону. Был, конечно, в этом повальном спанье и маленький плюс: Мелани отважно расположилась рядом со мной и ночью держала меня за руку. Мы почти не ссорились, и я вновь оттаял. Мама говорила, что мягкосердечие меня погубит! Но как устоять перед девушкой, которая доверчиво сжимает твой палец в ладони?

Большую часть свободного времени я теперь тратил на доклад. Я готовил настоящую бомбу. Приходилось тщательно скрываться, чтобы Леклер и прочие ничего не заподозрили. Мелани неодобрительно похмыкивала, но я объяснил ей необходимость коренного изменения в мышлении космолингвистов. Без прорыва не будет прогресса. Без прогресса не будет энергии. А без энергии не будет человечества. Я мыслил глобально и широко. Я был в зените своего интеллектуального могущества.

Когда на корабль начали прилететь первые делегаты, уроки отменили, а нас кинули на дежурство. Мы встречали ученых и проводили для них ознакомительные экскурсии, которые неизменно оканчивались в рекреационном отсеке, где стояли накрытые столы, бил кислородный фонтан и порхали голографические бабочки. Вскоре бабочек убрали, потому что группа цифровых эукариотов наглоталась голограмм и получила масштабное расстройство интегральной сингулярности.

Периодически я навещался к своей каюте, чтобы проверить, кто в ней живет. Она долгое время пустовала, а потом в нее заселили альдебарранцев, что само по себе было большой удачей. Отходов жизнедеятельности они почти не оставляли, а конденсат я тряпкой собираю. Кубоиды с Нибиру достались Юкико, и она ужасно по этому поводу переживала. И дня не прошло, а они уже сплели паутину и покрыли стены толстым слоем слизи, единственным плюсом которой был слабый аромат ромашки.

Перед пленарным заседанием Леклер волновался так, что у него запотевали очки. Он ходил туда-сюда в учительской и повторял свой доклад. Я решил провести чтения в расслабленном состоянии и неспешно пил кофе, пока не увидел входящего в дверь дедабармена из «Трех жаб».

— Эй, малыш! Подойди-ка сюда, — сказал он мне, отступая в коридор. Я неуверенно шагнул навстречу. — Кредиты есть?

— Есть, — сказал я, рассматривая его внимательно. Он выглядел вполне живым и реальным: проходящий мимо нозеанец задел его выхлопной трубой и извинился. Значит, не галлюцинация! Или, по крайней мере, не только моя.

— Держи, — дед сунул мне в руку бутылку. — Последняя.

— Желудковертка?

— Она! С тебя трешница.

Я смахнул со счета необходимую сумму. Долг банку рос, как на дрожжах, но меня это уже не волновало. Бармен развернулся и хотел было уйти, но я крепко схватил его за плечо.

— Теперь поговорим!

— А ты серьезно настроен.

— Серьезнее некуда. Первый вопрос: где находятся «Три амебы»? Второй вопрос: зачем вы продали мне желудковертку? Третий вопрос: кто вы такой? Можете отвечать не по порядку.

Дед-бармен почесал в затылке и сказал:

— Уезжаю я. Домой. Вот и пришел попрощаться. Тебе тогда понравилось мое пойло, и я решил — дай занесу бутылочку. Не тащить же ее с собой.

— Куда тащить?

— На Землю. Меня там брат ждет. Замучил письмами. Приезжай, говорит, откроем отель на острове. Заживем!

Я сразу понял: врет! Врет, как сивый мерин, хотя я не знаю, что такое сивый и что такое мерин.

— А теперь правду! — потребовал я.

— Бутылку не урони, — посоветовал дед.

— Не уроню, — я старался изо всех сил сохранять зрительный контакт. Почему-то мне казалось это важным. — Вы мне зубы не заговаривайте! Я вас уже месяц по всем палубам ищу! Кто вы? Мираж? Голограмма? Биоробот?

— Почему сразу биоробот? — обиделся дед. — Человек. Не хуже тебя.

— Тогда почему про ваш бар никто не знает?

— Да потому! Рекламу не дал, больно дорого. Вот народ и не шел.

— Вас даже на плане нет.

— Планов не люблю. Не богоугодное это дело.

— А желудковерткой поить клиентов — богоугодное?

Дед пожал плечами.

— Никому силой в рот не вливал. Сами пьют.

Тут он похлопал себя по карманам и вскрикнул:

— Ой, потерял, потерял! На пол упало.

Я на секунду опустил глаза вниз, а когда поднял их, деда уже не было. Испарился в одно мгновение! И провел меня, как щенка!

Но теперь ситуация немного прояснилась. Дед был плотный, вполне материальный и видимый невооруженным глазом, в отличие от того же потустороннего пузыря. К Земле и ее жителям он вряд ли имеет отношение. Ни один человек не может исчезать из поля зрения настолько быстро — значит, это хитрый пришелец, замаскированный под землянина. Создает иллюзии, втирается в доверие и продает свой товар — подозрительное вино-водочное изделие, возможно, отравленное. Я повертел в руках бутылку. Информация на этикетке была скупой, как Леклер: «Бетанская желудковертка. Номинальный объем 0,5 пнт. Крепость 8,9 %. Состав: бетанская желудковертка, вода. Соответствует Доминион-ГОСТ-2100».

Я активировал пульсопланшет и запустил поиск по картинке. Ноль соответствий. Поиск по ключевым словам тоже не дал результатов. Напитка с таким названием не существовало, но Потребительский союз предлагал мне зарегистрировать торговый знак всего за тысячу

двести кредитов — можно в рассрочку, можно без поручителей.

подавив в себе желание расколотить бутылку о стену, я вернулся в учительскую, где разгуливал Леклер, впав в репетиционный экстаз.

— Вы его видели? — спросил я. — Деда, который сюда заглядывал пару минут назад?

— Что?

Леклер резко остановился, будто врезался в волножителя. Я повторил.

— Никого я не видел. А тебе бы не помешало отчитать текст.

Я развернул окно с докладом и сделал вид, что повторяю его, а сам лихорадочно думал, как поймать деда за хвост. Возле учительской есть три камеры, в поле зрения которых попадает пространство у двери, где я беседовал с дедом. Записи находятся у службы безопасности. Надо к ним обратиться. Скажу, что дед — террорист, звездный пират и маньяк, его срочно необходимо задержать. Никогда не вредно проявить бдительность.

— Пора! — мрачно сказал Леклер. — Пойдем.

— У меня дела.

— Пойдем, я сказал! Или я позову охрану, и они тебя силой потащат.

— Позовите! — обрадовался я. — Мне как раз они нужны.

— С тобой невозможно разговаривать, — разозлился Леклер. — Давно штрафов не получал? Или без отпуска хочешь остаться?

Я решил не испытывать его терпение и послушно пошел в конференц-зал, набитый до отказа инопланетянами всех мастей. Гуманоидов среди них почти не было. Первый ряд целиком занимали космоблохи, следующий визуально пустовал — там находились волножители, а дальше вплотную, по двое-трое на одном сидении располагались нозеанцы, вислоноги, жуки, огромный маточный рой, кубоиды, шары, кристаллы и бактерии. Отменная публика! И сильно геометрическая, как школьный набор первоклассника.

Леклер начал раскланиваться уже у двери и в результате не мог никак достичь сцены. Я шел сзади и невзначай подпихивал его ногой. Наконец мы оба взобрались на постамент и теперь торчали над массивной кафедрой, как двухголовое чудовище с непонятной планеты.

Следующий час можно было смело вычеркивать из жизни. Сначала Леклер долго и упорно мямлил что-то про необходимость изучения космолингвы для установления культурных связей. Зевали даже кристаллы, у которых нет рта. Волножители принялись негромко напевать. Космоблохи прыгали на стульях, мечтая кого-нибудь покусать. Одна, особо талантливая блоха, знавшая не одно, а два слова, время от времени кричала: «Власть — рабочим!» Нозеанцы быстро пропыхтели весь зал своими выхлопными газами, пришлось усилить рециркуляцию и открыть дверь. Когда Леклер закончил, раздался всеобщий вздох облегчения, а потом жидкие хлопки. Отчасти их жидкость объяснялась тем, что у сидящих в зале не было рук. Но Леклер все равно расстроился и пробурчал, что с черной неблагодарностью он сталкивается впервые.

Меня холодный прием не пугал. Терять мне нечего, в школе я задерживаться не собираюсь, карьера ученого мне не грозит, так что я грянул доклад со всей силой — аж задние ряды дрогнули. Я рассказал инопланетянам все, что думаю о них, о школе и о жизни вообще. В зале наступила мертвая тишина. Бактерии прекратили шевелить жгутиками, кубоиды втянули обратно слизь, шары прижались друг к другу и теперь напоминали допотопные бусы. Я жег глаголами их сердца. У кого не было сердец, тем жег другие органы. Леклер позади меня в ужасе схватился за стену и беспомощно ловил ртом рециркулированный воздух. А я все жег и жег — в моем докладе было двадцать пять

страниц. Я выложился по полной, я не сдерживал себя.

Когда я дочитал до конца, зал взорвался аплодисментами. Меня чуть не сдуло со сцены. Талантливая блоха кричала: «Власть! Власть! Власть!» — позабыв второе слово. Шары с Бетельгейзе простирали ко мне щупальца. Кристаллы мелодично клацали о спинки сидений, посасывая через трубочки метан. Жуки и рой одобрительно гудели и потирали лапки. Сияющий профессор Виноградов подошел ко мне и сказал:

— Михаил, вы гений!

Он, конечно, сказал что-то другое, но имел в виду именно это. Я вышел из зала триумфатором. Не хватало только преданных поклонников, которые кидали бы мне под ноги кормовые цветы. Когда восторги иссякли, Виноградов объявил пленарное заседание оконченным, и все отправились на кофе-паузу в столовую.

— Что за чушь ты порол? — прошипел мне на ухо Леклер, схватив меня за локоть. Забавно смотреть, как он завидует моему успеху! Что ж, не все ораторы от природы. Некоторых природа жестоко обидела, причем не один раз.

— А по-моему, все прошло неплохо, — сказал я, заталкивая в рот бутерброд с бужениной.

— Выплюнь немедленно! — сказал Леклер. — Это для центавриан.

— Не выплуну! — уперся я. — Что еще за дискриминация? Я есть хочу! Доклад все силы отнял.

— Твое дело — ешь. Только учти. То, что ты принял за мясо, на самом деле...

И тут буженина зашевелилась и бодро побежала прочь, перебирая крохотными когтистыми ножками.

— Бульбуар, — закончил Леклер, глядя в спину удаляющемуся бутерброду. Мой аппетит пропал, как дед-бармен из коридора — драматично и с концами.

— Вот, возьми, это съедобно.

Леклер вручил мне незнакомый фрукт, похожий на банан, скрещенный с клубникой и горохом. Из-под треснувшей желтой кожуры высовывались крохотные красные ягоды. Я взял одну. На вкус она была похожа на вареную свеклу.

— Гадость какая!

— Зато витамины, — Леклер начистил себе полную горсть и с удовольствием съел. — Зря носом крутишь. Это, между прочим, трюфельный батат, сортовой, дорогущий. Растет только на Венере и то не везде. Только в колонии имени Мичурина. Моя первая жена там живет.

И Леклер вздохнул. Тут на него вихрем налетела Мариам, у которой был развит невероятный нюх на упоминания бывших. Стоило Леклеру вспомнить о жене, невеста сразу же устраивала ему головомойку. Иногда бедняга спасался бегством. Вот и сейчас он готовился бросить фрукт и удрать к метановым кристаллам, но Мариам ловко вцепилась в него свежим маникюром, и он остался на месте.

— Любовь, — прохрипел он, прежде чем потонуть в объятьях. — Сокрушает.

— Простите, где находится туалет для мальчиков? — раздалось из-под стола. Я наклонился и увидел смущенный шар, чуть крупнее Снорри.

— Выйдите в коридор и поверните налево.

— Ах, уже не нужно.

— Не нужно? — переспросил я, оглядывая пол.

— Сменилась фаза, — пояснил он, когда понял, что я ищу. — Мужской гормон иссяк.

Теперь надо ждать восхода или трапециевидной стигмы. Да, забыл представиться, меня зовут Блоур Цаж. Фагоцитарный профессор в области ксеноощущений и родства.

— Михаил Смирнов, не профессор, не фагоцитарный. Просто учитель космолингвы.

— Знаю. Я слышал ваш доклад. Много спорного. Ваше заявление о крушении лингводинамики, на мой взгляд, нуждается в доказательной базе. Вы не думали апробировать свои новаторские теории на Бетельгейзе? У нас рады смелым умам.

Я почувствовал, как за моей спиной расправляются смятые крылья.

— Вы угадали мою мечту! Мне срочно надо апробировать кое-что на Бетельгейзе. Кстати, Блоур, как вы относитесь к глобусам?

— К чему?

Я показал ему голограмму стандартного глобуса — первую попавшуюся в сети. Блоур долго ее рассматривал, вертел, а потом заявил:

— Зачем вы делаете модели собственной планеты? Для развлечения?

— Для развлечения, для семьи, для бизнеса, — сказал я, разочарованный его реакцией. — Разве вам не по душе эта... округлость?

Блоур моргнул бинокюлярами.

— Я не любитель искусственного уменьшения масштаба. У нас, на Бетельгейзе все только в натуральную величину.

— И вам совсем-совсем не хочется иметь дома глобус? — не отставал я.

Блоур оскалил триста зубов из девятисот имеющихся и заявил:

— Михаил, на Бетельгейзе вряд ли кто-то захочет иметь такое!

— Исключения всегда бывают, — пробормотал я, вспоминая Снорри. — А вот глобус спутника Земли — Луны. Как вам?

Блоур откатился подальше. Наверное, боялся заразиться от меня страстью к глобусам.

— Мне пора, — быстро сказал он. — В туалет для мальчиков. Прощайте!

И он укатился, оставив меня у разбитого корыта. Мои мечты и планы, надежды на скорый успех и небывалое богатство — все уничтожено! Я поверил дефективному Снорри и чуть не сунул голову в петлю. Если бы не секретарша, я сейчас бы уже летел на Бетельгейзе с никому не нужным там грузом. Набрал бы кредитов и прогорел. Получается, эта гримза меня спасла.

Окончательно запутавшись в происходящем, я отбросил грустные мысли и поискал глазами Мелани. Она болтала с незнакомым мне роем возле стола с напитками. И ей угрожала опасность! Кисель из мучных протоголовастиков с планеты Тууэф выбрался из графина и заползал к ней на платье. Я подскочил, запихнул его обратно и плотно закрыл крышкой.

— Пойдем отсюда! — сказал я.

Мы сбежали с конференции. Если кто-то и заметил наше отсутствие, то не настучал начальству, и мы провели остаток дня в «Пьяном ксеносе», танцуя вместе с участниками конференции, которые уже отчитали свои доклады. Я отрывался по полной: лихо скакал и подпевал выступавшей вживую группе «Писк комет». Вислоноги силились угнаться за мной, но вскоре потеряли ритм и отстали. А Мелани всю веселилась и учила бактерий хлопать жгутиками.

В конце концов, жизнь ко мне благосклонна. На радостях я открыл бутылку желудковертки и залпом выпил чуть ли не половину. Меня свернуло клубком, потом выгнуло назад. Из рта вырвалось пламя. Инопланетяне удивленно переглядывались, пытаюсь понять,

что это за неизвестный им земной ритуал.

— Фсссо упорякэ, — сказал я, скруглив рот, чтобы пламя поменьше высывалось. — Танцуэм дальш.

Народ неохотно продолжил двигаться, пытаясь в танце отойти от меня на безопасное расстояние. И пусть! Танцпол — мой. И школа — моя. То есть не моя, но будет. Я твердо решил ею завладеть, и теперь от своего не отступлю.

Глава 6.

Конференция длилась два дня и имела ошеломительный успех в галактической прессе. Все крупные издания опубликовали голограммы с пленарного заседания. Леклер сохранил себе некоторые на память, а я не стал — слава мимолетна, и в этом ее прелесть. Коллеги то и дело выражали мне свои восторги, я скромно принимал похвалы и обещал, что продолжу в том же духе.

Уроки возобновились, жизнь вернулась в старое русло. До пятницы царила тишь, гладь и божья благодать. И вдруг, перед самыми выходными, за десять минут до первого урока, по коридорам разнесся сигнал тревоги. В учительской стих рабочий галдеж, все насторожились. Из общего терминала вывалилось окно с символом биологической опасности, и роботизированный голос равнодушно произнес: «Объявлен карантин. Всем оставаться на своих местах».

Учителя тут же кинулись врассыпную. Дверь в помещение автоматически заблокировалась, и мы не смогли ее ни открыть, ни выломать.

— Нам крышка, — прошептал Джон, оббивший о дверь оба кулака.

— Без паники! — рявкнул Леклер. — Возможно, это учения. Сейчас я разберусь.

Сначала Леклер попробовал связаться с директором, но внутренняя связь не работала, а трубку галафона тот не брал. Пост охраны включил автоответчик. Секретарь в ответ на звонок прогавкала «потом» — и дала отбой. Когда устная коммуникация зашла в тупик, Леклер ввел на терминале код доступа и принялся листать окна. Его лицо окаменело.

— Произошло заражение, — наконец сказал он. — Кто-то из участников конференции пронес на борт вирус Кинга-Земекиса. Уже есть заболевшие.

На секунду повисло молчание. Но оно было настолько невыносимым, что люди принялись кричать. Мелани бросилась ко мне, я крепко обнял ее и старался дышать спокойно. Джон упал на стул и молился, путая слова. Мариам и Юкико роняли слезы. Збышек Вишневский, учитель точных наук, с которым я мало общался, бормотал:

— Мы все умрем, мы все умрем, мы все умрем...

После Глобального вымирания 2080 года, когда эпидемия венерианской скарлатины уничтожила две трети населения Земли, отношение к вирусам резко изменилось. Власти объединенного государства землян — Доминиона — пытались запретить само слово «вирус», чтобы снизить тревожность и настроить прессу на рациональный подход к описанию болезней. Предлагались варианты: «болезнетворная сущность», «небиологическая форма жизни», «инфекционный агент» и даже «внутриклеточный дестабилизатор», но ничего из этого не прижилось. Да и вирусов меньше не стало. Периодически с других планет прилетали зараженные пришельцы, и земные ученые спешно готовились отразить атаку. В последнее время у них получалось все лучше.

Леклер открыл Галакипедию и зачитал вслух статью о вирусе, заразиться которым нам предстояло в ближайшее время.

— Бинарный вирус из семейства нуклеарных постбиотических вирулятов с коротким

периодом инфильтрации. Открыт в 2099 году группой ученых из кластера РН-500. Вероятнее всего, зародился в местах массового обитания негро-кубоидов.

— Кубоидов альтернативного окраса, — поправила его Мариам.

Леклер попытался убить ее взглядом, но она не пала. Вся надежда теперь на вирус.

— Реплицируется в делящихся клетках — продолжал Леклер — путем обратного захвата палочковидных отростков мезоэпителия. Вы что-нибудь поняли?

Мы дружно помотали головами. Юкико попросила показать голограмму вируса, Леклер развернул ее пошире. Вирус напоминал Снорри в состоянии крайнего возбуждения. По бугристой, розовой поверхности кривой строчкой бежали мелкие светлые пятна.

— Красивый, — заметила Юкико. — Как сакура в цвету.

— Ты еще хокку на эту тему сочини! — прорычал Леклер. — Нам считанные часы остались, а ее на поэзию потянуло.

— Но, может, он для нас не заразен? — с оптимизмом в голосе спросила Мелани. — Он от кубоидов пришел, а у них совсем другое строение.

— Минутку, — отозвался Леклер, переходя к разделу «Характер распространения». — Нашел! В настоящий момент считается, что вирус Кинга-Земекиса и его земной синоним — мимивирус обладают самым большим капсидом среди ДНК-содержащих...

— Клеман, листай дальше! — потребовала Мариам.

— Уже. Действие вируса на организм зависит от множества факторов, среди которых особо выделяются наличие у подвергнувшейся заражению особи хвостовидных отростков позвоночника, ороговетших придаточных желез, моносахаридов в системе кроветворения и нестабильной жидкостной коагуляции, связанной с потерей подвижности стрекательного нерва.

— Вот теперь все ясно! — заметил Джон. — Как хорошо, как доступно написано!

Леклер отшвырнул окно с Галакипедией, оно врезалось в стену и рассыпалось на множество ярких пикселей.

— Давайте поищем другие источники, — предложила Мелани, активируя пульсопланшет. — Смотрите — статья из «Вестника ЗОЖ».

— Закрывай, — посоветовал я. — Ее написал Анхель Гомес. Там наверняка про потусторонние пузыри и лечение молекулами берберийской утки.

Мелани вздохнула и открыла следующую ссылку.

— Тогда заметка в журнале «Здоровье космонавта», — она пробежала текст глазами и воскликнула. — Хорошие новости, ребята! Вирус опасен только для тех, у кого нет небных миндалин. Кому-нибудь удаляли?

— Мне, — сказал Леклер.

— И мне, — поник Джон.

— И мне, и мне, и мне...

Из всего коллектива с миндалинами оказалась только Мелани. Ее родители не теряли надежд на музыкальную карьеру дочери и без необходимости старались не менять архитектуру глотки. Весьма дальновидно с их стороны! Мелани выживет, остальные — не факт.

— Хорошо, мы выяснили, что для нас он заразен, — сказал я. — Но почему вы думаете, что он смертелен? Вирусы бывают всякие. Сейчас почти все лечится. Наверняка есть какие-нибудь таблетки, и мы легко отделаемся.

Но грустный вид Мелани говорил об обратном.

— На сто случаев заражения — семьдесят с летальным исходом.

— Ничего себе! — воскликнул Джон. — Да лучше сразу в шлюз.

Среди учителей поднялась новая волна паники. Леклер, выставив руку вверх, как комиссар времен войны, с трудом призвал коллектив к молчанию.

— Во-первых, хватит кричать, вирус не испугается и не убежит. Во-вторых, обратите внимание — распространяется фекально-оральным путем.

Юкико покраснела, а Мариам со всей силы хлопнула Леклера по щеке.

— За что? — закричал он. — Руки мойте после туалета, и выживете. И вообще, тут ниже пишут, что летальный исход — только в случае бездействия. Если вовремя вколоть вакцину, есть неплохой шанс выкарабкаться. Поняли? Успокоились?

Учителя растерянно осматривали руки. Внезапно все сорвались с места и одним большим стадом рванули в сторону санационной машины. Будь та разумной, она бы здорово удивилась, увидев, как люди борются за право подойти к ней. Прежде она не пользовалась таким спросом. Остались стоять у стола только я, Мелани и Леклер.

— Вы не боитесь заразиться? — спросил я у него.

— С некоторых пор для меня смерть — наименьшая из проблем, — пробурчал он. — И руки я мыл совсем недавно.

— А ты чего ждешь, Миша? — пихнула меня в сторону санационной машины Мелани. — Иди, встань в конец очереди.

— Мне и здесь неплохо, — сказал я. — Успею.

Тем временем из терминала опять принялись выпадать окна. Леклер подтащил их к себе и углубился в чтение.

— Новости с полей! — возвестил он, и копошение у санационной машины вмиг прекратилось. — Гомес перенаправил нам копию отчета о состоянии дел. Пока что заболевших четверо, среди них один гуманоид. Больные изолированы в боксах, проводится интенсивная терапия.

— А кто конкретно заболел? — поинтересовался Джон. Он санировался первым, сумев растолкать конкурентов, и теперь выглядел довольно бодро. Леклер открыл список:

— Центаврианин Ы из группы интенсива, аспирант профессора Виноградова кристалл Женестьева Альпенштольц, треть маточного роя — уж простите, не буду перечислять поименно — из группы Миши. И Снорри Сьюки.

— Это тоже мой! — воскликнул я. — Как он?

— Состояние критическое. Ампутировано промежуточное щупальце, выбрит пятнадцатый ряд зубов, сейчас проводится трепанация подвздошных пазух.

— Боже...

А я ведь желал ему смерти. И что теперь, он умрет? Совсем?

— Неужели ничего нельзя сделать? — дрожащим голосом спросил я. — Давайте я кровь сдам, у меня третья отрицательная, редкая.

— Зачем ему твоя кровь? — удивился Леклер. — У него же нет сердца.

Нет, подумал я в тоске, это не у него, а у меня нет сердца. Если вдуматься, все мои желания сбывались: хотел денег — получил, пусть потом и отняли. Бросила девушка — завел новую. Решил прославиться — успешно выступил с докладом. Даже напился, когда захотел, в несуществующей рюмочной. А теперь я своей волей приговорил к смерти невинное существо. Он был такой хороший! Он так любил глобусы.

— Миша, ты что? — испуганно спросила Мелани. — Плачешь?

Я отвернулся и пошел к санационной машине, которую наконец оставили в покое учителя.

— Пойдите-ка, я ошибся! — вдруг сказал Леклер. — Четвертый заболевший — барбитанец 125 993, вольнослушатель.

— А что Снорри Сьюки?

— Жив, здоров и нагловат. Разблокировал дверь каюты и явился в медицинский отсек с набором инструментов. Предлагал свою помощь в проведении операций. Заперт в пустом боксе, от греха подальше. Гомес просит Виноградова в подобных случаях разрешить ему использовать нервнопаралитический газ.

— А в каком состоянии остальные? — спросил я, переключившись мысленно на своих шуршунов. Не хотелось бы, чтобы их стало меньше. Мы с ними планировали поставить к дню космолетчика балет «Щелкунчик». Мне нужна вся труппа, а не все трупы.

— Центаврианин помещен в барокамеру, у него тахикардия и стоматит. Кристалл потерял внутреннюю решетчатость, сейчас Гомес советуется с коллегами, какую лечебную тактику применять. У роя проблемы с общественным поведением, они разлетелись по боксу и не желают взаимодействовать. Уколы не помогли, Гомес переходит к психотерапии.

— И долго нас будут держать взаперти? — спросил Джон. — Я, например, есть хочу.

— А я пить, — заявил Збышек.

— А я и пить, и есть, — крикнула Мариам.

— Тихо! — цыкнул на них Леклер. — Голосовое сообщение от Виноградова.

Чуть скрипучий голос профессора заполнил учительскую.

— Братья и сестры! В дни сомнений, в дни тягостных раздумий о судьбах родины нам пришлось столкнуться с ужасающей бедой. Сегодня, в шесть утра, без объявления войны, школу поразил вирус Кинга-Земекиса, чума двадцать второго века. Я призываю вас сохранять спокойствие, поддерживать раненных и стариков, оказывать помощь фронту...

— Что он несет?! — прошептал Джон. Стоявшие рядом учителя зашикали на него.

— ... держаться с достоинством, присущим великим учителям прошлого, — продолжал Виноградов со слезой в голосе. — Сплотимся же против общего врага и дадим ему отпор. С нами правда! С нами космолингва!

Запись оборвалась.

— Похоже, и он заболел, — заметила Мелани.

— Не исключено, — почесал подбородок Леклер. — К счастью, помимо пламенной речи он прислал еще и памятку на случай биоатаки — не совсем наш случай, но тоже подойдет. В течение одних земных суток нам предписывается оставаться там, где нас застала информация о заражении, то есть в учительской. Кормление не предполагается, поэтому готовьтесь затянуть пояса. В нашу сторону направлена команда эпидемиологов. Они заберут пострадавших, проведут чистку помещений, после чего мы останемся на карантине еще на полгода.

— Что это значит? — спросил я.

— Это значит, что свое заявление об увольнении ты можешь считать недействительным. Мы все здесь застряли. Никто никуда не летит — ни к нам, ни от нас. Провизию будут доставлять одноразовыми беспилотниками. В целом жизнь продолжается в прежнем ключе, просто с ограничениями. Уроки не отменяем, вирус вирусом, а план надо выполнять.

— Но как же так?! — вскричал Збышек. — А права человека? А свобода перемещений.

собраний? Свобода слова, наконец?

— Болтать никто не запрещает, — успокоил его Леклер. — Неделю посидим в каютах, и если никто больше не заболает, вернемся к урокам. О зарплате не волнуйтесь, она будет поступать в прежнем объеме и в те же числа.

Учителя принялись переговариваться, обсуждая предстоящий карантин. Мелани подошла ко мне и спросила:

— Ты все еще хочешь улететь?

— Сам не знаю, — сказал я. — Раньше была цель, а теперь ее нет.

— Придумай другую. Хочешь, займемся вместе наукой — на Земле?

— Я бы лучше в бизнес.

Мелани подняла указательный палец и важно сказала:

— Учить инопланетян — твое призвание, Миша! Не зарывай в землю талант.

— Правильно, зарывай туда учеников, — заметил проходивший мимо Джон и демонически захохотал. Видно, его окончательно отпустило. Вот что мытые руки делают с человеком!

Следующие двадцать три часа мы провели, как робинзоны на частично обитаемом острове. Под руководством Леклера мы свалили все съедобное в одну кучу. Вышло негусто: три протеиновых батончика без сахара — от худеющей к свадьбе Мариам, пакет нано-чипсов от Джона, шоколад с древесным нозеанским картофелем от учителя рисования Ли Куня и водный шарик от информатика Фукса. И если еду реально было разделить, то водным шариком мог воспользоваться только кто-то один. В качестве источника живительной влаги выступал и кофейный автомат, доступ к которому теперь был по записи. Разрешалось взять кипяток только два раза и строго двести миллилитров. Всем сразу нестерпимо захотелось пить, и Леклера, охранявшего автомат, чуть не затоптали. Вода быстро кончилась, народ поутих.

Некоторые проблемы были и с туалетом. Джон, живший до института на мангустиновой ферме в тропической зоне, организовал отхожее место, соорудив ширму из нескольких свитеров. Вместо унитаза пришлось использовать кадку из-под ямофикуса — сам ямофикус решили приберечь на тот случай, если еда закончится раньше карантина.

Полураздетый Леклер с синим носом и угрюмым выражением лица продолжал изучать литературу про вирус. Джон собрал из подручных материалов простенький передатчик и выстукивал на нем SOS. Мелани невозмутимо проверяла сочинения. Я тоже хотел заняться делами, но потом решил отложить их до лучших времен. Я в неволе не пою, не тружусь и не размножаюсь!

Через некоторое время Леклер объявил отбой и уменьшил освещение в учительской. Девушки с сомнением смотрели на пол, мужчины ежились. Спать вповалку мы уже привыкли, но только теперь у нас не было такой роскоши, как надувные матрасы. В учительской поддерживалась температура в двадцать два градуса, чтобы никто не расслаблялся, и без свитера мне было зябко. Другие тоже замерзли, хотя не сознавались. Помявшись, я лег рядом с Мелани и на удивление быстро уснул.

Нас разбудил звук разблокировки двери.

— Есть кто живой? — спросил незнакомый голос.

Учителя повскакивали. Самые проворные уже через секунду были у двери, осторожные остались сидеть на своих местах.

— Не бойтесь, мы пришли с миром, — сказал человек в дверях. — Я старший сотрудник

Отдела эпидемиологической безопасности Земли, Джозеф Витгенштейн. Карантин окончен, можете быть свободны.

— То есть как окончен? — раздосадовано спросил Леклер. — А как же заболевшие? Вы их увезете?

— Зачем? — удивился Витгенштейн. — Они останутся здесь, долечиваться. Мы дали вашему доктору подробные инструкции. Он заверил, что справится.

Горстка учителей, склонных к необоснованному оптимизму, попыталась покинуть помещение, но вмешался Леклер.

— Не смей расходиться, пока во всем не разберемся! — он пристально посмотрел на Витгенштейна, словно хотел уличить его во лжи. — Послушайте, офицер, мы здесь сутки просидели, и теперь нам надо знать наверняка — есть опасность заразиться или нет.

— Опасность нулевой не бывает, — развел руками Витгенштейн. — Дело-то вероятностное. Вот недавно зачищали мы офис Доминион-банка на Венере, там завелись ассимиляционные клопы. Крепко ядовитые, до ожога. Спалили крупные гнезда, опрыскали плитуса. Шанс выживания для популяции ничтожный — меньше процента. И что вы думаете, не прошло и недели, как снова готово! Покусали кассира, а у того сразу отек Квинке. Теперь объяснительную пишем, почему упустили кровососа.

— Впечатляет, — сказал Леклер. — А нам-то что делать? Надеяться, что пронесет?

— Зря волнуетесь. Вирус почти безвредный. В худшем случае отвалятся ногти на ногах, но обычно до этого не доходит.

— Да? А как насчет летального исхода?! — закричал Збышек, стоявший позади всех. — Вам легко говорить, вы в биозащите.

— Хотите — сниму? — предложил Витгенштейн. Женская часть коллектива радостно согласилась, мужская отмолчалась. — Я понимаю, у вас была тяжелая ночка. Вы не выспались, тошнит. Но вам ничего не угрожает. От понтовируса еще ни одна особь не погибла, даже кубоиды — а уж они-то хлипкие, чушь ветер просвистит — у них замор.

— Понтовирус? — переспросил я. — А разве не вирус Кинга-Земекиса? Или это одно и то же?

Витгенштейн глянул на меня, как на двоечника, беспомощно разыскивающего озеро Байкал в районе Сахары.

— Ха, ну вы и сравнили! Вирус Кинга-Земекиса — это не шутки. Из-за него целые планеты на карантин закрывают. На днях летали с проверкой в сектор М-10, просто спросили, не было ли у них случаев заражения, так там такая паника началась, мама родная! Солдаты скафандры нацепили, сидят, боятся. Офицеры с перепугу тревожную кнопку семь раз нажали — сирена еще сутки редела, отключить не могли. Вот что такое вирус Кинга-Земекиса. С ним не забалуешь.

— А с понтовирусом забалуешь? — допытывался я.

— Некоторые пытаются. У нас ребята говорили, в лабораториях на Нибиру вывели особый штамм. Заражаешься, и наступает обалдение, как от грибов шта. Знатная вещь, я вам скажу. Стоит разок попробовать.

— Вирус-наркотик? — нахмурился Леклер. — Только этого нам не хватало!

— Так то на Нибиру! — успокоил его Витгенштейн. — Там в воздухе пять процентов сурьмы, любого прищучит. Нет, у вас другое — обычный понтовирус, без мутаций, статический.

— Чем он опасен? — спросил Джон, которому не терпелось уйти из учительской.

— Если иммунитет слабенький, прошибет диарея. Бывает еще сыпь по телу — не чешется и даже красивая, спиральками такими. Лечится быстро, забывается еще быстрее.

Учителя облегченно вздохнули, но Леклер продолжал напрягаться.

— Откуда же тогда информация про вирус Кинга-Земекиса? Почему ученики при смерти?

— Никто не при смерти, — сказал Витгенштейн. — Идите и проверьте сами. Ваш доктор, не хочу говорить про него плохо, но придется, не смыслит в вирусах совсем. Когда мы к нему пришли, он как раз читал инструкцию по введению катетеров шуршунам. Минута-другая — и ввел бы, а они от этого крылья отбрасывают.

— Значит, он просто перепутал вирусы? — спросила Мелани.

— Перепутал, — подтвердил Витгенштейн. — Начальные симптомы похожи, а сделать вирусограмму он не догадался или не смог. Придется штраф вам выписать за ложный вызов службы. Может, это научит его отличать смертельные вирусы от несмертельных.

Тут Витгенштейн бросил взгляд на пульсопланшет и заторопился:

— Вызов с базы, мне пора. Будут вопросы, звоните на нашу горячую линию. Первая минута бесплатно, дальше по тарифам министерства. Счастливо оставаться!

И он скрылся в лифте. Мы несмело высунулись в коридор — там было пусто. Не хватало только песчаного вихря, перекасти-поля и завывания ветра.

— Расходимся? — спросил Джон.

Леклер кивнул, и учительская мгновенно опустела. Остались только я, Мариам и Мелани.

— А вы чего тут забыли? — пробурчал Леклер. — Идите, наслаждайтесь свободой.

— Пойдем к Гомесу, — предложил я. — Узнаем, как у него дела.

— Как-как! В ближайшие месяцы будет сидеть на голом питании, без зарплаты, — сказал Леклер. — А, черт с ним, с понтовирусом, пошли!

В медотсеке остро пахло дезинфектантами, с потолка сыпались хлопья пеносмеси с антивирусом общего действия. Унылый, потухший Гомес сидел на стуле и вертел на пальце окно с учебником по пренатальной психологии альдебарранцев.

— Как дела у больных? — аккуратно спросила Мелани.

— Уверенно идут на поправку, — сказал Гомес, не прекращая вертеть окно. — Не понимаю, зачем понадобилось вызывать эпидемслужбу. Я бы и сам справился. Недоверие — корень зла в современном обществе. И знаете, почему так происходит? У всех — почти поголовно — энергетический поток забит ложными смыслами. Надо собраться, найти в себе силы и сформировать эгрегор сострадания. Я давно об этом говорил, но меня не слушают!

— А как его формировать? — поинтересовалась полная сочувствия Мариам. Гомес слегка воспрянул и заблестел глазами.

— Перво-наперво надо потрудиться открыть верхние чакры. Процедура очень простая. Готовим карма-детокс, пьем раз в сутки строго натошак, затем садимся в позу цы.

— Вы понимаете, что из-за вашей халатности мы сутки просидели под замком — и в позе цы, и в других позах? — взорвался Леклер. — Я вам сейчас все чакры открою!

Мариам схватила его за рукав и потащила к выходу. Гомес невозмутимо смотрел им вслед. А я подошел к боксу с шуршунами. Те, увидев меня, начали биться о стекло и жалобно жужжать.

— Отойдите от пациентов, — сказал Гомес. — Вы усугубляете их нравственные страдания.

— Может, выпустим их, если они не заразные?

— Мне разрешили подержать их еще день на карантине. Для всеобщего блага.

— Но им же плохо!

— Отнюдь! Видите, у них на лапках распрямились ворсинки. Это знак того, что больные медленно, но верно движутся к балансу лимфы и сферического перикарда. Чего и вам желаю. А сейчас покиньте помещение. Мне предстоит серьезная операция, я должен настроиться.

И мы с Мелани ушли.

— Он угробит мне шуршунов, — поделился я с ней своими опасениями. — Давай ты отвлечешь его, а я их выпущу.

— Не выйдет, — сказала Мелани. — На боксе стоит сканер отпечатков пальцев.

— Хорошо, другой вариант. Ты отвлекаешь его, я оглушаю и прикладываю палец к сканеру.

— Миша, хватит изображать героя боевика. Не будет он ничего делать. Он сам в шоке. Наверное, Виноградов его уволит.

— Я бы его не просто уволил! — сказал я. — Его надо сослать на Юпитер, в седьмой дом в Стрельце. Ему там самое место.

— До чего ты кровожадный! — заметила Мелани. — Каждый может ошибиться. В прошлом году, когда один цефеанин заразил свою группу клюквенной чесоткой, Гомес выписал с Земли сироп и спас школу.

— Тоже мне достижение. Это, на минуточку, его работа — сиропы выписывать! Думаю, начальство его по голове не погладит.

Я как в воду глядел! Уже на следующий день выяснилось, что Виноградов со свистом уволил Гомеса и тот полетел домой. На прощание он окропил кабинет, смотровую и боксы водой примирения, заряженной положительными эмоциями, и сказал, что не держит ни на кого зла. Больные, выпущенные из боксов, волшебным образом выздоровели, даже многострадальный барбитанец. Страховая обещала возместить ему ущерб, который он понес в результате незаконной ампутации, и это вернуло ему радость жизни и веру в себя. Из минусов: за время изоляции в боксе он умудрился сдружиться с шуршунами, с которыми общался с помощью социального танца, и теперь требовал перевода в мою группу. Леклер склонен был согласиться, а на мои возражения о том, что я и так едва справляюсь с проверками домашних заданий и контрольных, сказал, что на мне пахать надо.

Всплыли и другие подробности карантина. Доблестный профессор Виноградов, получивший сообщение о вирусе первым, без колебаний, с холодным сердцем сел в спасательный бот и отлетел от школы на три парсека. Вторым ботом в том же направлении направилась его секретарша. К ней присоединился завхоз, замдиректора по воспитательной работе, три бухгалтера и несколько избранных аспирантов-стажеров. Капитан корабля, увидев тотальное бегство, задрал люки между служебной и школьной частью и перевел каюты на режим индивидуальной рециркуляции. Учитывая объем резервуаров, кислорода нам хватило бы на пару суток, не больше. В этой школе все норовит меня прикончить. Похоже, пора сматывать удочки. Засиделся я на одном месте. Мне, звездному страннику, не по душе покой, меня ждет неизведанное. И изведенное тоже ждет. В путь!

Глава 7.

Несмотря на всю свою решимость, рюкзак я так и не собрал. Мне надо было успокоить учеников, на которых карантин подействовал удручающе. Мармала потеряла аппетит, Шпыш перестал петь. У шуршунов от разделения роя началась икота, которая прекращалась только на уроках. Нрд боялся подцепить понтовиррус и теперь ходил в маскхалате. Бактерия перелиняла в одиночестве, ей требовалось одобрение и поддержка. Снорри, не понятый в своем порыве помочь в борьбе с грозным недугом, впал в депрессию, закатил внутрь бинокляры и не реагировал на внешние раздражители. Один только альдебарранец стоически разводил сопла в стороны и пытался учиться с прежним рвением. У него даже наметился прогресс: когда он долго напрягался, то мог сказать вместо «у» — «уы». Наверное, на нем положительно сказалось общение с пострадавшим от понтовирруса земляком.

На место уволенного Гомеса была прислана дама, которую я сперва принял за сестру-близнеца нашей секретарши. Она монолитом вписалась в кабинет, заполнив собой все свободное пространство. На табличке теперь значилось: «Зинаида Петровна Пугина, кандидат медицинских наук, ксенопрокторог, терапевт широкого профиля, преподаватель Медицинской академии Доминиона, ведущий медицинский сотрудник, завбаклаб, врач высшей категории, прием с восьми до трех, обед с двенадцати до часа тридцати, по выходным приема нет. Без стука не входить. При себе иметь бахилы, индивидуальный санитарный пакет, резиновую шапочку и справку о прохождении флюорографии. Уважайте труд уборщиц».

Последнюю фразу кто-то приписал маркером. Ее стирали, но она появлялась каждое утро вновь.

В первый же день своей работы, врач ворвалась к нам в учительскую и провела бесплатную — «я подчеркиваю, пока бесплатную, потом посмотрим» — лекцию о вреде пьянства, табакокурения и случайных половых связей с инопланетянами.

— А что, у кого-то есть связи? — весело поинтересовался Джон. — Поделитесь опытом, можно в личку!

Так он оказался первым в списке на полный медицинский осмотр, забор крови из пальца, вены и ягодичной мышцы, а также эндоскопию.

— Нельзя, просто преступно пренебрегать анализами! — говорила Пугина, тесня слушателей к столам. — Какой пример вы подаете инопланетным гражданам? Вы должны заботиться о своем здоровье! Когда вы последний раз сдавали мочу?

И она показала на меня. Чудесно! Как вопросы про мочу, так сразу мне, больше некому.

— На третьем курсе, — с трудом припомнил я. — А что?

— А то! — сказала она грозно. — Вы представляете, какой букет болезней у вас сейчас?! Не представляете! А я в лаборатории всякое повидала. У вас в моче наверняка шигеллы, клебсиеллы, цилиндры, клетки плоского эпителия, белок.

— И кубоиды с Нибиру, — подсказал Джон. — Доктор, срочно запишите его на осмотр. Он очень болен, буквально разваливается. Возможно, его придется везти в медотсек на каталке. Давайте я помогу?

— Каталки заняты, — отрезала Пугина. — Ходячие больные должны явиться ко мне самостоятельно. И вот еще что. У вас тут принято халатное отношение к хроническим заболеваниям бронхо-легочной системы. Это недопустимо. Я уже отправила директору требование всеобщей добровольной диспансеризации. Будьте любезны ознакомиться с графиком прохождения. Он будет вывешен на моем кабинете во второй половине дня. Каждая группа — строго в отведенное ей время.

— Но если диспансеризация добровольная, то можно не приходить? — наивно спросила Юкико.

— За неявку учителям полагается выговор и лишение зарплаты, ученикам — исключение из школы без права восстановления. Все добровольно и в рамках закона о повышении мер охраны здоровья жителей Доминиона, его предместий, колоний и космических станций.

На этом лекция о здоровье закончилась, и врач высшей категории Пугина покинула учительскую. Минут десять мы не решались даже моргать. Тишину нарушил Збышек.

— Ничего себе! А нельзя вернуть Гомеса? При нем как-то лучше жилось.

— Нельзя, — вздохнул Леклер. — Министерство после нашего инцидента решило контролировать медицинские кадры в школах. Посылают только проверенных.

— По этой сразу видно, что она проверенная, — заметил Джон. — Вон как рубит!

— Госпожа Пугина — заслуженный работник медицинской отрасли, — с мягким укором сказал Леклер. — Так что вы это... поосторожнее!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Намек был понят. Мы разошлись по классам, задавленные очередным грузом проблем. Во время обеденного перерыва каждому пришло сообщение от Виноградова о том, что необходимо оказать полнейшее содействие врачу Пугиной в ее фундаментальном порыве исцелить учащихся и учителей, чье здоровье находится под угрозой. И правда, такой угрозы мы еще не знали. Я морально подготовил свой класс к тому, что им предстоит пройти медицинское обследование.

— Не есть правильно и надо! — бушевал Нрд. — Быть всегда здоровье. Зачем врач? Цефеанин идти врач позор семья и род калека.

— Да-да! — подхватила Мармала. — Мы же при поступлении предъявляли справки. Мне, например, нельзя сдавать земные анализы. У меня стеноз ливера.

— Печени, — поправил я. — Вы об этом обязательно врачу скажите. Она учтет. Но пойти надо.

— Не чего нет так и надо кое будто! — разразился отборной бранью Снорри. По его поверхности расходились круги — наподобие тех, что бывают от камня, брошенного в воду.

— Вы тоже возражаете против осмотра? — устало спросил я. Один я их всех не дотащу. Наверное, придется воспользоваться идеей Джона: угнать каталку и возить группами малого состава.

— Не я хотеть хочу но нет и нельзя.

Видимо, от стресса у Снорри случился грамматический коллапс. Слова сыпались из него в произвольном порядке.

— Вовсе чему не быть я буду будешь будет когда, — продолжал он. — Несколько и да чем где-то так очень.

— Хорошо, я вас понял, — сказал я, физически почувствовав удивление остальных учеников. — Запишите, пожалуйста, свои претензии в виде голосового сообщения и

отправьте директору, копии — секретарю и в медицинский отсек. Они должны к вам прислушаться.

— Снорри готовый. Михаил совет не плохо давать. Верить и сам себе как.

— Мне нрафффиццаааа шта ффффыы пальныыы не мноооой, — вступил в разговор Шпыш, который чувствовал себя увереннее остальных. Осмотр его нисколько не волновал — осматривать, в сущности, было нечего. Почему бы тогда не попеть в свое удовольствие?

— Будет больно? Будет окуривание улей? — тревожно поинтересовался главный шуршун. — Подковывать пятка жареный гвоздь? Хоботовая цифрограмма делай туго?

— Понятия не имею, — честно сказал я. — Нам медицинскую тайну не открывают. Придем — узнаем. Если будет угроза жизни, разрешаю улететь.

— Жизнь? Что такое жизнь? — вдруг спросила бактерия.

Я замялся. Наверное, в понятие жизнь должно входить то, что объединяет меня и бактерию. Что у нас общего? Разве что зверский аппетит, да и то мне в последнее время кусок не лезет в рот. Помнится, в институте у нас был краткий курс философии жизни, но я его прогулял. А теперь — пожалуйста, понадобились знания.

— Давайте откроем словарь! — предложил я. — Вот, смотрите. Форма существования материи в ее активном стремлении к противодействию энтропии общего действия в связи с непрерывным электроногенезом и корпускулярной теорией поля. Понятнее не скажешь! А теперь, когда мы разобрались с этим легоньким вопросом, переходим к изучению глагольной системы космолингвы.

— Михаил, у нас же классный час! — напомнила Мармала. — А глаголы вы обещали дать завтра.

— Обещал завтра, а дам сегодня, — отмахнулся я. — Ну, раз у нас классный час, предлагаю поиграть в шашки.

После объяснения правил, разбитые по парам ученики принялись сражаться друг с другом не на жизнь, а на смерть. Некоторые сложности возникли у пары шуршуны — Шпыш. Разобщенный рой не мог прийти к согласию и ходил сразу тремя шашками, пробравшись в дамки уже на третьем ходу. Шпыш за неимением конечностей вообще не мог сделать хода, пока я с учительского терминала не переключил голограмму в голосовой режим управления. Тут уже начались проблемы у шуршунов, которые вместо спокойного приказа принялись жужжать на шашку, и она от этого металась по клеткам, не понимая, чего от нее хотят. Мне пришлось вмешаться в ход игры и вывести партию к ничьей. Обе стороны остались недовольны, но межрасовый конфликт ловко удалось погасить.

Через день по графику Пугиной я повел свою группу в медицинский отсек. Уже на подходе к нужному повороту меня посетила мысль, что что-то идет не так — коридоры были до отказа забиты инопланетянами. Оставив учеников, я протолкался к двери и увидел рядом с ней Джона, который злобно комкал самоочищающийся носовой платок.

— Что происходит? Почему столько народа? — спросил я.

— Очередь на сдачу крови, — нехотя ответил Джон. — Лаборант заболел, Пугина берет сама. Каждого по полчаса обслуживает.

— А как же график?

— График, график, — пробурчал Джон. — Да чтоб она подавилась этим графиком!

Вдруг из-за двери раздался кашель и приказ.

— Хлопните мне по спине!

— Спин-нне? — удивленно пропищал какой-то инопланетянин. — Спи? Не?

Дверь исчезла. На пороге стояла красная, вся в слезах Пугина.

— Есть тут нормальные? Кто-нибудь может мне помочь?

— Я! — вызвался Джон и отвел руку для мощного удара. Я затаил дыхание: неужели он ее треснет? Но Джон струсил, у самой спины Пугиной его рука замедлила ход и выдала жалкий хлопок.

— Еще! — потребовала врач. — Сильнее!

— Я боюсь, — честно сознался Джон. — Это уже превышение предела допустимой самообороны.

Пугина покосилась на него и ушла обратно в кабинет, вернув дверь на место.

— Следующий! — проорала она.

Под ноги мне вывалился несчастный, обескровленный жучок и пополз в направлении лифта. Вместо него в кабинет вошел бледный, дрожащий нозеанец. Минуту спустя он, уколотый иглой, издал жуткий вопль и опрометью кинулся прочь, оставляя за собой подозрительного вида след. Дверь он вышиб, и она, частично развалившись, искрила в углу коридора.

— Ничего себе! — сказал я. — Твой был?

— Мой, — грустно подтвердил Джон. — Ранимый субъект. Мы с ним на фрезерном станке работали, вытачивали ножку для табурета, так он весь урок рыдал, говорил, что дереву плохо. Представляешь, у них в поселении за раздавленный овощ приговаривают к трем годам лишения свободы.

— Непростая жизнь, — согласился я. — Сколько твоих уже отстрелялось?

— Трое.

— А остальные тогда кто?

— Стажеры, вольнослушатели. Вон там, поодаль, группа Збышека. Он сам прийти не смог, якобы, семейные проблемы.

Я прикинул количество стоящих в очереди перед нами — не меньше тридцати инопланетян, и это если считать два маточных роя за цельные организмы. Кивнув на прощание Джону, я отправился к своим ученикам, которые сражались с толпой альдебарранцев.

— Давать идти! — раздался голос старшего из них, пропущенный через конвертор речи. — Жить надоело?

— Пойдите! — вмешался я. — Мы заняли очередь раньше вас. Поэтому вы будете за нами.

— Ничего не знать, — возмутился альдебарранец. — Сегодня надо. Мы быть здесь назад час. Говорить последний. Вас здесь не стоять.

— Ерунда какая! — разозлился я. — Мы пришли по графику, а вы лезете в живую очередь. Так нельзя! Соблюдайте правила!

Альдебарранцы отступили, увидев во мне грозного противника. Мои ученики, гордые, что я отвоевал для них место под солнцем, встали тесным кружком. Снорри по привычке прильнул к моей ноге, бактерия потыкала жгутиком в штанину, нашла в ней микроскопическую дырочку и принялась копошиться. Внезапно мне стало трудно дышать, словно горло сдавила невидимая удавка.

— Шпыщ, слезьте! — прохрипел я.

— Кампааат патяяяня патяяяня кампааат, — пропел он мне на ухо и ослабил хватку. Но не улетел — повис на шее шарфом.

— Живая очередь? — заинтересованно спросила Мармала, безуспешно искавшая это выражение в словаре. — Михаил, что это такое?

— Старинное понятие, — сказал я. — Для современной Земли не актуально.

Потом подумал и добавил.

— Почти.

Мармала недоверчиво покачала головой.

— Мой словарь дал мне ссылку на легенду о живой и мертвой воде. У вас занятный эпос! Я правильно понимаю, что живая очередь — это парад мертвецов, склеенных биоактивной жидкостью?

— В чем-то вы правы, — сказал я. — В наших земных очередях умрешь стоять. Развалишься — потом не склеят. Но вообще на Земле сейчас все устроено гораздо более разумно, чем здесь. Нам не приходится ждать. Чтобы получить товары и услуги, мы оставляем инстант-заявки, нам назначают конкретное время, и мы приходим точно в срок. Если пропустили, заново отсылаем заявку.

— А почему тут не получилось?

— Сам не знаю. Сбой системы. Неучтенный фактор.

— Хотела бы я постоять в мертвой очереди! — влюбленным голосом сказала Мармала. — Ты движешься, а вокруг тебя отшелушенные эндоскелеты.

Я скептически окинул стоящих перед нами. Их число не только не уменьшилось — к тем счастливицам, что достигли двери, подтянулись друзья, в том числе хитрые альдебарранцы, которых я отогнал. С тыла зайти не вышло, так они ворвались с переднего фланга.

— Судя по темпу приема анализов, нам скоро выпадет шанс увидеть отшелушивание.

И мы принялись покорно ждать. На исходе второго часа, когда моя группа готовилась восстать против тирании времени, мы доползли до кабинета. Джон, радостно пританцовывая, отсалютовал мне из лифта.

— Следующий! — проорала Пугина, и я втолкнул в кабинет упирающегося Снорри.

— Паника! — вопил он. — Надо ни-ни-ни.

Но я был непреклонен.

— Вы кто? — спросила Пугина, не отрывая глаз от бумажного журнала, который заполняла вручную. Она писала причудливым, совершенно нечитабельным почерком: одни буквы торчали петельками вверх, другие — петельками вниз. Иногда петельки перемежались кружочками.

— Группа номер пять в полном составе пришла на анализы. Я их учитель, Михаил Смирнов.

— Раздевайтесь! — потребовала Пугина.

— Кто? Я?

— Ну, не я же! — отрезала она.

— Но зачем?

— Положено.

И я нехотя стянул штаны. Снорри посмотрел на меня с ужасом.

— Михаил, что делать вы? Ой, шкура сброс недобрый!

— Успокойтесь, Снорри. На медицинском осмотре принято снимать одежду. Помните, мы проходили эту тему позавчера? Одежда — искусственный покров землян для защиты от неблагоприятных факторов среды.

Снорри полез проверять свои записи.

— И долго вы будете копаться?! — взорвалась Пугина. — Из-за таких, как вы, я обед пропустила.

— Не стесняйтесь, кушайте, — предложил я. — Мы подождем.

— Трусы снимай, умник!

— Не буду.

— Хорошо, тогда я пишу диагноз: запущенный сифилис четвертой стадии. Половые органы подлежат немедленной ампутации без применения анестезии.

— Можно я хоть за ширму отойду? — взмолился я.

Пугина кивнула. Покончив с осмотром, она разрешила мне одеться ниже пояса, взяла мазки, выкачала пол-литра крови и, удовлетворенная, переключилась на Снорри. Тот затаился под кушеткой и блестел оттуда биноклями, полными слез.

— Вытаскивайте своего ученика! — потребовала врач.

— Снорри, не упрямитесь, идите ко мне, — сказал я, пытаясь выкатить шар из его убежища. — Пять минут мучений, и все закончится.

— Несите его туда! — потребовала Пугина, когда Снорри оказался у меня в руках. В углу кабинета возвышалась кабина — раньше я ее не видел. Наверное, прилетела вместе с эпидемиологами. Я засунул в нее Снорри. Он покорился судьбе и растекся в аморфный блин.

— Что нужно делать? — спросил я.

— Молодой человек, почему вам все надо объяснять? Вы первый раз на флюорографии? Как вас вообще пустили к ученикам, если вы ничего не знаете?

— Мне на каждый вопрос отвечать, или выборочно?

— Хамить своей маме будете, а при мне держите род на замке! Объясните ученику, что делать и отойдите от аппарата.

— Снорри, — сказал я ласково. — Подкатитесь поближе к металлическому экрану и прижмитесь к нему. Представьте, что это моя нога. А потом, когда врач скажет, задержите дыхание. И не дышите несколько секунд.

— Не дышать? — вскрикнул Снорри. — Умирать?

— Нет, просто задержите дыхание.

— Чем?

Я скептически осмотрел его. Есть ли у него вообще легкие? По-моему, я где-то читал, что ретро-хордовые шары дышат через поры в теменной части, и в основном азотом, а не кислородом.

— Давайте вы просто смиренно постоите, а врач сделает снимок и успокоится.

Снорри, с отчаянием бойца, лежащего на амбразуру, прижался к металлической пластине. Кабинка закрылась, я остался снаружи.

— Не дышать! — приказала Пугина.

— Не дышу! — прокричал Снорри из кабинки.

И откуда только в нем правильная грамматика взялась, подивился я. Первый раз на моей памяти он поставил глагол в нужную форму. Поощрю его пятеркой, за смелость перед лицом беспощадной флюорографии.

Когда дверь отъехала, на руки мне выпал упавший в обморок Снорри.

— Следующий! — рявкнула Пугина, и у меня заложило ухо. В кабинет неуверенно влетел рой.

— Их всех вместе просветим, или по очереди? — спросил я.

— Разумеется, по очереди. Туберкулез — индивидуальная болезнь. Полезайте вместе с ними и придерживайте их во время процедуры.

— Но меня же облучит.

— Возьмите свинцовый фартук. Он на стуле.

Шуршуны выстроились цепочкой, а я надел бронетанковый фартук и шагнул в кабину. Прижимать шуршунов к пластине было, в сущности, даже приятно. Они были на ощупь теплые, слегка мохнатые, и приятно вздыхали, когда рентгеновский луч проходил сквозь их тельца. Через сорок минут шуршуны закончились, и я с облегчением снял с себя свинец.

Мармала и Нрд прошли медосмотр без особого сопротивления. Правда, цефеанину не удалось зажать вену после забора крови. Ярко-желтая жидкость брызнула в стену, оставив на ней огромное пятно.

— Отмывать сами будете! — буднично сказала Пугина и сунула мне в руки тряпку, которая в прошлой жизни была белым халатом. Память об этом сохранилась в виде пуговицы и штампа — «Городская поликлиника номер три». Кровь цефеанина оттиралась с трудом, по большей части, она размазывалась и еще крепче въедалась в обшивку. Сам Нрд стойчески перенес кровопотерю, сказав, что воин является воином до последнего тромбоцита. Но хвост у него предательски подрагивал, и чешуйки растрепались — верный знак стресса.

Когда он ушел, в кабинет заползла бактерия. Она уселась на стул и, указав жгутиком на Пугину, властно спросила:

— Человек?

— Доктор. Врач, — уточнил я. — Сейчас вас будут обследовать. Потерпите немного.

Пугина с сомнением оглядела одноклеточного пациента, не понимая, откуда брать кровь. Она пододвинула стул с бактерией поближе к фотолампе, потрогала пальцем упругую вакуоль и воскликнула:

— Да тут и крови-то нет!

— Нет, — подтвердил я, злорадствуя в душе. Вот ты и села в лужу, головорезка!

— А это что? — спросила Пугина, тыкнув в волнистые линии, пересекавшие тело бактерии.

— Неужели не видно — комплекс Годжи. И чему вас только учили?

Пугина растерзала меня взглядом.

— Не комплекс Годжи, а эндоплазматическая сеть. Шероховатая.

— Не шероховатая! — возмутилась бактерия. — Трогать не смей, поняла?

— Тише, тише, — успокаивал ее я. — Доктор хочет вам помочь.

— Не хочет! — качнулась на стуле бактерия. — Травма не желать. Прощай, ошибка! Звонить в полиций. Угроза устраняя.

— Уймите свою ученицу, — попросила Пугина. Тон ее был все еще жестким, но в нем чувствовалась усталость металла. За неимением кровеносной системы, бактерии разрешили не сдавать некоторые анализы, и мы перешли к флюорографии. Кабина десять минут не открывалась, автоматически уйдя на дезинфекцию. Пришлось ждать. Когда она соизволила открыться, я вошел внутрь и приклеил бактерию к экрану. Пугина сделала снимок, дверь отползла в сторону, и тут я увидел, что бактерии нет. Она исчезла! Я обыскал пол, потолок, обшарил стены.

— Мы ее растворили! — закричал я в испуге. — Лучами! До смерти! О боже!

— Как? — Пугина бросилась в кабину и принялась вместе со мной метаться в поисках пропажи. И вдруг дверь захлопнулась. Мы попали в ловушку.

— Она открывается изнутри? — спросил я, пытаясь поддеть край ногтями.

— Нет! Только с пульта.

— Он голографический?

— Аналоговый, — простонала Пугина. — Кнопочный. Нам прислали старую модель.

Списали из больницы.

— И что теперь делать?

— Что-что? Кричать!

И мы принялись звать на помощь. Пугина сорвала голос довольно быстро, а я, закаленный лекциями, продержался чуть дольше. Нас никто не услышал. Ах, какой я растяпа! Снял пульсопланшет — теперь ни позвонить, ни подать сигнал тревоги.

— Не дышать! — вдруг раздался голос снаружи. На пульт устройства вскарабкалась коварная бактерия.

— Эй, выпустите нас! — потребовала Пугина. — Немедленно, слышите? Или я вас...

— Угрожать бесполезно, — сказал я. — У бактерий нет представления о причинно-следственных связях. Для нее есть только здесь и сейчас.

— А по-моему, она все прекрасно понимает. И полицию грозила наслать, и в кабине нас заперла. Давайте, воздействуйте на нее. Вы же учитель!

— Учитель, а не бог митохондрий, — огрызнулся я. — Думаете, она меня слушается? Ничуть!

— Предложите ей что-нибудь! Пятерку за четверть, поблажки на экзамене.

— Вы мне предлагаете совестью торговать? — взорвался я. — Да я лучше здесь останусь, чем поставлю незаслуженную пятерку.

Пугина скрипнула зубами.

— Но что-то же ей нужно?

— Ей надоели анализы. Вон, смотрите, как она вакуоли выпятила, значит, правду говорю. Она требует, чтобы вы отпустили группу — и нашу, и следующие — и зачли анализы заочно. Иначе мы с вами просидим здесь до второго пришествия. А может, и дольше, если вы атеист.

— И как вы поняли, что она имеет в виду? Она же молчит.

— Поверьте мне, своих учеников я изучил досконально. Им достаточно шевельнуться, а я уже знаю, что они скажут. Педагогический симбиоз.

— Ну хорошо, — сдалась Пугина. — Я выполню ее нелепые требования. Но учтите, если на корабле случится вспышка туберкулеза, отвечать за нее лично вам. Вам — и вашей бактерии.

— Договорились! — сказал я, и дверь кабинки любезно отъехала в сторону.

Схватив бактерию, я резво выбежал из кабинета. Меня встретили громом аплодисментов ученики.

— Расходимся, пока она не передумала! — сказал я. Инопланетяне шеренгой двинулись к лифту.

— Ловкач! — оценил мои старания Леклер, подошедший к медотсеку с группой кубоидов. — А как ты ухитрился вынести из кабинки бактерию?

— Она в рукав ко мне залезла.

Бактерия, довольная собой, поклонилась Леклеру, изящно махнув жгутиком. Жаль, что план по облапошиванию доктора, пришел мне в голову так поздно. Мог бы многих спасти.

Довольный собой, я поспешил в каюту к Мелани. Мы собирались вместе отправиться в

кафе, чтобы отметить окончание эпопеи с анализами и прийти в себя после трудовой недели. Кроме того, близился к концу второй месяц моей отработки, и надо было что-то решать: забирать заявление и оставаться в школе или лететь на Землю.

— Оставайся! — попросила Мелани. — С тобой так весело.

— Отличный комплимент! — оценил я. — Воодушевляет.

— А что я должна была сказать?

— Например, что я — мужчина твоей жизни, и без меня ты пропадешь.

— Мама запретила мне говорить неправду.

— Ах, значит, мама? — надулся я. — Хорошо же. Я тебя понял — улетаю домой. Там меня оценят по достоинству.

— Миша, я же пошутила! — рассмеялась Мелани. — Конечно, ты мне нравишься. Ты милый. И хорошо танцуешь.

— А сейчас ты скажешь, что я твой лучший друг, и ты хотела бы встретить такого парня, как я, и у вас бы с ним случилась любовь.

— Ты мысли читаешь? — насторожилась Мелани.

— Нет, просто я почетный гражданин френд-зоны, мне можно мульти-паспорт выдавать. Мелани, какого черта?! Я думал, мы встречаемся!

Она вздохнула и потупилась.

— Я считаю, нам лучше пока притормозить. Слишком быстро все развивается, и мое сердце не готово.

— То есть ты меня бросаешь? Бросаешь, да?

— Не бросаю — откладываю. На время.

— Я тебе домашнее задание, чтобы меня откладывать? Я живой человек, Мелани! Я только что укротил тигрицу в белом халате. Думал, ты будешь гордиться мной. А ты вместо этого хладнокровно меня отшвырнула! За что?

— Дело не в тебе, а во мне.

— Так, похоже, мы идем по стандартному списку. Дальше что? «Мне надо подумать. Я должна побыть одна. Я завидую твоей будущей жене». Вот это все, я угадал?

Мелани нахмурилась.

— Прекрати валять дурака. У нас все хорошо, но иногда нужен отдых. Ты на меня давишь! Мне нужно личное пространство.

— Хорошо! — я отсел от нее на три метра. — Просторнее стало? Воздуха прибавилось?

— С тобой невозможно разговаривать, — сказала она холодно. — Мариам права, ты просто шут гороховый. Убирайся отсюда!

Я медленно встал и раздавленной улиткой пополз к двери. Мелани, ледяная, как Плутон и ближайšie к нему недопланеты, отвернулась и сделала вид, что очень занята переключением подушки на пять сантиметров левее. Я вышел и долго стоял у ее каюты, прислонившись к стене.

Что мы имеем в сухом остатке? Дохода нет — и еще месяц не будет. Меня только что опять бросили. Ничего, я выживу. Надо двигаться дальше, осталось понять куда. Возможно, стоит подкопить кредитов и попробовать слетать на Бетельгейзе — для анализа рынка. Шары путаются в показаниях, и для прояснения ситуации можно поработать с непосредственными потребителями на местах. Еще пару месяцев проведу в школе, а там, глядишь, что-нибудь дельное наклюнется.

И я отправился к себе в каюту, довольный своей живучестью. Меня не сломить!

Глава 8.

Но сломить меня все же удалось. В четверг Леклер собрал коллектив после уроков и сообщил, что профессор Виноградов договорился о проведении курсов повышения квалификации для преподавателей космолингвы и других земных предметов на базе нашей школы. Мы должны были подготовить программу занятий и рассказать инопланетянам о новых педагогических технологиях — которыми, конечно же, и сами не владели.

— Тем, кому недостает опыта, — сказал Леклер, искоса подглядывая на меня — предлагаю в кратчайшие сроки ознакомиться с «Базовой энциклопедией учителя». Там подробно излагаются основы мастерства. Вот она.

И на учителей посыпались копии энциклопедии.

— Мне не надо! — отмахнулся Збышек. — Я здесь уже десятый год пашу без отпуска.

— Можешь удалить, — разрешил Леклер. — Кстати, раз ты ветеран школы, к тебе мы направим группу с Проксимы-3. Они в заявке указали, что интересуются десятичными дробями, у них таких нет.

— А какие есть? — тревожно спросил Збышек.

— Цельноклеточные и гидрозависимые. Не спрашивай, что это. Я не узнавал и не собираюсь.

Леклер повернулся к остальным, которые настороженно следили за каждым его движением, ожидая раздачи неприятных заданий и дополнительной нагрузки.

— Забыл сказать главное, курсы оплачиваются отдельно, по двойному тарифу. Так что можно радоваться, бросать в воздух чепчики и благодарить судьбу за щедрый подарок.

— Ура, — мрачно сказал Джон. — Не добились вирусом и решили взять нас измором?

— Не моя идея, — набылчился Леклер. — Я тоже, как и вы, стою у станка и возьму на себя три группы. Курсы продлятся неделю — вполне реально потерпеть.

— Расписание уже есть? — поинтересовался я.

— Да. Держите! — и Леклер раскидал нам таблицы с названиями групп, списками учащихся и номерами аудиторий. — Если есть предложения по оптимизации учебного процесса, самое время их внести.

— Есть предложения, — сказал Джон. — Давайте еще раз запустим байку про вирус.

— Никто не хочет поменяться? У меня опять группа блох, а я хочу вислоногов, — робко попросила Юкико.

— Все хотят вислоногов, — усмехнулся учитель танцев Рубен Акопян. — А у меня червеобразные моллюски с Альтаира. Чему я их научу?

— Они просили поставить им танец с саблями, — сказал Леклер. — Сабли я уже заказал.

— Чтобы поднять саблю, их двести штук нужно.

— Не переживай. Я взял облегченные, из крашеного пластика.

— Господь всемогущий! — взмолился Рубен. — За что ты караешь меня, грешника?

— Кончай ломать комедию, — разозлился Леклер. — Вам на сцене Доминион-плаза не выступать. Если они не освоят движений, просто подержат саблю, пока ты танцуешь.

Рубен зарыдал:

— О, мои бедные предки до седьмого колена! Какой позор, какой неистовый позор! Саблю мне еще никто не держал.

Тем временем я решил посмотреть, какие же инопланетяне достались мне. Леклер не постеснялся с нагрузкой. Помимо основных занятий в мое расписание добавили по две пары

ежедневно, в послеобеденное время. В первой группе были космолучи из системы В190, во второй — кубоиды. Третья, смешанная, состояла из нескольких рас, мне пока не знакомых: истинные мыслевики с Арктура, темнили из Вторичного квадранта и холодовыносливые вещества с нескольких безымянных астероидов. Чтобы работать с ними, мне нужен был особый скафандр с антибликовой пропиткой.

Предполагалось, что я объясню им, как составлять конспект урока, на что обратить внимание при работе с учебными пособиями и как поддерживать дисциплину в классе. Мыслевики дополнительно указали, что их интересует технология создания шпаргалок и бомб. В этом деле я, разумеется, был первоклассным экспертом, но что-то мне подсказывало, инопланетяне хотели бы услышать о других бомбах, куда более действенных.

Перед уроком с кубоидами я попросил Леклера показать мне голограммы с их паспортов, чтобы соотнести имена с конкретными лицами. Завуч, пожав плечами, выполнил мою просьбу, и возле стола один за другим возникли полупрозрачные, слегка светящиеся геометрические тела.

— Да они же одинаковые! — воскликнул я. — Вы уверены, что это разные кубоиды?

— Абсолютно уверен, — спокойно ответил Леклер. — Посмотри, различия все же есть. У этого чуть скошен нижний правый угол, у того есть пятнышко более темного цвета и светочувствительная щель слегка щурится.

— Я их перепутаю, — уныло сказал я.

— Привыкнешь! Когда я только начинал работать с кубоидами, часто попадал впросак. Помню, была у меня группа — неглупые пареньки, староста всегда в очках, с печатью интеллекта на лице. А один раз явился без очков. Я, как дурак, машу руками: «Ребята, у нас новенький в классе! Поприветствуем!» Смотрю, они аж округлились от удивления. Староста и говорит: «Сегодня я в линзах».

— Поучительно, — сказал я. — И что было потом?

— Потом я догадался подписать каждого бесцветным маркером и больше не путался. Когда надо было назвать кого-то по имени, глядел в пульсопланшет — а они там все помечены, голубчики.

— Отличная идея! Возьму на вооружение.

— Бери, сынок. Для тебя ничего не жалко.

Урок с кубоидами проходил в конференц-зале. Уборщица нервно протирала тряпкой ворсистую поверхность кресел.

— С ногами залезут! Испачкают! — сокрушалась она. — Ты хоть проследи, чтобы не безобразили. А то в прошлый раз насорили, накурили.

— Кубоиды не курят, — успокоил ее я. — Они выделяют гной и слизь для лучшего сцепления с поверхностью.

Уборщица заслонила шваброй кресла.

— Не пушу!

Но кубоиды уже начинали рассаживаться по местам, не обращая на ее крики никакого внимания. Я вздохнул и взобрался на подготовленный для меня стул. Мне предстояли нелегкие полтора часа.

Кубоиды сразу потребовали, чтобы я объяснил им разницу между глаголами «есть» и «пить».

— Оба внутрь! — кричала особь со скругленным углом. — Люди путать, и мы непонятно.

— Знали бы вы, сколько всего люди внутрь, — сказал я со вздохом.

— Если вы не любите внутрь, тогда делать наружу. Очень просто, сейчас показать.

И он на моих глазах вывернулся наизнанку.

— Познавательное, — пробормотал я и опрометью кинулся вон из класса, зажимая рот рукой. Туалет был далеко, но на мое счастье невдалеке виднелся ямофикус, который меня выручил. Это полезное полурастение отличалось способностью мгновенно съесть все, что попадало в его кольчатый желудок, раскрытый навстречу миру в виде алого бутона.

— Неудачный день? — спросил кто-то за моей спиной, когда я закончил передачу данных ямофикусу.

Я обернулся. У лестницы стоял тонкий стебелек, с которого густо свисали спелые ягоды, напоминающие крыжовник.

— Травма на производстве, — ответил ему я. — Вы тоже прилетели на курсы?

— Нет, — грустно качнул ягодами он. — Я здесь живу. Вот моя кадка.

И он указал на стоящий рядом ямофикус.

— Так это я в вас?.. — ужаснулся я. — Почему вы меня не остановили?

— Не вы первый, не вы последний, — философски заметил стебелек. — Но если вам не трудно, перенесите меня поближе к иллюминатору.

Я выполнил его просьбу. Стебелек помялся в нерешительности, а затем пристроился сбоку от бутона и пустил в землю прозрачные гибкие корни.

— Моя беда в том, что я съедобен, и об этом многие догадываются, — доверительно сообщил ямофикус. — Смотрите, как меня погрызли!

И он выпростал рваный и наполовину завядший листок.

— Давайте я вас спрячу! — предложил я. — У меня в каюте много места.

Ямофикус грустно тряхнул ягодами.

— Тогда я целыми днями буду один. А я экстраверт! Мне нужно общество.

— Так оно же вас грызет!

— Что ж — это жизнь. Ах, не обращайтесь внимания на стоны немощного, одинокого старика! Когда тебе миллион световых лет, невольно начинаешь киснуть и превращаешься в законченного ипохондрика.

Я с уважением посмотрел на ямофикус. Я бы в этом возрасте уже давно принадлежал душой и телом к неживой материи, а этот бодр и даже не против разговора.

— Если вы не возражаете, я пойду, — сказал я ямофикусу. — Меня ждут слушатели.

— Постойте, милый юноша! Еще одна просьба. Не могли бы вы взять мой плод и высадить на приличной планете? Мне бы так хотелось, чтобы он был счастлив.

Ямофикус тряхнул кроной, и мне на ладонь упала спелая ягода. Ее плоть мгновенно сдулась, опала и высохла. Под тонкой кожурой обнаружилась плотная, гладкая семенная коробочка, в которой что-то ненавязчиво шуршало.

— Я сделаю это! — пообещал я.

Ямофикус поклонился и прошелестел:

— О, благодарю!

Я сделал глубокий вдох и шагнул навстречу кубоидам, которые в мое отсутствие собрались в кучу и вытопили из своих сердец такое количество слизи, что по ней уже можно было пускать кораблики — если бы кому-то вдруг захотелось это сделать. Мне — не хотелось. Я вообще мечтал только о том, чтобы этот день побыстрее закончился.

На последний урок я едва волочил ноги, испачканные в слизи. На пульсопланшет то и

дело приходили сообщения из учительского чата.

«Эти вирусиды еще хуже, чем нозеанцы! — кипел Джон. — Никакого понятия об учебной дисциплине. Заразили меня. Теперь кашляю».

«А у меня опять блохи. Возьмите кто-нибудь блох!» — написала Юкико и добавила кучу грустных смайликов, разной степени слезливости. Один смайлик безудержно рыдал — пришлось отключить озвучку эмоций.

«Держимся! Работаем! — внушал Леклер. — Помним про бонус к зарплате».

Добавленный им знак космокредита не убедил никого. Все продолжали ныть и страдать, параллельно делая, что должно. Юкико, например, умудрялась строчить свои послания в чат даже во время потоковой лекции. Редкий талант — не нашедший, увы, достойного применения.

Финальным штрихом моего рабочего дня был урок с мыслевиками и темнилами. Холодовыносливые существа не явились, сославшись на общее нездоровье и слишком теплую атмосферу нашей школы. Впервые на моей памяти кто-то посчитал нас излишне приветливыми.

Я вошел в тесную аудиторию, больше похожую на складское помещение, и осмотрелся. В углу копошились небольшие комочки пуха, которые по совместительству были мыслевиками. Темнилы лежали на полу в виде длинных аморфных теней, и на них нельзя было ни в коем случае наступать. Я поздоровался, представился и на цыпочках пробрался к кафедре. Издалека она напоминала уютный одноместный саркофаг.

— Михаил хочет кушать! — вдруг сказали мыслевики. — Михаил очень голодный, и он решил окончить урок на пятнадцать минут раньше.

Теперь мне стало ясно, почему этих существ так называли. Я глянул в пульсопланшет, нашел их общее родовое имя и сказал:

— Уважаемые Йзизойм-шэшэ, попрошу во время уроков не читать мои мысли. Спасибо за понимание.

— Он обижается! — прошелестели мыслевики. — Он мечтает нас наказать. Двойками!

— Нет. Не мечтаю! Давайте переключимся с моей персоны на более интересные темы — например, на окончания существительных. Или на методы преподавания в группах смешанного состава.

— Он лжет, он лжет! Он считает свою персону самой важной темой! Он не хочет учить нас. Злится.

В этот момент я пожалел, что не поменялся с Юкико на космических блох. Дело шло к полному провалу: с мыслевиками мне не справиться. Я уже приготовился выйти из аудитории, как вдруг вмешались темнилы. Они заметались по полу, как вихрь, и сложились в надпись — «Приступай к теме». А одна, самая игривая темнила, изогнулась в слово «милашка».

Я сделал глубокий вдох, развернул экран с планом занятия и погрузился в работу. Через некоторое время я расслабился, решив, что мыслевики укрощены, и вдруг на меня накатила сонная одурь. Я с трудом подавлял зевки и едва не прилег прямо на рабочем месте. Потом меня внезапно отпустило, и вместо этого в голову полезли мысли о девушках. Стиснув челюсти, я пытался выгнать из сознания мыслевиков, но был против них бессилён.

Я остановил урок и громко сказал:

— Хватит!

Мыслевики заволновались в своем углу.

— Если вы намерены поразвлечься за мой счет, этого не будет! Еще одна попытка взлома, и я напишу жалобу на имя вашего президента, а также в Министерство образования. Ни в одну приличную школу вы больше не попадете.

— Пугает, а нам не страшно! — неуверенно сказали мыслевики.

— Хорошо, смелые вы мои. Можете опять забираться ко мне в голову, я приготовил вам сюрприз.

Я мысленно представил себе небольшой двухэтажный домик с любезно распахнутой дверью. В такой приятно войти после долгой прогулки по солнечной дороге. Только мыслевики не догадывались, что этот домик я взял из знаменитого фильма ужасов «Кровавая пятница-7», и внутри их ждет не гостеприимные хозяева и ужин, а отменная жуть от лучших сценаристов Доминиона.

Мыслевики присмирели и больше не пытались взять меня штурмом, а после урока прислали Леклеру благодарность на мое имя. Но особой радости я не почувствовал. После этих курсов у меня напрочь пропал аппетит и тяга к жизни. И больше всего меня мучило то, что в видениях о девушках, насланных мыслевиками, мелькала только одна фигура — Мелани. Мне ее страшно не хватало. И как вернуть ее назад, я не знал.

Глава 9.

Я шел по коридору в учительскую, размышляя, на какой теме сегодня лучше остановиться. Мармала просила рассказать про земные праздники, а шуршуны умоляли познакомить их с нашими продуктами пчеловодства. Нрд требовал показать карты военных заводов — недаром другие учителя считают, что он цефеанский шпион. Хотя зачем засылать шпиона в языковую школу, мне до конца не ясно. Вызнать секретные суффиксы? Завербовать учителей?

Из концертного зала слышалась распевка хора.

— Зи-и-и-и-йааааа! — пела Мариам, и волножители вторили ей. — Ма-му-мо-ми-мыыыыы!

В хоре выделялся один голос — густой, басовитый, который так протрубил это злосчастное «мы», что по перекрытиям корабля пошла вибрация. Похоже, Мариам перестаралась.

— Боже, царя храни! — вдруг взревел хор. — Сильный, державный.

Ничего себе репертуар! Мариам как-то с горечью сказала, что песни выбирает заводила — волножитель по имени Чпыч. Он консервативен, строг и поет тенором. Мариам изо всех сил старалась подсунуть ему песни поновей, но он отвергал их, даже не заглянув в ноты.

— Цааааарь правослааааавный! — эхом разносилось по коридору. На заднем плане слышался скорбный стон Мариам.

В учительской тоже кипели страсти. Стол Джона, стоявший в центре, был сдвинут вбок. Вместо него в воздухе висела огромная голограмма: прозрачный горизонтальный бочонок с шариками внутри.

— Красиво! — сказал я. — К Новому году готовитесь? Елка следующего поколения?

— И вовсе не елка, — сказал Леклер. — Не похоже ничуть. Это, Михаил, барабан для розыгрыша.

— Кого разыгрывать будем? Чур не меня!

Леклер поморщился, как от зубной боли.

— Директор поручил мне провести среди учителей лотерею.

— Беспроигрышную? — поинтересовался я.

— Проигрышную. То есть приза всего три.

— Тогда не интересно.

— Жаль, что ты такой пессимист, — мрачно сказал Леклер. — Но билет все равно придется приобрести. С тебя тысяча кредитов.

— Что?! — закричал я. — Почему?

— Лотерея обязательная. Обсуждению не подлежит.

— Замечательно! Грабеж среди бела дня. А что, если у меня нет денег?

— Очень просто, — пожал плечами Леклер. — Будешь должен школе тысячу кредитов.

Их вычтут из твоей зарплаты.

— Послушайте, это уже слишком! Я третий месяц работаю без денег. Сколько можно?!

Не буду участвовать.

В этот момент завибрировал мой пульсопланшет, и я увидел сообщение от банка об увеличении размера моей задолженности ООО «Космическая школа языков» на тысячу кредитов.

— А вот твой билет! — сказал Леклер и смахнул в мою сторону голограмму. — Можешь не благодарить.

— Даже не собирался, — буркнул я. — Теперь, когда вы меня оставили без штанов, перейдем к хорошему. Какие призы?

— О, дивные! — произнес Леклер, не меняя выражения лица. — Первый приз — стул повышенной комфортности. Из минусов, в каюту забрать нельзя, будет стоять в учительской.

— Это точно первый приз?

— А какой же еще? Второй приз — ручной пылеглод.

— Что?

Без лишних слов Леклер показал мне на ладони голограмму. Маленькое существо, которое напоминало трубочку для коктейля, внезапно обросшую серой шерстью, ползло в неизвестном направлении и присасывалось к невидимому полу.

— Новинка от генетиков Центавра. Работает без батареек, на голом энтузиазме. Питается пылью. Ничего не выделяет. Когда переполняется, можно заменить в Сервисном центре.

— Нужная вещь в хозяйстве, — уныло пробормотал я. — Уже завидую счастливицу, которому она достанется. А третий приз тоже такой же прекрасный?

— Дело вкуса, — сказал Леклер. — На третий приз денег было в обрез, поэтому решили купить звездные очки.

— Это как солнечные, только звездные? — уточнил я.

— Вроде того. Я не распаковывал.

— Клеман, а скажите мне по дружбе, ради чего вся эта лотерея? Мы чем-то провинились?

Леклер наклонился ко мне и прошептал:

— Директор копит на новый лингафонный кабинет. Только я тебе ничего не говорил. Понятно?

— А зачем он нужен? У каждого есть свои наушники. У некоторых даже встроенные. Аудиодорожки копируются из базы, отработать звуки можно и в каюте. Удобно и не стыдно.

— Гляжу, ты совсем не в курсе тенденций. Слышал про заземлитель языка?

— Звучит угрожающе.

— Отнюдь! — возразил Леклер. — Корпорация «Доминион-нано» разработала

универсальную накладку на язык. Подходит почти всем инопланетянам. Напоминает прищепку. Прищепляешь ее к языку и делаешь специальные упражнения. Через десять — пятнадцать занятий язык заземляется, и ты говоришь на космолингве чище, чем ее создатель.

— А при чем тут лотерея? — в недоумении спросил я.

— О, боже! — закатил глаза Леклер. — Лотерея здесь — при всем. С каждого по тысяче — вот тебе и лингафонный кабинет.

— Вы осознаете, что это незаконно?

— Осознаю. Но у меня годовой контракт и обязательства. Я, как и ты, никак от школы отвязаться не могу. У меня ползарплаты на алименты уходит. Теперь вот еще свадьба эта проклятая.

— Так не женитесь!

— Поздно, — обреченно сказал Леклер. — А тебе, мой юный друг, советую быть поосторожней — во всех смыслах.

— Осторожней некуда. На днях меня бросили.

Не знаю, почему я решил рассказать ему о своем разбитом сердце. Леклер разбирался в женщинах хуже всех в этой части Галактики. Даже Снорри на его фоне выглядел фривольно и мужественно. Но слова вырвались из меня сами собой.

— Вот что я тебе скажу, — наклонился ко мне Леклер. — Остался цел — радуйся. А еще лучше, отбеги подальше, а то догонит и вновь полюбит. Тогда тебе конец.

— Уже бегу! — кисло сказал я, поглядывая на билет.

В дверях показалась цветущая Мелани в легком платье, искрящемся голографическими блестками.

— Привет-привет! — крикнула она мне.

— Догоняет, — предупредил Леклер. — Вот-вот полюбит.

— Отстаньте! — сказал я. — Наше дело молодое, разберемся.

— Как знаешь. Но я бы на твоём месте послушал измученного старика, которого годы брака сделали социопатом. И да, кстати, барбитанца я сегодня же перевожу в твою группу. Он достал меня своими заявлениями.

— Постойте, я против! — попытался отбиться я. — У меня сформировался коллектив, он в него не впишется.

— Значит, постарайся вписать. Ты же профессионал!

— Но мы уже прошли спряжения. Ему придется нагонять нас.

— Он шустрый.

Я вздохнул.

— Мне не нужен новый ученик, да еще и барбитанец.

Леклер скрестил руки на груди.

— Михаил, ты в курсе, что Барбитания — древнейшая цивилизация, опережающая в своем развитии земную на сотни веков? Они первыми достигли пределов Млечного пути — и это на педальной-то тяге! Барбитанцы — интеллектуальная раса, состоящая из одних ученых.

— Так может, это он меня поучит, а не я его?

— Шутки в сторону! Он — твой. Возражения принимаются в письменной форме. Не читаются, в корзину сразу выбрасываются.

— У тебя будет барбитанец! — с улыбкой сказала Мелани, подошедшая к нам сзади. — Неужели?

С таким лицом обычно радуются чужой беременности.

— Ты уже купила лотерейный билет? — сменил тему я.

— Конечно! — ответила она, продолжая неестественно сиять. — Утром пришла первая и взяла сразу три. Мечтаю о пылеглооте.

— Дешевле было заказать его прямо с завода, — заметил я. — Ты вообще в порядке?

— В полном! — рассмеялась она. — В полном! Давно мне не было так хорошо!

Сначала я немного обиделся — как ее окрылил наш разрыв! Но потом мне в голову закрались сомнения. Мелани выглядела, как вислоног, наевшийся вислогруши: пьяная улыбка, лихорадочный взгляд, румянец до шеи. Вести ее в лазарет я не решился. День — наблюдаем, к вечеру станет ясно, что делать. Если ее будет все так же безудержно разрывать радостью, придется принимать меры.

К себе в класс я вошел со звонком. Барбитанец стоял в углу и таращился на остальных коленками — на них находились крохотные фоточувствительные выступы. На месте ампутированного Гомесом щупальца у него начало отрастать другое — бледно-розовое и тонкое.

— Прошу любить и жаловать, — сказал я инопланетянам. — Ваш новый одноклассник. Я обернулся к барбитанцу.

— Представьтесь, пожалуйста.

Тот упорно молчал. Коленки развернулись ко мне и моргали в странном ритме.

— Хорошо. Новичок стесняется. Тогда я сам представлю его: Сто двадцать пять девятьсот девяносто три в кубе. Я правильно назвал ваше имя?

— Семнадцать, — прошелестел барбитанец. — Сто три. Ноль.

— Так, значит, вас зовут Семнадцать?

Он скрутил щупальце в восьмерку и печально произнес:

— Два.

— Познавательное, — сказал я. — Что ж, садитесь на любое свободное место. И начинаем урок. Сегодняшняя тема — прополис и зачем он нужен.

Мармала и Нрд дружно взвыли, шуршуны принялись яростно хлопать крыльями, сдув при этом волножителя, который звучно ударился о стену и запел:

— Нее ссыыыыыпъ мнееее ссссссооооль на раааану.

— Тебе никто и не сыплет, — сказала ему Мармала, потом повернулась ко мне. — Михаил, а когда будет про праздники?

— Двести девяносто восемь. Сорок девять тысяч восемьсот двенадцать, — встрял барбитанец.

— Завтра, — пообещал я. — Шпыщ, вы в порядке? Не сильно ушиблись?

— Анаааа ищщщщцооо балиииииит.

— Досадно. Если очень больно, можете слетать в медицинский отсек. Там вам перевяжут... э, все.

Через секунду дверь распахнулась, и волножитель исчез.

— Шееесть! — закричал барбитанец. — Тринадцать! Четырнадцать! Пятнадцать.

— Тихо, тихо, — попросил я. — Не стоит переживать, он вернется.

— Десять? — спросил он с тревогой.

— Совсем немного десять, — сказал я. — А так, в основном, четыре — пять.

Это его окончательно успокоило. Он развернул внешние челюсти и принялся полировать их наждачной бумагой.

— Прополис! — потребовали шуршуны. — Смолистые почки! Сбор!

— Сейчас, — обреченно сказал я и кликнул по трем голограммам. — Итак, поговорим сегодня о том, как земные пчелы замазывают щели в улье.

Изначально в теме я разбирался слабо, но благодаря Галакипедии у меня сложился образ прополиса, который я, как мог, передал ученикам. Интеллектуальный, опережающий меня в развитии на сотни веков барбитанец слушал почти так же внимательно, как шуршуны, периодически выкрикивая цифры.

После трех уроков, закончившихся только к обеду, я, измученный, добрал до учительской, где уже собрались участники лотереи. Начинался розыгрыш. Мелани продолжала излучать добро и позитив, Леклер сторожил бочонок с голограммами. Джон протолкался вперед со своим билетом и азартно улюлюкал. Мариам что-то шептала на ухо Збышеку, и тот помаленьку съеживался.

Ведущим розыгрыша дирекция назначила менеджера Николая, который не так давно вернулся из отпуска. В костюме и при галстуке, он выглядел ужасно нелепо, как ретро-хордовый шар в скафандре для кубоида. Николай шагнул к бочонку, обвел всех глазами и возвестил:

— Итак, дамы, господа и те, кто не относит себя ни к первым, ни ко вторым.

Збышек заметно вздрогнул.

— Начинаем розыгрыш беспрецедентной лотереи, главным призом в которой является этот великолепный стул!

Стул безрадостно торчал из-за голограммы с бочонком. Леклер поглаживал его, как домашнее животное, не рискуя присесть.

— Не слышу аплодисментов! — подбодрил присутствующих Николай.

Раздалось несколько жидких хлопков.

— Ещё!

Наступила тишина.

— Страсти накаляются, — не сдавался Николай. — Кто же станет победителем? Кто сорвет куш? Мы узнаем это через мгновение. А пока выберем того, кто своей рукой вытянет из бочонка голограмму с именем победителя.

— Можно, я? — вызвался Джон. — У меня хорошо получается вытягивать.

— Позвольте даме, — Николай одним прыжком оказался рядом с Мелани и вырвал ее из толпы. Она не сопротивлялась.

— Сейчас ослепительная, обворожительная, удивительная Мелани погрузится в недра бочонка, — сладострастно верещал Николай. — И мы узнаем ответ на главный вопрос, который волнует каждого из нас...

— Когда пойдем обедать? — предположил Фукс.

— Позже, — шикнул на него Леклер.

Мелани тем временем начала неспешно копаться в бочонке. Голограммы летали внутри, бросая разноцветные отсветы на ее лицо.

— Ну же, смелей! — сказал Николай. — Доверься своему восьмому чувству.

— Интересно, какому это? — прошептал стоящий рядом со мной учитель биологии и космогенетики Гермес Сифакис. — Чувству стула?

Мелани удалось захватить одну из голограмм и вытянуть ее наружу.

— Назови число! — потребовал Николай, и она раскрыла ладонь. — Тринадцать! Это число тринадцать!

Во втором ряду упал от счастья учитель рисования Ли Кунь.

— А вот и наш победитель! — Николай схватил Куня и повел его к стулу. — Садитесь, теперь он ваш. Скажите, что вы чувствуете?

— Копчик больно, — признался Кунь, силясь приподняться. Николай упорно придавливал его к стулу.

— Овации, овации победителю!

Учителя похлопали отважному Куню, который продолжал бороться за свободу. Стул слегка поскрипывал.

— А теперь — второй приз! Да! Кто же станет обладателем великолепного пылеглода — мечты всех домохозяек Земли?

Учителя в страхе отпрянули. Николай, ничуть не смутившись, достал из кармана коробочку, открыл ее и продемонстрировал всем мирно спящего пылеглода. Пылеглод приоткрыл глаза и зевнул.

— О, какой он милый! — сказала Мариам.

— Я вижу, вы его уже хотите! — раскопегарился вновь Николай. — Может, он достанется вам! Или вам!

Тут он показал на меня.

— Мне бы лучше очки.

Но Николай не обратил на мою реплику никакого внимания, потому что принялся уговаривать Мелани залезть рукой в бочонок еще раз. Она медленно подалась вперед и вынула голограмму.

— Номер четырнадцать! — прокричал Николай. — Кто же заберет пылеглода?

Никто не отозвался.

— Номер четырнадцать, приз нетерпеливо ждет вас!

Учителя принялись переглядываться.

— Посмотрите на свои билеты. Наверняка победитель скрывается среди собравшихся. Кто же он? Давайте разыщем его!

Джон упорно вертел свой билет, надеясь отыскать на нем номер четырнадцать. Маримам теребила Збышека, который обыскивал карманы. Леклер подошел к каждому и выписал номера на бумажку.

— У меня пятнадцатый номер, — сказал я ему. — Как вы считаете, если нет четырнадцатого, я сойду за него?

Я подумал, что если пылеглод достанется мне и я подарю его Мелани, нам удастся вернуть все назад. Любовь быстро не проходит! Я растоплю ее сердце невиданным подарком.

— Нет! — обрезал крылья моим мечтам Леклер. — Продолжаем проверять билеты! Победитель затаился в толпе. Но он найдется.

— Мелани, а какой номер у тебя? — спросил Николай.

— Номер? — переспросила она. — А зачем он мне?

— Ты ведь купила лотерейный билет, дорогая?

В этот момент я хотел только одного — вырвать Николаю его длинный, липкий язык. Он подошел к Мелани так близко, что они вполне могли начать танцевать. И никому до них не было дела! Один я кипел в первом ряду.

Николай по-хозяйски обнял Мелани и вынул у нее из кармана три билета.

— Я вижу, ты запаслась! Мечтаешь о пылеглоде, да? Или о чём-то большем? — в голосе

Николая появились противные бархатные нотки. — И — что я вижу?! Вот он, билет номер четырнадцать, собственной персоной! Пылеглод достается Мелани. Аплодисменты победителю! Больше, сильнее, громче! Ура!

Николай открыл коробку с пылеглодом и опустился перед Мелани на одно колено.

— Твой приз, несравненная!

Мелани зарделась, неуверенно вынула пылеглода из коробочки и попыталась надеть его на безымянный палец. Я оторопел, Николай хмыкнул, а пылеглод ловко соскочил на пол и побежал прочь. Оказалось, что под волосатым брюхом он скрывал довольно длинные ноги. Мелани бросилась за ним. Я примкнул к ней, и некоторое время мы, как пара гончих, преследовали запуганного пылеглода. Наконец тот совершил обманный маневр, и пока мы искали его на столах, забрался под шкаф, прогрыз дырку в стене и упал в трубу вспомогательного рециркулятора.

— Какая неудача! — всплеснул руками Николай, который даже не сдвинулся с места. — Да, пылеглод по зубам не каждому. А у нас с вами впереди розыгрыш последнего приза — абсолютно новых, модных звездных очков! У кого такие есть? Вижу — ни у кого! И это не случайность!

— Конечно, не случайность, — буркнул Фукс. — На кой черт они нам сдались?

— Итак, Мелани, попрошу тебя временно перестать оплакивать собственные неудачи и вернуться к барабану. Тебе предстоит выбрать последнего счастливого, жизнь которого изменится навсегда. Надеюсь, это буду я!

И Николай кокетливо помахал собственным билетом. Мелани вытерла слезы и равнодушно схватила первую попавшуюся голограмму. Она выпала из ее руки и зависла в воздухе, постепенно раскрываясь.

— Номер пятнадцать! — взорвался криком Николай. — Ах, какое совпадение! Номера идут по порядку. Что бы сказал об этом автор теории вероятности, господин Менделеев?!

— Подавился бы яблоком, которое упало ему на голову, — предположил Леклер.

— Номер пятнадцать, отзовись! Приз — великолепные, люксовые очки — твой! Выходи же, не стоит бояться быть удачливее других!

Я нехотя шагнул вперед и протянул Николаю мерцающий билет.

— Ты? — удивился Николай. — Ну, ладно. Держи.

И он сунул мне в руки прозрачный пакетик, в котором перекачивалась розовая жидкость.

— Себе оставь, — сказал я. — А мне давай очки.

— Это и есть очки, дебил! — прошипел мне на ухо Николай, не переставая улыбаться в сторону учителей. — Бери и проваливай.

Я пожал ему руку так, что у него хрустнули кости (надеюсь, хотя бы парочка сломалась), и вернулся в толпу. Разочарованные учителя не спешили расходиться.

— Призов больше не будет, — сказал Леклер, дезактивируя бочонок. — А в столовой всюю обед.

Джон с досады плюнул, выбросил свой билет в ведро и вышел из учительской. За ним тонкой струйкой потянулись остальные. Мелани, стоя на карачках возле шкафа, пыталась подманить сбежавший приз горской пыли, которую наскребла по углам. Но пылеглод уже начал свое удивительное приключение в мире рециркулированного воздуха.

— А если продуть трубы, он выскочит? — жалобно спросила Мелани у Леклера.

— Конечно, выскочит! И тут же обратно заскочит. Вставай, хватит елозить. Считай, что

пылеглода выиграл кто-то другой. Да и зачем он нужен? Безделушка!

— Сам ты безделушка, — рявкнула на него Мариам. — У девочки горе, а ты хоть бы посочувствовал!

— Сочувствую изо всех сил, — сказал Леклер. — Мелани, тебе полегчало?

— Немного! — всхлипнула та.

Я, стоя рядом с ней, нервно теребил в кармане пакетик с очками.

— Хочешь, я тебе свой приз отдам? — предложил я. — В качестве компенсации за пылеглода.

— Обойдусь, — сказала Мелани. Она поднялась и отряхнулась. — Глупая лотерея! Пойду обедать. Сегодня обещали тушеных пикулей.

Когда она скрылась за дверью, Леклер похлопал меня по плечу:

— Сынок, крепись! Покажи ей, что ты настоящий мужчина.

Леклер сделал драматическую паузу, и они с Мариам одновременно сказали:

— Не бегай за ней!

— Беги за ней!

Я посмотрел на них и решил, что обедать мне расхотелось. Займусь-ка я лучше очками. К пакету крепилась небольшая протоголограмма с текстом: «Звездные очки, одноразовые, жидкие, 1 штука. Рекомендованная цена — 5 кредитов».

Дешевка! Впрочем, выкинуть их я всегда успею. Читаем дальше: «Инструкция по применению: вскрыть упаковку без помощи острых предметов и налить очки на закрытые глаза. Внимание! Глаза должны быть закрыты!»

Автор инструкции, похоже, раньше работал в нашей школе и усвоил важный принцип: важное повторить дважды. А потом еще раз повторить. И еще. И заставить написать от руки пять раз. В конце дать тест, сделать работу над ошибками, и уж тогда — повторить самый последний раз. Потом нарушить обещание не повторять, взять и назло всем повторить. И успокоиться. И еще раз повторить.

«Очки активны в течение трех часов с момента нанесения. Повторному использованию не подлежат. Внимание! В очках нельзя смотреть на яркие источники света, осуществлять сварочные работы, работать с радиоактивными материалами». Постойте, а зачем тогда они нужны?

Я разорвал упаковку руками и размазал очки по лицу. Состав приятно охлаждал кожу, чуть стягивая ее у висков. Захотелось почесать переносицу, но теперь до нее было не добраться. Я осторожно открыл глаза. Сквозь очки предметы виделись окутанными розовой дымкой. Висящие непогашенные окна приятно сбавили яркость. Я подошел к иллюминатору и посмотрел на звезды. Их стало больше, и они раскрасились в разные тона. Вдоволь налюбовавшись космосом, я решил побродить по учительской. И вдруг мимо меня пролетел небольшой пузырь. Я попробовал поймать его, но он увернулся и исчез под столом, где, видимо, лопнул. Второй пузырь, крупнее и агрессивнее первого, просочился сквозь приоткрытую дверь учительской и направился к Леклеру, который с видом стратотерпца редактировал расписание на ближайший месяц.

— Берегитесь! — крикнул я, но поздно. Пузырь врезался в него и окутал голову, как просторная, зимняя шапка. Леклер пару секунд продолжал как ни в чем не бывало свое дело, и вдруг его глаза вспыхнули огнем понимания истины. Он обернулся к сидевшей рядом Мариам и сказал:

— Я передумал жениться на тебе. Верни кольцо, медведя и коробку конфет.

— Что?! — закричала Мариам. — Клеман, ты болен?

— Нет, здоров! Только что окончательно поправился. Я развожусь, развожусь, развожусь!

— Да ты еще и не женился даже!

— А уже решил сделать себе приятное. Кольцо где?

— Подавись! — и Мариам бросила ему кольцо. — Скотина! Я на тебя потратила лучшие... месяцы своей жизни! Ты на всю галактику — один такой олух! А я думала, сделаю из тебя человека. Как был кубоидом, так и остался!

Пока она его распекала, из рециркулятора выполз пылеглод и засеменил к выходу. Я попытался схватить его, но он скользнул между пальцев и со всех ног помчался к Леклеру. Через мгновение он нырнул ему под штанину и взбежал по согнутой ноге. В азарте погони я не успел затормозить и жадно облапал завуча — на глазах его бывшей невесты.

— Ага, с тобой все понятно! — уперла руки в боки Мариам. — Вот на кого меня променяли! И когда ты успел завербоваться на другой фронт?

— Фронт? — удивленно переспросил Леклер и бросил взгляд на мою руку, которой я прижимал к его бедру пылеглода, чтобы он не просочился дальше. — Михаил, я всегда к тебе благоволил, но не до такой же степени!

— Пылеглод, — сказал я и слегка оттопырил мизинец, показывая выпуклость на штанине. — А к вам я питаю только глубокое уважение.

— Оно и видно! — с досадой сказала Мариам. — Можете заниматься, чем хотите. Оставляю вас наедине.

И вышла.

Пылеглод делал отчаянные попытки прорваться дальше, и я решил перегородить ему путь второй рукой. Леклер с любопытством ученого наблюдал за моими действиями.

— Мариам что же, была права? — поинтересовался он. — Откуда такая страсть к моей ноге?

— Мне ваша нога — до лампочки, — разозлился я. — Я пылеглода держу. Могу отпустить — тогда он окажется в ваших трусах.

Леклер попытался дернуться, но я не дал ему совершить глупость.

— Сидите смирно, будем выдавливать его из штанов.

— Ты там поосторожней, у меня все нежное.

Я сложил ладони куполом и медленно тащил добычу вниз под мерзкое хихикание Леклера. Когда мы минули колено, стало чуть легче. Пылеглод смирился со своей участью, прекратил извиваться и безропотно дал себя схватить.

— Вот! — сказал я, демонстрируя его Леклеру. — А вы не верили!

— Верил, — ответил тот. — Но когда ты схватил меня за живое, немного засомневался.

— Я, кажется, расстроил вашу свадьбу.

— Ты меня спас! — с чувством сказал Леклер. — Она бы от меня так просто не отстала. Слушай, теперь, если что, мы с тобой — любовники.

— Побойтесь бога — ну, или кого вы там боитесь! — воскликнул я. — Какие любовники?

— Миша, подыграй мне! Недолго, неделю или пару недель.

— Что мне за это будет?

— Я гляжу, хватка у тебя волчья, — прищурился Леклер. — По дружбе помочь — не вариант?

— Не вариант.

— Хорошо. Я добьюсь того, чтобы тебе повысили зарплату — скажем, на тридцать процентов.

— И долг спишите! — потребовал я.

— Договорились. Ну, иди же ко мне, мой ненаглядный.

Я на всякий случай отступил на пару шагов в сторону, но вдруг заметил, что кто-то подглядывает за нами из-за двери.

— Не могу! — прошептал я.

— Подойди ближе! — зашипел Леклер. — Хватит ломаться.

Пузырь на его голове вдруг стал стремительно расти и лопнул, обдав меня тучей брызг.

— Что это было? — спросил я.

— Мариам, — небрежно бросил Леклер, возвращаясь к расписанию. — Убедилась, что мы воркуем, и ушла зализывать раны.

— Нет, я не про нее. У вас на голове было... это...

— Было. Много. Но выпали, — сказал Леклер, поглаживая круглую лысинку. — И тебе грозит, если будешь плохо питаться.

— Сейчас делают пересадки, вы не знали? Раз — и неандерталец! Но я о другом. К вам пузырь прилип — огромный такой. Сейчас он лопнул.

Леклер невольно оцупал голову на предмет пузыря.

— Что за чушь! Тебе, наверное, очки бракованные попались.

— Не попались, а выиграл. И это вы их, между прочим, купили.

— Ну, я. И что теперь? Сними — и не будешь видеть пузырьрей.

Я неспешно вытирал пойманного пылеглоота о свитер. Леклер сердито покосился на меня и сказал:

— Иди уже отсюда! Дай поработать холостому человеку.

— Гоните со двора любовь всей своей жизни?

— Гоню. Слышал, что Мелани сказала? Тушеные пикули ждут тебя в столовой.

— А вас не ждут?

— Позже, позже, — пробормотал он, передвигая в таблице клетку с текстом «музыкальная разминка» с 11.30 на 8.00.

С пылеглотом в руке я отправился на поиски Мелани. В столовой ее не оказалось, в каюте тоже было пусто. Я обошел все этажи, заглянул в бар, в спортзал, даже в туалет для инопланетян. Куда она делась? Зеленые человечки похитили?

Мимо меня время от времени проплывали пузыри — большие и маленькие, вытянутые огурцом и сплюснутые. Они передвигались неспешно, с чувством собственного достоинства. Препятствия облетали, избегали лифтов и воздуховодных отверстий. Я пытался дотронуться до ближайших пузырьрей, но они сразу же отклонялись, а если я упорствовал, взмывали вверх, на недоступную высоту. В одном из коридоров их было так много, что я решил загнать тесно сплоченную группу в угол и там уже изучить. Не тут-то было! Пузыри, как в демо-верии голографической игры «Бабл», в которой невозможно выиграть без чит-кода, резко прибавили скорость и замелькали так, что пришлось закрыть глаза — от ряби меня сразу затошнило.

— Да пропадите вы пропадом! — закричал я. И тут один пузырь врезался в меня, и все они разом пропали.

Кажется, я начал понимать, что к чему. Теперь поймать пузырь стало для меня делом

чести. Я рыскал по коридорам, как ищейка, но везде было пусто. Мое желание сбылось — как часом раньше сбылась заветная мечта Леклера. А что, если его неожиданное решение жениться на Мариам, тоже было как-то связано с пузырем?

Если вдуматься, вот оно, объяснение рваного ритма моей удачи. То срываю куш — то срываюсь в пропасть. И кто в этом виноват? Пузыри! Невидимые, неуловимые — и теперь такие нужные. Как хорошо, что я выиграл очки! Мгновенно прозрел.

Вдруг пузыри появились снова. Их было совсем немного, и они опять не шли ко мне в руки. Парочка особо крупных пузырей шушукалась в углу, выпячивая в мою сторону пупырышки.

— Да, я вас вижу! — сказал я им, и они испуганно взмыли под потолок.

Они разумные! Но откуда взялись? И что все это значит? Вот бы натянуть их на голову и загадать что-нибудь масштабное. Миллион кредитов, собственную планету! Нет, надо мыслить шире, не мельчить. Хочу стать властелином Галактики, вседержителем и эпикурейцем. Пузыри с опаской облетали меня, поджимаясь к стенам.

Их поток становился все гуще. Наконец я увидел, откуда они летят. Пузыри просачивались сквозь неплотно прикрытую дверь хоровой комнаты.

— Жжжжыыыызь нивазмооожна павирнуууууть нассссааад! — пели волножители.

Я открыл дверь пошире. Отвергнутая завучем Мариам трудолюбиво управляла хором, который не было видно. Над ее головой один за другим возникали пузыри. Они несколько мгновений бесцельно висели в воздухе, а потом начинали плавное движение вперед.

— Мариам, можно вас на минуточку? — спросил я.

Хор замолчал. Пузыри тут же прекратили появляться.

— Как ты посмел явиться ко мне, разлучник?! — воскликнула Мариам. — Убирайся, а то вырву тебе космы!

— Я хотел извиниться перед вами. Поймите, сердцу не прикажешь. А Клеман — он такой... эээ...

Тут я затруднился с подбором прилагательного. Соблазнительный? Чарующий? Сладкий? Как бы не переборщить.

— Такой мерзавец! — закончила за меня Мариам, блестя глазами. — Не будет тебе с ним счастья, попомни мое слово! Ты разрушил наш брак — что ж, радуйся, пока можешь. Только он и тебя бросит! Попользуется — и на помойку.

Меня гораздо больше волновало, как бы он не прокатил меня на вороных с зарплатой.

— Мариам, вы не волнуйтесь! — сказал я примирительно. — Наш мимолетный роман окончится, и он опять вернется к вам.

— Еще чего! Он мне не нужен. А ты... — тут к ней подлетел пузырь и облепил ее голову — подавись...

Я рванул к Мариам и закрыл ей рот рукой, уже чувствуя, как напряглось горло.

— Кхэ, кхххэ!

— Пусти, — Мариам отчаянно замотала головой, и пузырь взорвался. — Не смей ко мне прикасаться, грязное животное!

Я попятился назад. Уф, я был на волоске от гибели! Страшная женщина эта Мариам. Психически нестабильная. Нельзя допускать ее к работе с волножителями, иначе погубит весь коллектив.

— Я, собственно говоря, зачем сюда пришел. Вас срочно вызывает Виноградов. Он встретился мне в коридоре и попросил передать вам эту информацию.

— Странно! Ладно, тогда пойду. Мальчики, — она обернулась к волножителям. — Без меня не шалите. Я скоро вернусь.

Как только она вышла за дверь, я со своего ключа поставил еще одну, чтобы наверняка заблокировать выход.

— А теперь, господа волножители, побеседуем.

— Шшшшто? — заволновались они. — О ччччём? Ччччиво? Ччччему?

Похоже, эта группа недавно проходила падежи.

— Я заметил, когда вы поете, в воздухе появляются пузыри. Что это такое и как оно работает?

— Пу-сси-ри? — задумчиво произнес тонкий голосок.

— Они самые, — подтвердил я. — Только что один из них присел на голову вашей учительнице, которая пожелала мне подавиться. И я почти подавился.

— Ттттаааа, — сказал ехидный тенор. — Было ссссмишшшноооо.

— А мне нет! — отрезал я. — Объясните, что происходит.

— Ваши очки, — задумчиво откликнулся третий голос, принадлежавший лидеру хора, Чпычу. — Они особенные?

— Не знаю. Первый раз надел.

— Подарите их нам, и мы объясним, что вы видели.

Я попытался отклеить от лица очки, но они росли намертво. Сжав зубы, я изо всех сил потянул розовую пленку и очень удивился, что не оторвал себе нос и брови. Я протянул очки Чпычу. Они повисли в воздухе, растянувшись на метр в длину — волножитель попытался их примерить.

— Охо-хо! Вот умора! — захохотал он.

— Где? Где? — заволновались остальные, и в моей голове сама собой включилась песенка «Волножитель волнуется — раз, волножитель волнуется — два...»

— У него забавные мысли!

— Не читать! — крикнул я. — Это частная собственность!

— Тогда почему она торчит из вашей головы? — поинтересовался Чпыч. — Вы, люди, все время ходите мыслями наружу?

— Обычно нет, — сказал я и попытался вдавить мысли обратно в черепную коробку. — Объясните наконец про пузыри.

— То, что вы назвали пузырями, — важно произнес Чпыч — есть квантово-зависимый партикулярный релятиватор. Мы выпускаем его в момент наивысшего наслаждения, коим для нас является исполнение земных песен. Предпочтение отдается композициям в до мажоре и содержащим разрешение доминантсептаккорда в тонику. Внутренний механизм порождения релятиваторов состоит в следующем. В состоянии превентивного анабиоза катаральных синусоидов происходит спазм прелестных кварков...

— Стоп! — прервал его я. — Меньше всего на свете меня волнуют прелестные кварки и ваш репертуар. Зачем нужны пузыри? И как они действуют? Почему их нельзя поймать? Какие желания они исполняют?

— Вы торопливы, Михаил, — разочарованно сказал Чпыч. — Торопливы и невнимательны. Релятиватор нельзя, как вы выразились, поймать. Он настраивается на волну мысли, и если совпадает с ней по квантовому значению, то благодаря индукции поля, притягивается и осуществляет диффузию, результатом которой является точечная трансформация реальности.

— А попроще?

— Дюржак! — пискнул уже знакомый голосок.

— Спокойно, Спыс, наш земной друг скромн умом и телом, так что будем терпеливы.

Тем более что очки теперь наши.

— Они развалятся через час, — предупредил я. — Нестойкие.

— Не важно, — расслабленно сказал Чпыч. — Починим. А вы, Михаил, представьте себе, что окружающий вас мир — это книга, текст. Вы читаете ее от первого слова к последнему. Но что, если вы решитесь на безумный шаг, и вставите в книгу что-нибудь от себя? Пару строк, абзац, эпизод. Или целую главу. Релятиватор — это оператор вставки, который позволяет добавить фрагмент в действительность, которая вас окружает.

— Но как это влияет на общий сюжет?

— Никак, — сухо сказал Чпыч. — Когда вы захотите пойти дальше и узнать, чем дело кончилось, вам придется прокрутить текст и оставить добавленный эпизод в прошлом.

— То есть все, что загадано пузыря, рано или поздно исчезнет?

— Не совсем. Релятиватор оставляет след. Если вы перепишете одно предложение в тексте, будет ли это тот же самый текст или уже другой?

— Послушайте, Чпыч, я не силен в философии. Мне надо знать, смогу ли я навсегда получить, скажем, миллион кредитов.

— Возможно. Или нет, — протянул Чпыч скучающим голосом. — Страсть землян к символическому обмену энергией навсегда останется для меня загадкой.

— А что нужно, чтобы привлечь релятиватор? — не отставал я. — Может, он на какую-то мысль клюнет?

Но волножители, устав от разговора, уже начали распеваться. Особенно усердствовал голосок, обзававший меня дураком. Комната наверняка опять наполнилась релятиваторами, только теперь я не мог их видеть. Мои очки плавно скользили по воздуху — волножители передавали их друг другу, издавая свистящие звуки.

Я немного потоптался и вышел. Хор, не дождавшись Мариам, грянул «Попутную песню». В кармане у меня храпел пылеглот. Я расстегнул молнию, погладил его по шерстистой спине, и он тут же укусил меня за палец.

Что из случившегося со мной было вставленной страницей? Поцелуй с Мелани в коридоре, поход в рюмочную «Три амебы», успех на конференции, выигрыш в лотерею — все это устроили пузыри. Потом они лопались, и я оставался ни с чем. Но теперь, когда мне открылась истина, я твердо знаю, как присесть удаче на хребет. Мне срочно нужны очки!

И я бегом кинулся в учительскую, в которой опять кипели страсти.

— Изменщик! — кричала Мариам, тесня Леклера к шкафу. — Воспользовался моей беспомощностью!

— Не воспользовался, а применил, — устало отбивался Леклер. — И не беспомощностью, а голодом. Да и то не по делу. Послушай, давай останемся друзьями.

— Сам с собой дружи! А я не буду! Ты меня обесчестил, унизил, ограбил! Куда мне платье теперь девать? Туфли? Шубку?

— Отдай мне. Я продам их на космо-барахолке.

— Жалкий альфонс! Нахлебник! Транжира! Бабник!

— Почему сразу бабник? — усмехнулся Леклер и схватил меня за локоть. — Мальчишник!

Тут он задумался:

— Парнячник? Мужичник? Да кто же я? Поищем в словаре! — и красная, как ротовая пластина на скафандре альдебарранца, Мариам ракетой вылетела из учительской.

Удовлетворенный исходом разговора, Леклер налил себе кофе и чокнулся с кружкой, нарисованной на кофейном автомате.

— Где вы купили очки, которые я выиграл в лотерею? — спросил я.

— Миша, давай в целях конспирации перейдем на ты.

— Хорошо. Где ты купил очки?

— Заказал через сайт «Муха-джан-сервис». Там все дешевое, — и Леклер с наслаждением отхлебнул кофе.

— А как они назывались, не помнишь?

— Давай посмотрим историю покупок, — он развернул экран, и на нас прыгнула голограмма с рекламой магазина.

«Сжиматор пони ловкая навсегда резина! Купить сегодня и скидка часов больше процента десять! Честный сделок никогда жалеть».

Леклер погнался за голограммой, чтобы нажать на крестик, но она уворачивалась и на бегу продолжала трещать свой текст, постепенно прибавляя громкости. Бегущие строки стали бичом галанета наших дней. Если не поставить защиту, засоряют собой пространство — и поди избавься от них! Но хуже всего в этом отношении порно-баннеры. Один раз я зашел на сайт ателье примерить виртуальные джинсы, и на меня вывалилось с десятков голых голограмм. Конечно, тут же по законам жанра, в комнату вошла мама и застала меня без штанов, в окружении ненастоящих женщин и, что хуже всего, мужчин и животных. Мама быстро ушла, а я потом целый день потратил, чтобы деактивировать их всех.

— Миша, лови! — крикнул Леклер, направляя рекламу в мою сторону. Я подпрыгнул и метко попал пальцем в крестик. Голограмма ахнула, сложилась пополам и исчезла.

— В прошлый раз такого не было, — отдуваясь, сказал Леклер. — Вот, смотри. Заказ номер две тысячи триста сорок шесть. Товар «Очки розовой воды нереальный ощущения комфорт носка».

И он скинул ссылку на мой пульсопланшет. Я принялся читать описание очков. В нем говорилось, что очки предназначены для работы с нано-телескопом, который крепится сверху и приобретается отдельно всего за тысячу кредитов со скидкой по праздникам. Я проверил свой счет в банке. Леклер не обманул, мой долг перед школой обнулился, но я все равно был в приличном минусе. Это меня не остановило. Я купил пять пар очков в кредит, решив, что быстро верну назад потраченное и выйду в плюс, когда наловлю пузырей. Леклер удивленно наблюдал за моей лихорадочной активностью.

— Зачем тебе очки? Понравилась? — поинтересовался он.

— Омолаживают, — брякнул я первое, что пришло в голову.

— В самом деле? Может, и мне стоит? — Леклер ощупал свое лицо.

— Нет, ты и так хорош собой.

Меньше всего мне хотелось, чтобы о пузырях узнали другие. Не исключено, что после их открытия люди решат, что волножители опасны и удалят их из школы. И тогда прощай, миллион! А я уже мысленно потратил его, он мой. Нельзя разлучать человека с его воображаемыми деньгами.

Глава 10.

После оформления заказа я почувствовал себя намного лучше и отправился в столовую. Основной поток голодающих схлынул, оставив на отменях жалкие тушки отдельных

нозеанцев, кубоидов и кристаллов в целлофановых оболочках. В дальнем углу одиноко сидела Мелани и возила вибровилкой горстку неаппетитных овощей, по всей видимости, тех самых пикулей.

— Есть минутка? — сказал я деловым тоном. Она равнодушно посмотрела на меня и кивнула.

— Давай разберемся в главном. Скажи, я тебе никогда не нравился?

— Миша, у меня нет сил на выяснение отношений.

— Мой интерес — чисто научный.

— Ладно, если тебе так хочется это услышать — нет, не нравился. Сама не знаю, зачем я связалась с тобой. Ты странный! На скрепке играешь.

— Не играю. Я соврал, чтобы тебя утешить.

Мелани резко насадила овощ на зубец вибровилки.

— Еще и лжец, отлично!

— Мне очень, очень стыдно. Значит, ты не собиралась встречаться, но неведомая сила толкнула тебя ко мне?

— Хватит этого цирка! — закричала она, и нозеанцы дружно обернулись в нашу сторону. — Мне хотелось найти себе парня, хоть какого-нибудь! Пусть некрасивого, пусть глупого...

— Эй, полегче на поворотах!

— И вот — нашла. А сейчас понимаю, что нельзя хвататься за что попало. Надо ценить себя! И верить в лучшее.

— Лучшее — это Николай? — спросил я. — Или Кунь, он теперь со стулом.

— Любой лучше! Уходи, Миша, пока я тебе не наговорила лишнего.

— Ухожу, — сказал я как можно спокойнее и выложил из кармана пылеглота. — «Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам бог» и все такое.

С этими словами я встал и убрался из столовой. Похоже, моя догадка верна: чувства Мелани ко мне были вызваны пузырями. Она искала отношений — попался я, мне хотелось забыть Катю — и тут она. Так в наших книгах появился общий эпизод, но затем пришлось идти дальше, и оказалось, что мы не в любовном романе, а в социально-бытовом, с элементами фантастики и нравоучительными вставками от автора. Мы разошлись, как летающие тарелки в глубинах космоса, и теперь каждый из нас начнет искать свой путь во мгле. Подивившись поэтичности своих мыслей, я решил, что когда дойду до каюты, напишу космо-стихи. Раньше не пробовал, но теперь чувствую — преуспею.

Наступили выходные, которые я провел за чтением статей о волножителях. В паре мест говорилось, что первые встречи космоязеров с этой расой регулярно заканчивались катастрофами. Потом кто-то догадался включить во время переговоров музыку, и дело пошло на лад. Волножители подхватили мотив и согласились на сотрудничество, обмен опытом и технологиями. В свой сектор космоса они никого не пускали, зато с удовольствием летали на Землю, брали уроки пения и выступали на больших сценах. Профессор Хиггинс из Доминионского технологического института пробовал изучить волножителей, тайно пронося на концерты аппаратуру для дистанционного молекулярного анализа. За несколько лет работы ему удалось установить, что волножители по своей природе близки к магнитному полю, и он разработал очки, позволяющие увидеть их. Волножители ужасно возмутились и потребовали, чтобы люди прекратили их подпольно изучать, иначе дипломатические связи будут немедленно разорваны. Власти велели

профессору Хиггинсу залечь на дно. В массовое производство очки для рассматривания волножителей не попали, но небольшая фирма «Вижувсё» выпустила ограниченную партию, которую тут же раскупили любопытные и коллекционеры. Год назад фирма разорилась, а начальника производства посадили в тюрьму за нарушение трудовой дисциплины.

Я отыскал на сайте института официальный адрес Хиггинса и написал ему письмо, в котором сообщил, что знаю нечто новое о волножителях и готов поделиться информацией — за скромное вознаграждение или в обмен на изобретенные им очки. Я надеялся, что профессор не устоит перед моим заманчивым предложением.

В понедельник моя почта все еще была пуста, Хиггинс не ответил. Разочарованный, я пошел работать.

— Тема урока — земная музыка, — вяло объявил я, входя в класс.

— Жаль, Шпыш отсутствует, — сказала Мармала. — Ему бы понравилось.

— Как отсутствует? Почему отсутствует? Вот же он, отметил. Шпыш, вы здесь?

Он не откликнулся. Мой план был в том, что я заставлю его петь, и в тесном пространстве класса хотя бы один пузырь налетит на меня. А я буду повторять про себя «миллион кредитов, миллион кредитов» и прежде чем пузырь лопнет, потрачу их на недвижимость. Теперь все пошло прахом — впрочем, мне не привыкать. Миша-жизнь-наперекосяк — мое второе имя.

— Понимаете, Михаил, — смущенно сказала Мармала. — Он прилетал сюда, но потом я ему сказала, что в зале будет выступать знаменитый гармонист с Земли, и он тут же исчез.

— Какой гармонист? — спросил я.

— Никакой. Я пошутила. Сегодня первое февраля, день шуток, верно?

— День шуток — первое апреля.

— Ой, я перепутала! — смущенно сказала Мармала, переплетая ноги. — Я думала, вы шутите каждый месяц.

— Для шуток нет расписания, — проворчал я. — А то, что вы сделали, называется розыгрыш. Лучше бы сказали ему, что у него спина белая. Или что у него сын родился.

Мармала старательно записала мои слова в блокнот. Первого апреля надо будет держать ухо востро.

Я хотел вернуться к теме урока, но тут заметил, что нигде нет Снорри.

— А с ним-то что? — спросил я у Мармалы. — Тоже пал жертвой ваших шуток?

— У него временные трудности с визой. Уладит — и придет.

Вдруг дверь распахнулась, и влетел Шпыш.

— Сссстрааааасте! — прошелестел он.

— Прости, друг, я тебя разыграла! — сказала Мармала.

— Синий тумааааан пахошши на абмааааан, — обижено пропел Шпыш и затаился в районе последней парты.

Пока я выводил тему урока голографическим маркером, в класс вкатился потрепанный Снорри с подбитым биноклем.

— Что с вами? Попали в переплет?

— Не так но много боль виза отнять и желать изгнание. Но Снорри и сильная и бесстрашная Снорри. Виза требование и подтвердить личность кровь взять пупок.

— Ого! Какие приключения! Уж лучше бы вас похитили зеленые человечки.

И тут стена, возле которой я стоял, начала гореть. Сработал датчик дыма, с потолка на наши головы полилась вода. Бактерия завизжала от страха, шуршуны нырнули под парту.

Нрд и У приняли боевую стойку. Я попытался дезактивировать дверь, но у меня ничего не вышло. Тем временем в стене образовалась дыра размером с яблоко. По краям она полыхала алым. Кто-то плавил борт корабля термо-резаком.

— Все к двери! — скомандовал я. — Живо.

Продолжая давить на кнопку дезактивации двери, я пытался привести в чувство промокший пульсопланшет, но он не отвечал. Дверь стояла намертво. Проем в стене становился все шире, пока наконец не достиг двух метров в поперечнике. Я заслонил собой учеников.

— Приветствую тебя, землянин! — сказал высокий голос, и в проеме показался зеленый человечек.

Боже, что я натворил! Пузыри, созданные песней Шпыша, решили осуществить мое желание — и сейчас Снорри будет похищен. Я схватил его в охапку и прижал к себе что есть силы.

— Не отдам! — заявил я.

— Он нужен для эксперимента. Покорись, землянин. Или пострадают невинные.

— Уходите немедленно! Я... я вызову гала-полицию. Слышите? Она вас арестует!

Зеленый человечек растерянно оглянулся:

— Вас? Но я здесь один! Почему множественно число?

— Потому что я вежливый. Вон из моего класса!!

— Ты не оставил мне выбора, — сказал зеленый человечек и отошел в сторонку. В глубине корабля я разглядел силовую клетку, в которой отчаянно металась Мелани.

— Нет! — крикнул я. — Отпусти мою девушку!

— У тебя нет девушки, — сказал зеленый человечек. — Ты одинок.

Никто в этом секторе космоса не щадит моих чувств.

— Давай договоримся! — предложил я зеленому человечку. — Может, у меня есть то, что тебе нужно?

— Михаил, — пропищал Снорри. — Не отдавай меня ему! Умоляю!

Поразительно, как у этого хитреца улучшается грамматика в критических ситуациях.

Зеленый человечек вопросительно смотрел на меня, ожидая предложений.

— Как насчет глобуса? — неуверенно спросил я.

— Не интересуется.

— Тогда вибровилка. Чудесная вещь, полезная в быту. Или возьми мой пульсопланшет.

Он почти новый.

— Испорчен, — поморщился зеленый человечек.

Да, этого воробья на мякине не проведешь. Надо предлагать что-то глобальное.

— Тогда откуплюсь деньгами. Сколько ты хочешь?

— У тебя столько нет.

Что верно, то верно. Я на мели.

— Мне больше нечего тебе предложить.

— Есть.

— Что?

— Ты сам.

Я оцепенел. Получается, что в обмен на Снорри я должен отдать зеленому человечку себя. Себя, любимого, возвращенного на лучшей еде, перспективного учителя, сына немолодых родителей. Я могу принести пользу человечеству. Я ценный. Мне всего двадцать пять. Хоть в

размножение пускай, хоть на производство — везде подойду. И вместо этого я должен стать пленником инопланетян, которые известны своими бесчеловечными экспериментами. Никто из тех, кого они похитили, не вернулся домой. И я не вернусь. Прощай, жизнь!

— Снорри, — шепнул я. — Расскажи обо всем профессору Виноградову. Увековечьте меня посмертно. Памятником. Желательно в полный рост, из качественной бронзы. И поставьте в столовой — в назидание другим.

Снорри, глотая сернистые слезы, кивал в такт моим словам.

Итак, я решился.

— Хорошо, я полечу с тобой, но ты отпустишь всех. И Мелани тоже.

— Идет! — сказал зеленый человечек. Из его груди вырвался синий луч и ударил меня в солнечное сплетение. От боли я потерял сознание и надолго провалился в густую черноту.

Я не мог понять, куда я попал — меня окружал жужжащий, податливый мир гибких белых треугольников с черной точкой внутри. Меня выгибало вдоль стен, сворачивало узлом, и когда я уже привык к необычным позам, поток света облепил меня, как узкая силиконовая перчатка, и потащил за собой, в кипучую геометрическую бездну.

Я вынырнул и ослеп.

— Живой? — спросил чей-то голос.

Расплывчатые фигуры нависли надо мной. Сухим ртом я пытался произнести хоть слово, хоть звук, но они не слышали. Тело не реагировало, его не было. От бессилия я всхлипнул и закрыл глаза. Голоса продолжали бубнить.

— Да. Дышит, пульс есть. И кажется, приходит в себя. Миша! Миша, очнись!

— Может, ему дать понюхать едкого газа?

— А у вас есть?

— Сейчас будет. Только раздражаю толстожала.

В ноздри ударил резкий запах, от которого я вскочил и закашлялся.

— Кто? Что? Где я?

— На летающей тарелке, — грустно сказала Мелани. — Как и все мы.

Я огляделся. Вокруг нас сидели мои ученики — Мармала в обнимку с толстожалом, грустный Снорри, альдебарранец У, шуршуны и бактерия. Барбитанец лежал поодаль и рисовал цифры у себя на ноге.

— Где Нрд?

— Дежурит у двери. Надеется оглушить человечка, когда тот войдет к нам в клетку.

— А Шпыщ?

— Его никто не видел.

— Это неудивительно — он у нас такой. Шпыщ, подайте нам знак! Шпыщ, слышите меня?

Волножитель не отозвался. По крайней мере, хотя бы он остался на свободе. С другой стороны, он со своими пузырями мог стать нашим билетом домой.

— Почему вы здесь? Я же договорился с зеленым.

— Он обманул тебя.

— А так лихо торговался. Но зачем?

— Не знаю, — Мелани смущенно теребила рукав. — Спасибо, что попытался меня спасти. Я все слышала. Ты... ты поступил благородно.

— Я поступил как дурак, — сказал я, приподнявшись. — Надо было броситься на него и задушить.

— Говорят, они бессмертные, — вмешалась в наш разговор Мармала. — Я читала, они могут менять оболочки, а их разум заключен в маленькую коробочку, которая лежит в бункере на планете.

— Яйцо в утке, утка в зайце, — мрачно сказал я.

— Занятная концепция, — заинтересовалась Мармала. — Ваши животные помещаются друг в друга?

— Нет, это фигура речи. Давайте отложим разговор о земных причудах на потом. Сейчас надо понять, как отсюда вырваться.

— Пока ты был без сознания, — сказала Мелани. — Мы все перепробовали. Клетка крепкая, прутья энергетические. Отключить не вышло. Пол — цельная плита, щелей нигде нет. Сбежать не сможем, придется ждать своей участи.

От досады я застонал. Если бы не моя глупая шутка, мы бы сейчас сидели на уроке и занимались словообразованием. Теперь надо вернуть все назад. Должен быть способ!

— Мармала, у вашего толстожала есть шпоры? — спросил я, смутно припоминая лекции по центаврианской биологии.

— Одна осталась. Вторую потерял в бою за самочку.

— Вполне хватит. Она ведь энергоемкая?

Мармала хлопнула три раза накладными веками.

— Так чего вы ждете? Переверните его шпорой кверху и пилите прутья!

В этот момент в помещение развязной походкой вошел наш похититель. Мы вскочили на ноги. Нрд приготовился к атаке, Мармала выставила перед собой толстожала.

— Скучали? — произнес человек.

— Отпусти ребят! — потребовал я. — Ты обещал их не трогать.

— Я их и не трогал, — ответил человек. — Работал дистанционно, лучом захвата. Твоя наивность, человек, превышает разумные пределы. Зачем мне отпускать добычу? Что я за это получу?

— Мое согласие на добровольное участие в твоих экспериментах.

— Ценно, — усмехнулся человек. — Но, вот беда, мне все равно, чего ты хочешь, а чего нет!

Я скрестил руки на груди и окинул его презрительным взглядом.

— Думаешь, ты хозяин положения? А вот и нет! Я подал сигнал, и сюда уже вылетел отряд спецназа, они у тебя на хвосте.

— Попытка блефа? Любопытно! Я думал, ты трусишь. Ваши силовики никогда не догонят мою тарелку. Взгляни на это.

Он сделал взмах рукой, и одна из стен нашей тюрьмы стала прозрачной. Все, кроме альдебарранца, который был в скафандре, сделали судорожный вдох. Зеленый человек вовсю веселился, глядя, как мы пытаемся не провалиться в открытый космос.

— Мгновенная прозрачность, обратимые материалы, — усмехнулся он. — Никогда про такие не слышали, а? Отсталые народы. Мы, древнейшая цивилизация Вселенной, способны вывернуть наизнанку пространство, превратить вакуум в оазис, пронзить время, поглотить нейтронную звезду. Да что там — я лично катался на квазаре!

— Вот балабол, — пробурчала Мелани.

— Ладно, про квазар было лишним. Не катался. Но остальное — так и есть. А теперь посмотрите на звезду в правом верхнем углу. Что это, как вы думаете?

— Омега Центавра, — предположил я, но Мармала отрицательно мотнула толстожалом.

— Солнце? — пискнул главный шуршун.

— Сириус?

— М-96К?

— Поднапрягитесь, — дружески посоветовал зеленый человечек. — Вспомните, чему вас учили на астрономии.

Повисла пауза.

— Что, не учи, сдаетесь? Это Аль Давирах!

— И что? — с вызовом спросил Нрд.

— Вижу, я вас не впечатлил. А мы, между прочим, давно покинули Млечный путь. Перед вами — Волосы Вероники, собственной персоной.

— Ничего себе! — воскликнула Мелани. — Никогда не думала, что сюда попаду.

— И заметьте, совершенно бесплатно, — с гордостью сказал зеленый человечек.

Стена снова стала непрозрачной, и я почувствовал, как легкие расправились и сделали первый полноценный вдох. Шуршуну от перенапряжения слиплись в комок и грузно рухнули на пол. Бактрия тут же попыталась забиться под них, но ее отогнали сердитым жужжанием.

— У, — невесело протянул альдебарранец.

— Спасибо за спектакль, — сказал я. — И за экскурсию. Нам как раз не хватало чего-то остренького, новых ощущений. А теперь вернемся к нашим баранам.

— К кому? — удивился зеленый человечек и развернул голограмму стада. — Какое отношение имеют эти животные к нашему разговору?

— Бээээ, — проблеяла голограмма, разбредаясь по камере.

— Вам не мешало бы подучить земные пословицы и поговорки, — заметил я. — Можете записаться ко мне на пробный урок. Сто кредитов в час. Недорого и эффективно. Заодно пройдемся по неправильным глаголам, синтаксису простого предложения и закрепим наиболее востребованные интонационные конструкции.

Человечек посмотрел на пасущуюся по углам голограмму, потом на меня.

— Нет, — сказал он наконец. — Пусть я ничего не понимаю в ваших запутанных отношениях с домашним скотом, это к делу не относится.

— А что тогда относится? — спросил я. — Зачем вы нас украли? Вы мне сорвали урок.

— Я вообще-то не собирался вас красть, — сознался человечек. — Я прилетел за ней.

И он показал на Мелани.

— Красивая девушка. И на нужную букву.

Точно! Она ведь Мелани Меррик. А перед ней был Лулумба Лопотунья. Но неужели во всей Галактике не нашлось другого существа, которое бы подошло больше?

Зеленый человечек, словно прочитав мои мысли, ответил:

— Стараемся брать с кораблей. Нехлопотно и быстро. Пришло время похищения, я летел мимо, сканировал ваше судно и нашел на нем четырех подходящих кандидатов. Двое матросов, один работник кухни и учительница. Вы на моем месте кого бы выбрали?

— Матроса! — выпалил я.

Мелани повернулась ко мне.

— Ах, вот оно что! Значит, все правда! Ты и Леклер... А я-то думала, слухи, наветы! Я была всего лишь прикрытием? Дама-ширма?

— Отлично! — сказал я. — Бросила меня, а теперь закатывает сцену ревности. Давай хоть не при учениках.

— Вы не стесняйтесь, продолжайте, — подбодрила нас Мармала. — Мы все внимательно слушаем. А шуршуны даже записывают.

— Прекратите! — рявкнул я, и шуршуны выронили блокнот. — И вообще не могли бы вы отвернуться? Нам надо решить важный вопрос.

Все, включая зеленого человечка, встали к нам спиной. Заиграла тревожная лирическая музыка, идеально совпадающая с моим настроением.

— Мелани, я хочу, чтобы ты знала. Вот уже два месяца я люблю только тебя.

— А как же Леклер?

— Случайность, ошибка. Потом объясню. Поверь, нас с ним почти ничего не связывает.

— Почти?

— Да, — прошептал я. — Мы притворяемся, чтобы Мариам от него отстала. Между прочим, я делаю это за деньги.

— Он тебе еще и платит? — ужаснулась Мелани. — Миша, как низко ты пал!

— Мы не любовники, — прошипел я. — Точка.

— Ты об этом жалеешь? — поинтересовался зеленый человечек.

— Нет! Я жалею только об одном — что нахожусь здесь.

— Так никто тебя за язык не тянул! Ты сам пожелал, чтобы я похитил твоего ученика — вон того, круглого.

— Что? — закричали все.

— Да-да, не думайте, что я хладнокровный изверг! «Лучше бы вас зеленые человечки похитили». Чья фраза?

— Вы правда хотите отдать мной? — всхлипнул Снорри, заглядывая мне в глаза. — Разве такой жестокость? Что за?

Я очень жалел, что не могу как следует врезать по наглой зеленой морде.

— Не надо перевирать мои слова. Я просто пошутил. Кстати, в моей фразе была частица «бы», которая, как я объяснил на прошлом уроке, придает сказанному нереальный оттенок.

— Мы на такие мелочи внимания не обращаем, — отмахнулся зеленый человечек. — Ты позвал — я пришел.

— Хорошо. Вы собирались увезти Снорри. Но зачем взяли остальных?

— Лишние свидетели нам ни к чему. Протокол.

И зеленый человечек вздохнул.

— Ты не представляешь, землянин, с каким трудом я объяснил начальству, почему у меня на борту перегруз. Десять отчетов в Главк, объяснительная в Управление безопасности, репорт в инженерный отдел, докладная начальнику Разведштаба. Полдня писанины вместо заслуженного отдыха.

Похоже, бюрократия поразила и Волосы Вероники.

— Давайте вы вернете нас обратно, а мы сделаем вид, что вас не видели? — предложил я. — Сэкономите время и нервы.

— Поздно. Вас занесли в базы данных. Теперь вы официально пленники тарелки. Вам остается только ждать своей участи.

— А в чем она состоит?

— Вы станете участниками Великого эксперимента, над которым мой народ трудится уже двести тысячелетий. Эта честь выпадает не каждому, и если бы вы не были столь примитивны, вы бы возблагодарили меня за шанс, который я вам дал.

— Нас разберут на органы, — задрожала Мелани. — Сделай что-нибудь. Ты же

мужчина!

— Послушайте, эээ, как вас там? — прервал я зеленого человечка. — Мы вам совсем не подходим. Каждый из нас нетипичен для своей расы. Взять, к примеру, Мелани. У нее в детстве была заячья губа!

— Что ты мелешь? — возмутилась Мелани.

— А еще у нее стригучий лишай. Это заразно и может нарушить ход эксперимента.

— Какая удача, что у нас есть ты — для подстраховки, — меланхолично отозвался зеленый человечек. — Кстати, можешь называть меня Николаем Петровичем. Это мой официальный титул в окрестных мирах. А что с остальными? Тоже производственный брак?

— Еще какой! — с жаром сказал я. — Посмотрите на эту несчастную бактерию. Родилась в семье благородных инфузорий от внебрачной связи с соседом, безродным стрептококком. Оттого слегка косит на правую вакуоль. Неужели в вашем сердце нет жалости к несчастному инвалиду детства?

— Да! — дерзко крикнула бактерия, задрав жгутик.

— Допустим, жалость есть, — сказал с недоверием в голосе зеленый человечек Николай Петрович. — И что это меняет?

— Абсолютно все! Согласно конвенции о правах разумных существ на самоопределение нельзя вовлекать в преступный сговор третьих лиц, находящихся под опекой в беспомощном состоянии средней степени тяжести.

Пока зеленый человечек пытался разобраться в юридических тонкостях, Нрд сумел подпилить толстожалом один из прутьев клетки.

— А наш барбитанец, — сказал я, подтаскивая беднягу поближе к Николаю Петровичу и заслоняя им распил. — Вот уж калека, каких поискать. В детстве подвергся массажной кибератаке, с тех пор изъясняется только цифрами. Куда вам такой? Нет-нет, его надо отправить обратно, на родную планету, где его вылечат и сделают полноправным членом общества. Вот тогда уж похищайте, не жалко. Препятствовать не будем. А что касается шара...

Я не успел договорить. Нрд серой молнией вырвался из клетки и бросился на Николая Петровича, тузя его изо всех сил. Они с грохотом катались по полу, оставляя за собой след из разноцветной чешуи.

— Чего смотрите? Бегите! — крикнул я ученикам, и они начали один за другим выбираться из клетки.

— А как же Нрд? — спросила Мелани. — Мы не можем его оставить!

— Вернись и помоги ему, а я пока захвачу управление кораблем.

— Да ты и вибровилкой с трудом управляешь! Корабль захвачу я. А ты побори зеленого человечка.

Пока мы препирались, из тюремной камеры выскочил всклокоченный цефеанин.

— Я морозить его досмерть! — сказал он.

— Чем? — удивилась Мелани.

Нрд разинул пасть и дунул. В воздухе образовалось облако, из которого пошел мелкий, но весьма убедительный снег.

— Вот! — гордо сказал Нрд.

— А когда он оттаает? Сколько времени у нас в запасе?

— Два час. Потом оживать.

— Мало. Давайте свяжем его чем-нибудь? Мелани, снимай юбку!

— Не сниму! Мне дуется.

Злясь на себя и на Мелани, я расстегнул рубашку, и мы с Нрдом благополучно разорвали ее на три части. Веревка получилась короткая, но крепкая. Замороженный и связанный зеленый человечек буравил нас ненавидящими взором, когда мы запикивали его в клетку.

— Ненадежно, — сказал я. — Сбежит.

— Тогда поторопимся, — и Мелани с Нрдом трусцой припустили по коридору, который освещался тусклыми лампами. Довольно часто попадались затемненные участки, и тогда приходилось двигаться вдоль стен. Моих учеников нигде не было видно. Я надеялся, что они нашли себе укрытие и терпеливо дождутся, пока я не получу контроль над тарелкой. Но вот уже прошло минут пятнадцать, а контроль все еще не был получен. Мы продолжали бежать, в правом боку кололо, горло горело огнем.

— Мы движемся по кругу, — заметила Мелани. — Эта мигающая лампа нам уже встречалась. Раза три.

— Точно! — сказал я и встал, отдуваясь. — Ищем дверь на противоположной стене.

И мы начали ощупывать панели. Гладкая металлическая поверхность приятно холодила ладони.

— Нужен кнопка! — сказал Нрд. — Открываться сразу когда нажать.

— И где она? — в отчаянии спросила Мелани.

— Давайте мыслить логически, — предложил я. — Человечек нам примерно по колено. А вам, Нрд, по живот.

— Это не есть живот! Чистый мышц. Тренироваться много и никогда ожирение в то место.

— Хорошо, человечек вам по чистые мышцы. На этом уровне и надо искать вход — или ручку, которая его откроет.

И мы опустились на карачки.

— Вот, нашла! — обрадовалась Мелани. — Тут маленькая дырочка.

— Сунь в нее мизинец! — приказал я.

— Током ударит.

— Мелани, какой от тебя толк в моей команде? Осталась бы сторожить человечка, хоть какая-то польза.

— Я украшение вашего коллектива! — заявила она. — И любовь главного героя. В этом мое предназначение.

— А главный герой у нас кто? — поинтересовался я, засовывая мизинец в дырку. — Тоже ты?

Мелани ничего не ответила.

Я дотронулся до чего-то мягкого и вздрогнул.

— Не тыкай! — произнес капризный металлический голос из дырки.

— Откройте, пожалуйста, — попросил я. — Нам очень войти нужно.

— По какому делу?

— Мы заблудились. И хотим в туалет. Пустите?

— В туалет? — задумчиво протянул голос. — Могу предоставить индивидуальные горшки с подогревом сидения. Или санитарный пакет — очень рекомендую, и врачи одобряют.

— Нет-нет, мы хотим в кабинки.

— Тогда предъявите документы. В развернутом виде!

— Мелани, у тебя есть с собой паспорт? — шепотом спросил я.

— Нет, только чек из столовой.

— Пойдет.

И я, свернув чек трубочкой, просунул его в дырку.

— Хммм, тушеные пикули — два кредита, компот из венерианских слив — один кредит, хлеб из венерианской пушной муки — три кредита. Кто из вас пикули?

— Я, — отозвалась Мелани. — Только ударение на первом слоге. А эти двое — компот и хлеб.

— Почему хлеб дороже?

— Я импортный, — с достоинством сказал Нрд.

— Проходите!

В стене появился светящийся проем размером с кроличью нору. То есть я, конечно, никогда не видел кроличью нору, но именно так себе ее и представлял — нечто круглое, с неровными краями и ведет бог знает куда. Мы с Мелани с трудом протиснулись внутрь, а Нрд застрял — тем местом, где у него были чистые мышцы. Пришлось тянуть его за лапы, обдирая остатки чешуи со спины.

Мы оказались в просторном помещении, освещенном длинными лучами. Откуда они исходили, разглядеть не удалось. Под потолком, на недоступной высоте, парил антигравитационный груз в больших, едва не лопающихся тюках. Идти под ними было боязно. Мелани невольно прикрывала голову руками, Нрд передвигался на четырех лапах. В дальнем углу виднелась узкая дверь. Она была выше человеческого роста, но в нее нельзя было пройти. Особенно это озаботило Мелани, которая проклинала неработающие диеты и обещала не есть шоколад и жевательное мороженое с планеты Ом.

— Надо расширить проход! — предложил я. — Хватайтесь за края и тяните.

Ничего не получилось. Помучившись немного, мы принялись за ставшее уже привычным ощупывание стен. Ничего! Кроличья нора бесследно исчезла, и мы оказались в ловушке.

— Значит, надо снять один из тюков и посмотреть, есть ли там что-то похожее на рычаг.

Я встал лицом к стене, Мелани вскарабкалась мне на плечи.

— Ты бы хоть туфли сняла, — прохрипел я.

— Скажи спасибо, что я не на шпильках.

Когда по нам начал карабкаться Нрд, я чуть не упал. Вернусь на Землю, займусь спортом. Пойду в тренажерный зал и сделаю из себя атлета, чтобы ни один зеленый человечек не рискнул приблизиться ко мне даже на парсек.

Забравшись наверх, Нрд принялся раздирать оболочку груза. Раздался сухой треск, и на нас повалилась заношенная обувь со шнурками и без, сломанные столовые приборы, огрызки, пакеты, искусственные цветы, просроченный собачий корм, несортированный пластик, вибробутылки — короче, содержимое обычной городской помойки.

— Они воруют наш мусор? — озадаченно спросила Мелани.

— Похоже, так и есть, — сказал я, разглядывая ножку от стула.

Вдвоем с Нрдом мы вставили ее в дверной проем и налегли. Пластик хрустнул и разломился на две части, непригодные к делу. Я взялся за нож и попробовал обстругать стену.

— Фу! Бросьте немедленно! — отвлек меня голос Мелани.

Пока я трудился, Нрд познакомился с собачьим кормом и нашел его полезным и питательным.

— Пусть ест, — успокоил я Мелани. — И ты угощайся. Силы нам еще понадобятся.

Затея с ножом себя не оправдала, я отбросил его в сторону. Идей не было. Навалилась слабость. Тем временем Мелани собрала искусственные цветы, сложила пакеты в виде розочек и украсила ими рваные ботинки. Дверь неожиданно расширилась, образовался проход.

— Что произойти? — тревожно спросил Нрд. — Почему случиться?

— Не знаю, — сказал я. Меня терзала смутная догадка. — По-моему, за нами следят и подкидывают задания. Если справляемся, пускают на следующий уровень.

Мелани оглядела помещение в поисках камер.

— Хорошо спрятаны, — сказал я. — Между тюками или в стене.

— Мы будем играть по их правилам?

— Пока да. А потом посмотрим. Вперед!

И мы шагнули в проем. Нас встретил еще один коридор, который причудливо петлял, сплетаясь с самим собой.

— Стойте! — сказала вдруг Мелани. — Впереди кто-то есть.

Из-за поворота слышались возня и шопот. Мы подкрались поближе и осторожно высунулись из-за угла.

— Ребята! — радостно крикнул я. — Вот вы где! А мы вас потеряли.

Мои ученики бросились мне навстречу.

— Как вы сюда попали? — спросил я, потихоньку отпихивая ногой Снорри, который от счастья покрылся слизью.

— На лифте! — сказала Мармала. — Когда мы вышли из камеры, нас затянуло в лифт и выбросило на этом этаже. Я искала выход, но его нигде не было. Снорри предложил подождать вас. Он верил, что вы нас спасете. И оказался прав. А я зря сомневалась.

— Теперь мы вместе, — прочувствованно произнес я. — И нам не страшны никакие враги. Осталось только найти выход. Точнее, вход на капитанский мостик.

И мы начали осторожно двигаться по коридорам, простукивая стены. Снорри и бактерия отвечали за нижний уровень, шуршуны — за верхний, остальные проверяли середину.

— Пять, — вдруг сказал барбитанец. — Шесть. Десять. Сто сорок три. Две тысячи восемьсот двадцать девять.

— О чём он говорит? — спросила Мелани.

— Не знаю, — ответил я. — Но это может быть важно. В прошлый раз, когда из него посыпались цифры, он угадал номера лотереи.

— Тринадцать, четырнадцать и пятнадцать? Тебе не кажется, что это просто совпадение?

— Теперь мне уже ничего не кажется. Такая дичь творится — во что угодно поверишь.

И мы продолжили щупать стену. Коридор, уставший петлять, вдруг раздвоился. Левом отрезке горел алый свет, в правом — синий.

— У, — сказал альдебарранец и махнул брюшным манипулятором в левую сторону. — У. У.

— Нет-нет! — испугалась Мармала. — Во всех культурах красный — цвет опасности. Туда нельзя. Нас ждет ловушка.

— Ловушка тут везде, — резонно сказала Мелани. — Красный коридор не хуже других. Синий мне нравится меньше. А ты что думаешь, Миша?

Признаться честно, я устал от ответственности и мечтал перевалить ее на кого-нибудь другого. Я твердо был уверен, что зеленый человечек разморозился и гонит нас по тарелке, как тараканов, веселясь в спокойном местечке от всей души.

— Разделимся! — предложила Мармала. — Те, кому нравится синий цвет, пойдут со мной, остальные — с мисс Меррик.

— Мармала, напомните мне потом провести урок по земному кинематографу, — сказал я.

— Зачем?

— Чтобы вы поняли, почему нельзя разделяться. Это классическая ошибка персонажей, предназначенных на убой. Сначала они идут вместе, потом одни решают пойти — налево, другие — направо, и всех в результате уничтожают. Нет, держимся группой, след в след. Ни шагу в сторону! И не оглядываться.

— А это почему нельзя?

— Так говорит моя интуиция.

И я вошел в красный коридор. В нем пахло сыростью, на стенах рос густой мох. При виде нас он зашевелился и начал вытягивать тонкие усики.

— Стены не трогать! — предупредил я. — Этот мох мне не нравится.

— Ты мне тоже не нравишься! — вдруг сказал мох. — Хам!

Я встал и поискал глазами источник звука. Мох на стене напротив меня напряжился и нервно шевелил усиками, как экзотический грызун при виде чужака.

— Ты что думаешь, раз я растение, значит, без мозгов? Это дискриминация по клеточному признаку! Беспредел! Гомо-чванство!

— Да не ори ты! — рассердился я. — Лучше бы помог, а то растешь тут без всякой пользы.

— Я женщина! — продолжал вопить мох. — Не смей обращаться ко мне в мужском роде. Выбирай глаголы, когда разговариваешь со старшими! Мне триста лет. Да тебя на свете не было, когда я зиготы откладывала!

— Хорошо, извини, я был неправ. Я глупая мужская свинья, и очень раскаиваюсь в этом. А теперь скажи, куда ведет коридор и где центр управления тарелкой.

— Что мне за это будет? — поинтересовался мох.

— Почет и уважение, — посулил я. — А также вечная благодарность в письменной форме.

— Маловато.

— В трех экземплярах.

— Уже лучше. И пересади меня на северную сторону.

— Прошу, мадам!

Я подставил руку, мох довольно ловко прыгнул на нее и обвился вокруг предплечья.

— Где тут у вас север?

— А нигде! — засмеялся мох. — В космосе нет севера.

— Куда же тебя пересаживать?

— Зачем пересаживать? Я здесь поживу.

— На мне? — ужаснулся я. — А ну слезай! Слезай, а то ножом срежу!

— Не слезу, ты тепленький, — заупрявился мох. — Покатай меня немного, я тебе

пригожусь.

— Послушайте, женщина, освободите жилплощадь! — строго сказал я. — У нас не принято селиться на людях.

Но мох только теснее прижался ко мне. Жаль, что я без рубашки. С голой руки паразита сбрасывать сложнее. Я попытался его стряхнуть, но ничего не вышло.

— На следующей развилке направо, потом сразу налево, — сказал мох довольным голосом. — Дверь сверху.

— Пойдем быстрее, — дернула меня за свободную руку Мелани. — Зеленый человечек уже сто раз оттаял. Пока мы тут топчемся, он нас догонит. Или сообщит своей команде, что мы сбежали, тогда нас точно поймают.

— А мне так и ходить с этим мхом на руке?

— По-моему, тебе идет. Придает образу изюминку.

Устав от бесполезной борьбы, я двинулся вперед. В целом мох мне не очень мешал и даже грел, но я боялся, как бы он не пустил корни.

Обещанная дверь сияла под потолком, как картина современного художника-посткапиталиста. Шуршуны подлетели поближе и попытались открыть ее, но у них не получилось.

— Кинь цель! — подкатился ко мне Снорри.

Я взял его и совершил изящный трехочковый бросок, попав точно в центр двери. Она со звоном распахнулась, и оттуда принялись выскакивать скафандры. Судя по пустым шлемам, внутри никого не было. Они двигались сами по себе и выглядели угрожающе.

— Бежим! — крикнул я, и мой маленький отряд сорвался с места.

Нам удалось развить приличную скорость. Мармала, Нрд и У держались в авангарде, за ними попевал барбитанец. Мелани и шуршуны старались не отставать от лидеров, но и не попадать в хвост. Замыкал группу я — с бактерией и Снорри в подоле майки. Скафандры упорно преследовали нас. Наконец мы попали в тупик, и гонка прекратилась.

— К бою! — скомандовал я, и мы сошлись в рукопашной. Скафандров было немного — всего десять, но они дрались, как сумасшедшие. На меня на село сразу двое. Им удалось схватить меня за майку и повалить на пол. Я отбросил в сторону учеников и принялся пинаться изо всех сил. Но скафандры были сильнее, они наседали — я слабел. Шершавая перчатка одного из них уже давила мне на горло. Перед глазами вспыхнули разноцветные звезды, и вдруг ударная волна сбросила с меня противников.

— Ха! — самодовольно крикнул мох. — Видал, как я их уделала?

— Видал, — просипел я. — Спасибо.

— То-то! Говорила же тебе, я полезная. А ты брать меня не хотел. Чуть счастье свое не прозевал.

Я поднялся на ноги и оглядел поле боя. Нрд отважно сражался с тремя рваными скафандрами. Он сумел проколоть в них по дырке, они сдувались и теряли темп. Мармала с шуршунами свирепо добивали оставшихся. Бактерия прыгала со скафандра на скафандр и облепляла собой шлемы. Мелани утешала затравленно глядящего Снорри, которого в пылу сражения ударили в бинокляр. Барбитанец, обмакнув щупальце в оставленную кем-то темную лужу, упорно выводил цифры.

Когда последний из скафандров бессильно склонился к полу, я возвестил:

— Победа!

По всем коридорам раздались наши ликующие крики. Я дал бойцам немного

порадоваться, а затем сказал:

— Не расслабляться. Главное — впереди. Нас ждет штурм центра управления. Вперед, друзья! Захватим же наконец эту ржавую посудину!

И мы побежали назад. Квадрат двери сочился холодным светом. Добраться до него было нелегко, лестница нам не попалась.

— Пошли шуршунов на разведку! — посоветовала Мелани.

— Ты тоже не смотрела ни одного фильма? — спросил я. — Именно этого от нас и ждут враги! Нет, нельзя им сдавать своих по одиночке. Мы пойдем все вместе.

— Полководец из тебя тот еще! — нахмурилась Мелани. — На войне так дела не делаются.

— А мы не на войне, — напомнил я. — Снимай юбку.

— Опять ты за свое?

— Да. Нам нужна веревка.

— Твои штаны прекрасно подойдут.

— Не подойдут! Они старые. Уже три раза зашивал.

— Вот только не ври, что умеешь шить!

— Хорошо, это был не я, а мама. Да какая, к черту, разница? Не получится из них веревка. Кончай ломаться и отдавай шмотье.

— На! Подавись!

Она стащила с себя юбку и сунула мне в руки.

— Мелани, еще немного, и я передумаю тебя спасти!

— Меня?! Спасать? Ты кем себя возомнил?! Я сама себя спасу, без твоего участия.

Прощай!

И она зашагала по коридору прочь.

— Мелани, не смей уходить! Это опасно!

Я бросился за ней, но она повернула за угол и исчезла.

— Мелани! — кричал я изо всех сил. — Ме-ла-ни!

— Ты в курсе, что на твоей девушке венец безбрачия? — спросил мох, свивая усики косичкой.

— Нет. А что это?

— О! Это древнее проклятие симбиотических зоохлорелл, созданное на заре заселения звездных скоплений первыми биотами.

— Кем?

— Не важно. Потом считаешь в Галакипедии.

— И что за проклятие такое?

— Сильнейшее из возможных. Насыляется специально обученным шаманом. Оно заставляет живое существо отвергать любую форму духовной близости, бессмысленно рисковать жизнью и критически оценивать окружающую действительность.

— Тебя послушать, мы все тут поголовно прокляты.

— А так оно, в сущности, и есть.

— Допустим. Как снять проклятие? И куда она вообще делась?

— Мне-то почему знать, — вновь прикинулся валенком мох. — Убежала. Пока ты за ней гоняешься, время уйдет. Вернись назад и закончи начатое.

Я засомневался. С одной стороны, долг чести звал меня в погоню за Мелани. Я ведь обязан ее спасти, вызволить из беды, вырвать из лап чудовища. С другой стороны, именно

эта идея и подводила многих героев под монастырь. Пожалуй, стоит пойти вразрез с традицией и сосредоточиться на изначальной цели. Я нехотя вернулся к ученикам. Нрд как раз доплел веревку из юбки Мелани, и шуршуны закрепляли ее на крючке, любезно вколоченном под дверью.

Один за другим мы поднялись наверх. Упражнения на канате никогда не был моим коньком, и я едва не шлепнулся. Шуршуны подлетели снизу и настойчиво пихали меня лапками вверх.

Когда я достиг проема, Нрд втопнул меня внутрь. Мы оказались в комнате, набитой незнакомой аппаратурой. На большом виртуальном окне была открыта звездная карта. Боковые окна пестрели цветовыми пятнами.

— Кажется, мы нашли то, что искали, — сказала Мармала. — Кто умеет пилотировать летающие тарелки?

Альдебарранец поднял руку. Я засомневался:

— Серьезно? Вы пилотировали НЛО? И где научились?

— У, — сказал он и раздул сопла. — У. У.

— Говорит, что брал уроки экстремального вождения в квадрате Медузы, — перевела Мармала.

— Тогда приступайте! — велел я, хотя понятия не имел, что такое квадрат Медузы. Будем считать, его навыков хватит. Меня немного напрягало то, что нам так и не встретилась команда тарелки, напарники зеленого человечка. Конечно, он мог быть пилотом-одиночкой, что в современном космосе не редкость, но меня не покидало ощущение ловушки.

Альдебарранец уверенно подошел к звездной карте и сжал ее брюшным манипулятором. Пол поплыл под нашими ногами, и мы повалились друг на друга.

— Поттише, шумахер, не дрова везешь! — сказал я любимую дедушкину фразу, в которой не понимал ни слова. Но на борзых водителей она действовала безотказно.

— У? — обиженно спросил альдебарранец. — У! У! Уууууу!

— Нет, останавливаться не надо, летим дальше. Просто не так резко. Плавно, аккуратно, нежно.

Он кивнул и принялся давить на цветочные пятна.

— Куда жмешь, дурила?! Красный, потом синий. Потом три раза красный, — подсказал мох.

— А ты откуда знаешь? — спросил я. — И вообще, почему ты помогаешь нам, а не своим хозяевам?

— У меня нет хозяев, я свободная личность! Кому хочу, тому и помогаю. А если тебе не нравится, тогда буду молчать, и вы врежетесь в астероид.

— Если мы врежемся, тарелка взорвется, и ты вместе с ней.

— Я спасусь. Я живучая.

Тем временем альдебарранец разблокировал пульт управления, и на него посыпались окна с сообщениями в виде цветочных пятен. Он растерянно отшвыривал их, но они выпадали снова.

— Ошибка в системе подсчета остаточных координат, — ехидно сказал мох. — Что, не знаете, как устранить? А я знаю! Но не скажу, потому что вы меня не цените.

— Ладно, — сдался я. — Мы умоляем тебя о помощи.

— Умоляем! — дружно повторили ученики.

— Давно бы так, — проворчал мох. — Пустите меня, я разберусь.

Он ловко соскочил с моей руки и прилип к стене. Окна стайками потянулись к нему. Послышался рев двигателей. На карте появилась яркая точка, которая медленно поползла к правому краю.

— До червоточины полтора парсека! — сообщил мох. — Включить форсаж?

— Включай! — разрешил я.

И вдруг свет погас. Ученики вскрикнули, раздался звук падения.

— Что происходит? Все живы?

— Триста девять. Пять тысяч семьдесят один, — бубнил барбитанец. — Ноль. Семнадцать. Сорок три.

— Ушиб мозг! — крикнул Снорри. — Мозг головы.

Кто бы сомневался! Только это произошло гораздо раньше, возможно, в детстве. Я нащупал Снорри и проверил, нет ли в нем пробоин.

— Что делать хи-хи! — вопил он, вырываясь. — Не можно тут. Я мягкое насекомое.

Тут свет загорелся вновь. Глазам предстала дивная картина. Мармала и Нрд сидели в обнимку, почесывая друг другу брови. Барбитанец исписал цифрами весь пол, в качестве чернил он использовал конденсат У, который мирно спал в углу. Бактерия доедала мох, и тот был совершенно не против. Шуршуны слетали за шлемом от поверженного скафандра и уютно расположились в нем на ночлег. Такое чувство, что в нашем спасении заинтересован только я один. Остальные приспособились к ситуации и извлекают из нее пользу.

В проеме двери появился зеленый человечек. На нем ключьями висели остатки моей рубашки, на голове таяла льдинка.

— Поиграли и хватит, — хмуро сказал он. — Глашенька, ты что же их не задержала?

— Меня одолели, — пожаловался мох со стены. — Сдалась под пытками.

— Ничего, я им сейчас покажу кузькину мать! — сказал человечек.

— Смотрю, вы даром времени не теряли — подучили фразеологизмы, — заметил я. — Ребята, хватай его!

Я первым кинулся к человечку и, уже подбежав, заметил, что никто не последовал за мной.

— Я остановил время! — улыбнулся человечек. — На этой оси ординат только ты, да я. Посидим, потолкуем?

— Разве у меня есть выбор? — откликнулся я. — Внимательно слушаю.

Пространство вокруг перестало существовать. Меня вытянуло в тонкую линию, и я рванул вверх к невидимой точке, тщетно пытаюсь коснуться ее. Я превратился в кривую, идущую по касательной к оси игрек.

— Миша, — доверительно прошептал зеленый человечек, вытянутый ниже. — Ты хороший парень.

— Хоть кто-то так считает.

— Не сомневайся в себе. Я на твоей стороне. И собираюсь тебе помочь. Своим побегом ты доказал, что достоин быть не жертвой эксперимента, а его руководителем. Я безумно разочарован покорностью существ, попавших ко мне в плен. Они склонялись передо мной, как трава под порывом ветра.

— Сладко поешь.

— Верь мне, Миша! Зачем мне тебя обманывать? Я обращаюсь к тебе как к носителю разума, как к созданию, наделенному собственной волей. Ты победил мою бессмертную

армию, заставил моего напарника служить тебе, ты захватил мой корабль и сумел направить его в сторону дома. Не многим под силу такое.

Вытягиваясь все сильнее вдоль оси, я с ужасом думал, что худшее уже случилось, и надо сделать вид, что я готов сотрудничать с похитителем.

— Что от меня требуется? — спросил я напрямик.

— О, совсем немного. Ты полетишь со мной в долину испытаний, и там я посвящу тебя в главную тайну, которую не открывал ни одному из смертных. Ты первый удостоишься чести увидеть святыню моего народа.

— Я согласен удостоиться, вези! Но ребята должны вернуться в школу. И Мелани тоже.

— Обещаю, так и будет!

— Нет, второй раз ты меня не проведешь. Мы поедем в школу все вместе, а потом я отправлюсь с тобой.

— Ах, зря ты о них так печешься! — грустно сказал человечек. — Ты в курсе, что они между собой называют тебя земляным червяком?

— И только? Я был уверен, они придумают что похуже.

— А девушка? — продолжал человечек. — Форменная змея! Подрывала твой авторитет на каждом шагу! Грубила! И ты терпел.

— Слушай, давай пропустим лекцию по этике личной жизни, — сказал я. — Мне не везет в любви. Это временно.

— Нет, Миша, не временно, — вздохнул человечек. — Но если ты полетишь со мной, ты найдешь способ снять венец безбрачия — и с себя, и с других.

— Ты меня уже пять минут назад уговорил. Еду! Только сначала закинем ребят обратно.

— Сделано! — сказал человечек.

Раздался щелчок, и я почувствовал, как у меня, одномерного, появляется ширина и высота. Я обнаружил себя на диване в рекреационном зале школы. Вокруг кипела жизнь: кубоиды сражались в прямоугольный теннис, вислоноги танцевали брэйк-твист, двое кристаллов читали новости, жуки, прикрывшись куском ковра, тайно распивали горячительные напитки.

— Где мои ученики? — спросил я, но зеленого человечка Николая Петровича нигде не было видно.

На ватных ногах я бросился в класс. Голографическая панель у двери показывала дату и время — «18 февраля. 9.00 по Земле, 149.12 по Бетельгейзе, — 6,4 по Альфе Центавра». Я попал назад в сегодняшнее утро! У меня есть шанс предотвратить катастрофу.

Я открыл дверь и осторожно заглянул внутрь. Ученики самозабвенно списывали друг у друга домашнюю работу. Слава богу, они в безопасности! Надо идти к Мелани. Я нашел ее в расписании: она должна была читать лекцию в аудитории на пятой палубе. Если быстро перебирать ногами, доберусь за десять минут.

Я несся вперед, сшибая учеников. Только бы успеть, только бы успеть. Больше всего я боялся, что угодил во временную петлю один, и зеленый человечек, забыв обо всем, вновь попытается похитить Мелани. Тогда нам придется биться не на жизнь, а на смерть. Значит, надо запастись оружием. На бегу я листал расписание: Леклер ведет пары в солярии, это поблизости. Туда!

Возле солярия стояла очередь из желающих погреть бока под светом искусственного солнца. Протозойцы уже были в темных очках и плавках, из-под которых во все стороны торчала жесткая, как проволока, шерсть. Пролетая мимо, я сдернул с одного из них очки и

под возмущенные вопли толпы ворвался в солярий. Голос Леклера, заунывно читавшего лекцию космолучам, слышался издалека:

— Морфологическая система космолингвы базируется на двух основных принципах, первый из которых звучит так...

Он не успел договорить. Я ворвался к нему на урок, как демон, и вырубил электричество. В темноте метались испуганные космолучи. Я потянулся к ближайшему, схватил его покрепче и кинулся к двери.

— Миша, зачем ты воруешь моих учеников? — воскликнул Леклер. — Своих мало?

— Я на секундочку. Решу один вопрос и верну!

— Какой еще вопрос?

Луч в моих руках извивался, как уж, пытаюсь освободиться.

— Потом!

И я покинул солярий.

— Пожалуйста, не вырывайтесь, — сказал я лучу. — Мы сейчас вместе победим инопланетного захватчика, и вы вернетесь на урок.

— Мне нельзя пропускать занятия, — протянул луч. — Иначе мне стипендию не дадут.

— Я напишу объяснительную на имя вашего куратора. Всю ответственность беру на себя!

— Тогда несите меня бережнее, а то фотоны растреплются.

Дверь аудитории, где должна была работать Мелани, находилась уже в двадцати шагах от меня, когда я услышал душераздирающий крик. Опоздал! В три прыжка я оказался на месте, дезактивировал дверь и ввалился внутрь. Зеленый человечек, опутав Мелани лучом захвата, плотоядно тащил ее на тарелку. Я выставил перед собой луч, схватив его двумя руками.

— Стой! Ты обещал, что не тронешь ее.

— Я? — от удивления человечек ослабил хватку, и Мелани упала на пол.

— Да, через несколько часов я соглашусь помочь тебе в эксперименте, а ты отпустишь моих учеников и Мелани. И вернешь нас всех сюда, в прошлое.

— Какая щедрость! — усмехнулся человечек. — На меня не похоже.

— Тогда сражайся и умри!

— Зря вы на меня надеетесь, — грустно сказал луч. — Я не боевой. У меня рахит и одышка.

— Выпрямись и делай вид, что готов драться, — прошипел я. — Он отступит. Зуб даю.

И тут из моей десны вырвался коренной зуб. Я вытолкнул его языком и сплюнул на пол.

— Миша! — пробормотала Мелани. — Что здесь происходит?

— Спасая тебя от похищения.

— Давайте уточним: не спасаешь, а пытаешься спасти, — ворчливо заметил человечек. — Как тебя зовут, землянин?

— Я Михаил Смирнов! — гордо сказал я, выпятив грудь.

— Почти подождишь. Ладно, раз уж ты так настаиваешь, я возьму тебя вместо нее. Добровольно пойдешь или тащить?

— Добровольно, — вздохнул я и выпустил луч. — Поехали.

Зеленый человечек посторонился, и я шагнул на борт пристыкованной к кораблю тарелки.

— Прощай, Мелани! Не поминай лихом.

Люк захлопнулся, и тарелка с гудением отсоединилась, унося меня прочь от родной школы. Пусть я паду смертью храбрых, но не дам в обиду невинных учеников и любимую девушку. Летающая тарелка включила форсаж, и мы понеслись навстречу червоточине, которая приведет нас в Волосы Вероники — место, где решится моя судьба.

Глава 11.

Я с тоской смотрел в иллюминатор на стремительно проплывающие мимо звезды. Зеленый человечек, сидя на стене, управлял тарелкой с помощью голоса. Его родной язык напоминал треск ломающегося сухаря, шум воды в канализации и назойливое чириканье воробья на утренней зорьке. Тарелка внимательно слушала хозяина и лишь изредка ворчала что-то в ответ. Мох сгруппировался под потолком и внимательно наблюдал за мной.

— Ты кто? — наконец спросил он. — Почему не в клетке?

— Не хочу знакомиться с тобой второй раз, — ответил я. — Мне и в первый не очень понравилось.

— В первый? А когда он был? Что-то не припомню.

— В прошлой жизни. Ты мне еще на руку напозла.

— Это на меня похоже, — довольным тоном сказал мох. — Пустишь опять?

— Не пушу. И вообще оставь меня в покое — я грустный. А грустный человек выделяет яды.

— Яды? Ой-ой-ой!

И мох отполз подальше, сосредоточившись возле приборной доски.

— Долго лететь? — спросил я у зеленого человечка, который поднялся на ноги и разминал трехпальными ладонями свои многочисленные, несимметрично расположенные ребра.

— Двое суток, если по-земному. А по-нашему, одиннадцать параллелей к трезубцу без фистулы.

Я решил не уточнять, что такое фистула и при чем тут трезубец.

— Что вы со мной сделаете? Пустите на органы?

— Нет, — щербато улыбнулся человечек. — Мы пробовали разбирать людей на детали. Вы не выдерживаете обратной сборки и теряете пригодность. И много лишнего остается.

Мне стало не по себе.

— Михаил, ты будешь первым добровольцем в нашем великом эксперименте, — продолжал человечек Николай Петрович. — Это очень ценно, и мы все уважаем тебя.

— Не обобщай! Я не уважаю, — сказал мох.

— Человек мху не товарищ, — процедил я сквозь зубы.

— Кого ты мхом назвал? Я высший печеночный сапрофит!

— Не ссорьтесь, — миролюбиво сказал Николай Петрович. — Теперь мы одна команда. И нам предстоит войти в историю в качестве спасителей Вселенной от Исконного Темного Зла, таящегося в глубинах космоса.

— С этого места поподробнее, — попросил я. — Что за Зло? Кому угрожает? Чего хочет? Договориться не пробовали?

Зеленый человечек трелью перевел тарелку в режим автопилота, развернулся ко мне и сел, сложив ноги баранками.

— Слушай же, Михаил из рода человеков! Рассказ мой будет поучителен, печален и составлен из трех частей с эпилогом. Некогда Вселенной правил мудрый царь, называемый среди подданных словом, которое я не решаюсь сказать вслух.

— Неприличное что-то?

— Приличное, но включает в себя два миллиона слогов и произносится с горловым политоническим ударением. Поэтому — без имен. Царь был миролюбив, милосерден, обожал животных и даже держал в спальне хомячка. На этом кончается первая часть, и я перехожу ко второй. Ты не против?

Я помотал головой.

— Часть вторая. Решил однажды царь призвать к себе силу ближайших звезд, чтобы править всеми мирами — линейным, плоским, выпуклым и движущимся.

— А до этого он чем правил?

— Собой и подданными, но ему хотелось большего. Природа власти, мой дорогой Михаил, такова, что никогда нельзя останавливаться на достигнутом, иначе потеряешь то, что имеешь. И царь это знал. Он послал своих гонцов в разные уголки Вселенной, чтобы найти точку приложения силы, и вот один из них наткнулся на карликовую планету, излучавшую благодущие.

И тут я стал думать, что Николай Петрович пудрит мне мозги с какой-то определенной целью. Не может же он нести весь этот бред про слогового царя и благодущную планету на полном серьезе!

Заметив мои терзания, зеленый человечек лукаво подмигнул и все с той же интонацией сказителя продолжил:

— Часть третья, близкая по жанру к трагедии. Царь натянул свой гидравлический бесперебойный скафандр и в одиночку отправился прилагать силу. Что было дальше, история умалчивает. Известен только результат. Планета напряглась и вырастила на себе небывалых размеров вулкан, из которого вместе с магмой наружу вырвалось Исконное Темное Зло.

— Какое же оно исконное, если оно появилось позже царя?

— Не придирайся к формулировкам! — разозлился Николай Петрович. — Что за манера?

— Почему зло темное? И что в нем злого?

— Не знаю, — честно сказал Николай Петрович. — Но оно очень вредное, и мешает жить. Поэтому наш народ борется с ним на протяжении всей своей истории. Мы уже считали, что никогда его не одолеем, и тут обнаружили людей. В ваших мыслях есть нечто особенное, что заставит Зло навсегда исчезнуть.

— Звучит сомнительно.

— Не мы так решили, а планета. И если ты будешь меня постоянно перебивать, мы доберемся до конца рассказа только к обеду.

— Пропустите лирику, — посоветовал я. — С царем все понятно, давайте сразу эпилог.

— Ах, люди! Беспокойные дети Вселенной, — досадливо сказал Николай Петрович. — Будь по-твоему — эпилог. Однажды экипаж одной из тарелок, везущий груз людей, вынужден был дозаправиться в астероидном поле звездной системы, к которой принадлежала та самая карликовая планета. И в ходе заправки старший инженер заметил, что ему стало легче передвигаться в потоке внутренних фантазмов — нашем истинном бытии. Он изучил данные приборов и пришел к выводу, что произошло уменьшение Исконного Темного Зла, о чем он немедленно доложил начальству. Так были открыты феноменальные способности людей.

— И вы вместо установления дипломатических контактов решили нас воровать.

Зеленый человечек Николай Петрович вздохнул.

— Мы были бы рады не прибегать к насилию, но оказалось, что Зло чувствительно к человеческим страхам. Чем сильнее страх, тем оно меньше. Поэтому приходится возить вас в клетках и угрожать пытками.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Почему тогда вы крали людей по алфавиту?

— Во-первых, для порядка и отчетности. А во-вторых, когда Зло стало уменьшаться, на планете появилась надпись на человеческом языке, состоящая из двух слов. Мы подумали, что будет неплохо выложить ее запуганными человеческими телами. Это заставит Зло позорно капитулировать перед мощью нашей цивилизации, готовой на все ради победы.

Я совсем запутался.

— Что за чушь?! С чего вы решили, что это поможет?

Зеленый человечек потер руки и стал ужасно похож на мясную муху, присевшую на батон колбасы.

— Я тебе уже говорил, что это эксперимент. Попытка, проба. Усёк? И вообще тому, кто не познал мир внутренних фантазмов, неведомы пути силы.

Мне вдобавок ко всем проблемам только внутренних фантазмов не хватало.

— А что царь? Куда он делся?

— Его утянуло в вулкан.

— Может, он и есть то самое Зло?

Зеленый человечек изумленно вытаращился на меня.

— Может... — пролепетал он. — Никому из нас не приходила в голову эта мысль.

Сразу видно, высокоразвитая цивилизация, всадники на бешеных квазарах. А логики — как у нозеанца на уроке космолингвы.

Зеленый человечек метнулся к приборной доске и что-то затрещал в самую большую дырку, затянутую радужной пленкой. Из дырки сыпался ответный треск. Летающая тарелка, поняв, что контроль хозяина ослаб, заложила крутой вираж и повисла на орбите небольшого спутника газового гиганта, мимо которого мы в тот момент пролетали.

Мох метался по стене, как укушенный, зеленый человечек подпрыгивал и хлопал в ладоши. Одно за другим из панели приборов вылетали голографические окна с пятнами разных цветов и размеров. Тарелка начала неконтролируемое вращение.

И вдруг все замерло, словно невидимый глазу бог остановил время. Зеленый человечек Николай Петрович приблизился ко мне и сказал:

— Вот что случается, когда эмоции берут верх над разумом. Пришлось нырнуть в ближайший фантазм, но он тонкий и вот-вот прорвется в реальность. Слушай меня и помалкивай. Я сообщил начальнику о твоём открытии и получил два противоречивых приказа. Живот начальника велел мне доставить тебя в столицу закованным в цепи, как зверя. Но ухо начальника шепнуло, что я могу скрыть тарелку в движущемся мире и попробовать в одиночку, без поддержки авиации, побороть Исконное Зло.

— Вы моего совета ждете? Делайте, что хотите. Я все равно ничего не понял.

— Хорошо же, тогда летим напрямик. И да поможет нам гибискус, щетина и бычий цепень!

— Неплохой девиз. Надо предложить директору школы выбить его над дверью моего класса.

Не успел я договорить, как нас выкинуло из фантазма. Окна продолжали валиться и заполнять собою пространство, мох пронзительно визжал, болтанка усиливалась.

Николай Петрович засунул руки по локоть под панель приборов и неожиданно вырвал оттуда три гриба.

— Сыроежки? — удивленно спросил я.

— Рычаги управления. Но теперь они нам без надобности. Пригнись, Михаил происходит дополнение тарелки.

Потолок надо мной выгнул спинку, как кот, и я ничком бросился на пол. Меня растягивало и сплющивало, швыряло то вверх, то вниз. Глаза слезились так сильно, что я перестал видеть. На грудную клетку будто давил стотонный слизень с углеводородной планеты Жамжам.

— Остановите, я сойду! — прохрипел я.

— Мы прилетели, — обреченно сказал человечек. — Вставай.

Я встал. Мир обрел четкость и прекратил месить мне бока. Нас окружали незнакомые звездные системы. Мы направлялись к небольшой планете, окутанной неплотным пылевым облаком.

— Приготовься, входим в атмосферу.

Тарелку охватило желтое пламя, а меня обняла за плечи стена и спеленала, как младенца. Сначала я очень испугался, но потом понял, что так гораздо удобнее и для полного счастья мне не хватает только колыбельной.

Тарелка со стуком припланетилась, и когда рассеялся пар, я увидел безжизненный пейзаж, типичный для зон вулканической активности.

— Пора! — скомандовал Николай Петрович, и стена отпустила меня.

С капитанского мостика на поверхность планеты вел светлый туннель в рост человечка. Я мог пробраться по нему только на четвереньках.

— Где скафандр? — тревожно спросил я. — И что с гравитацией? Сильно ниже нормы?

— Скафандр тебе не нужен, — спокойно сказал Николай Петрович. — Планета теплая, кислородная, с небольшой примесью бутана в воздушной смеси.

— И что это значит?

— Тебе будет страшно. Очень страшно.

— Тогда я не пойду. Дайте скафандр, иначе мое участие перестанет быть добровольным.

Зеленый человечек щелкнул пальцами, и один из побежденных моими учениками скафандров, потрепанный и усталый, подбежал ко мне и любезно предложил свои услуги. Знал бы я, что придется им пользоваться, велел бы бить менее усердно. По крайней мере, не отрывать дыхательные шланги от баллона с кислородом. Я сел прикручивать их обратно. Мох старательно помогал советами.

— Закончил? — нетерпеливо спросил зеленый человечек. — Зло сгущается. И надо с этим что-то делать.

— Идите вперед, я догоню, — предложил я.

— Какой хитрый! Нет, только вместе.

Я влез в скафандр. В плечах он был маловат, под мышками борило. Видно, мне достался женский. Об этом говорили и две полости в районе ребер. Чтобы место не пустовало, я сунул туда мох, разделив его на две кучки.

— Эй, верни меня на место! Я не хочу! Пустиииии!

— Пригодишься, — твердо сказал я и пополз по тоннелю. Двигаться было неудобно, я вспотел, замучился и хотел уже повернуть обратно, как вдруг уперся шлемом во что-то

твердое, но податливое. Я боднул невидимое препятствие раз, боднул два и наконец оно лопнуло, как пузырь, и я вывалился наружу.

— Тебя только за смертью посылать! — проворчал Николай Петрович, у чьих ног я барахтался беспомощным карасем. — Вставай, Зло уже в курсе, что мы прилетели. Надо поспешить.

Мы побрели вперед по кочкам застывшей лавы, держа путь к вулкану, видневшемуся вдали.

— Поближе сесть никак не получалось? — спросил я.

— Избранный должен пройти дорогу истины пешком, — важно заявил Николай Петрович, оттопырив палец.

— А я не избранный. И предпочитаю транспорт.

Зеленый человечек презрительно фыркнул и прибавил ходу. Мы дошли до небольшого пологого участка. Мне разрешили присесть.

— Веет дурманом небытия, — сказал человечек, втягивая узкими ноздрями воздух.

— Так то, наверное, бутан.

— Возможно, — согласился Николай Петрович. — А теперь активируй визор и посмотри на вулкан в режиме двойного слежения.

— Чего?

— У тебя на локте зеленая кнопка. Ткни три раза.

Я сделал, что он велел, и на внутренней поверхности шлема образовалась пленка, сквозь которую все казалось размытым и дрожащим. Зато вокруг вулкана четко обрисовывался ореол Зла. Больше всего он напоминал жестяное блюдо из музея земных древностей — с грубоватой заводской чеканкой и профилем петуха по центру. Только тут вместо петуха была жирная точка, от которой расходились цепочки скобок, как будто Зло рассылало всем окрестным жителям смайлики.

— Узрел истину, Михаил? — поинтересовался Николай Петрович.

— Узрел. Выглядит безобидно. Что оно вам сделало, это Зло? За что вы на него ополчились?

— Послушай, человек, ты какой-то избыточно дерзкий. Сказано тебе, Зло надо уничтожить, а ты глупые вопросы задаешь.

— Не глупые! Зло должно губить народ, топтать посевы, мечтать уничтожить Вселенную, а ваше топорщится над вулканом и без спецприборов даже не видно. По сути, не мешает и могло бы жить дальше.

Человечек понесся вокруг меня кругами, заламывая руки в неожиданных местах.

— Проклятье! Этот гуманоид совсем не желает слушать доброго Николай Петровича. Он слеп, как мышь.

— Мыши вообще-то неплохо видят.

Но человечек меня не слушал. В лаве под его ногами начала появляться уверенная борозда. Еще пара минут, и из нее повалил дым.

— Ладно, уговорили. Больше не спрашиваю, почему ваше Зло предназначено на убой. Идемте и покончим с ним!

Зеленый человечек тут же прекратил круговое движение и вприпрыжку побежал вперед. Я в скафандре едва поспевал за ним. Мох неприятно возился, упираясь мне в грудь острыми усиками. Я начал жалеть, что взял его с собой, — пока что бесполезен и уже очень мешает.

Через несколько часов мы достигли небольшой платформы, к которой были

пришвартованы антигравитационные мотоциклы.

— Кажется, вы говорили, что ваш избранный — пешеход?

— До платформы — пешеход, а после нее — летун, — резонно возразил Николай Петрович и первым залез на мотоцикл.

Летели мы быстро, с ветерком и достигли подножия вулкана за четверть земного часа.

— Кольцо бы в него бросить, — задумчиво сказал я, разглядывая рваные края кратера.

Николай Петрович с интересом посмотрел на меня.

— Это примета такая? Чтобы вернуться?

— Нет, скорее наоборот. Трудно объяснить в двух словах. Но у нас Зло уничтожают именно так.

— Учтем на будущее.

На склоне вулкана виднелась веревочная лестница. Она висела в воздухе, ничем не прикрепленная, и слабый ветерок качал ее из стороны в сторону.

— Хватайся и лезь! — распорядился Николай Петрович. — А я за тобой.

— Давайте вы первый.

— Убью!

— Убьет, — подтвердил мох.

И я полез. Как только я достиг десятой ступеньки, лестница сжалась и сбросила меня. Я рухнул вниз.

— Нежнее надо, — посоветовал Николай Петрович. — Она не любит давления.

— А как тогда лезть? Порхать не умею.

— Двигайся легко, плавно, как будто плывешь. Ты ведь водоплавающий?

— Я водотонущий.

— Тогда представь, что ты ходишь по тонкому льду, который в любой момент может треснуть.

В этот момент мне самому хотелось треснуть — зеленого человечка.

Кое-как мы добрались до жерла вулкана.

— Где надпись? — спросил я.

— Ты на ней стоишь!

То, что я первоначально принял за естественную неровность, оказалось буквой «О». Я отошел в сторонку, чтобы прочесть фразу целиком. Она гласила: «Помогите мне!»

Зеленый человечек нетерпеливо ждал моей реакции. Я молчал.

— Что ты об этом думаешь?

— Одного не пойму, — сказал я наконец. — Допустим, вам пришла в голову идея выложить эту фразу людьми. Это я еще как-то могу понять. Но здесь же ни одной буквы А! И есть повторяющиеся. Зачем вам тогда понадобился Лулумба Лопотунья. И где он, кстати?

Николай Петрович пожал плечами:

— Я человек маленький, зеленый. Мне приказали — я сделал. А похищенные живы-здоровы, но до конца эксперимента изолированы в стерильном боксе на одной из наших станций. Когда Зло будет побеждено, мы их отпустим.

— Честно-честно?

— Само собой.

— Хорошо. Я разберусь со Злом по-быстрому, и назад. А вы пока позвоните своим и скажите, чтобы освободили заложников.

Полный пламенной отваги я отвернулся от Николая Петровича, зажмурился и прыгнул в

вулкан.

— Летишь? — прошелестел мне в ухо незнакомый голос. — Доволен собой? А как будешь приземляться, не подумал?

— Здесь низкая гравитация. Не ушибусь, — ответил я, не открывая глаз. — Вы Исконное Темное Зло?

— Можно и так выразиться. Вообще у меня имя есть.

— Но оно состоит из двух миллионов слогов и произносится с горловым политоническим ударением. Я угадал?

— Вижу, тебе многое сообщили, гуманоид. Тем легче. И можешь уже открыть глаза.

Я сделал это. Я посмотрел в лицо ужасу. Ужас посмотрел в лицо мне. Оба остались недовольны.

— Пойдите, какое же вы Зло? Вы бог!

— Спасибо за комплимент.

— Что с вами случилось? Вы застряли в вулкане? И откуда вы знаете космолингву? Ее изобрели всего пятьдесят лет назад, а вы здесь явно подольше.

— Подольше. Я пребываю в заточении столько лет, сколько слогов в моем имени. За то время мой родной мир сгорел в пламени сверхновой, гуманоидные цивилизации зародились, пали и воскресли вновь на других планетах, мои подданные превратились в прах, а я сам стал частью планеты, с которой не могу расстаться.

Мое падение вниз внезапно прекратилось. Я шлепнулся на огромную ладонь Зла и устроился поудобнее. Разговор предстоял длинный. Зло, как известно, любит поговорить, поэтому в ближайший час мне бояться нечего. Главное, задавать правильные вопросы, не нарываться и склонять Зло на правильную сторону.

— Давайте по порядку, — рассудительно сказал я. — Кто вы?

— Повелитель Вселенной, — торжественно сказало Зло.

— А почему перестали ею повелевать?

— Не перестал, а сократил полномочия. Дело в том, гуманоид, что я пал жертвою обмана. Мои советники пересказали мне легенду о скором конце Вселенной в хладе тотальной энтропии, и я вознамерился его предотвратить.

— Лучше бы вы посмотрели пару фильмов-катастроф. Понятно же, что план провальный.

— Провальный, — грустно согласилось Зло. — Я был молод и наивен. Чтобы остановить энтропию, поглощавшую энергию моего мира, я прилетел на планету, которая считалась центром отрицательного движения сил.

— Могли бы сначала советников послать.

— Посылал, они не вернулись.

— И поэтому вы тоже захотели угробиться?

Зло пошевелило пальцами, и я соскользнул к краю ладони. Внизу была невероятная, тягучая тьма.

— Я понял, что должен все сделать сам — в этом мое предназначение. Но как только я вступил на поверхность планеты, меня затянуло внутрь. Задыхаясь, я выплеснул животворящий поток.

Я изо всех сил старался не представлять себе это, но воображение было не остановить.

— Моя тюрьма казалась всем вулканом, — продолжало Зло. — Но внизу нет кипящей магмы. Есть только дыра небытия, к которой я прикован.

— Досадно, — сказал я. — А чем вы не угодили зеленым человечкам? Так-то посмотреть — вы никакое не Зло, а спаситель-неудачник. Вам должны сочувствовать.

— От них дождешься! — усмехнулось Зло. — Они появились на орбите планеты пару тысячелетий назад. Искали новые места для своих колоний. Я, конечно, как мог, поприветствовал их, назвался и гостеприимно предложил разместиться в соседней долине для ведения переговоров и последующего банкета. Все шло неплохо. Человечки разбили на поверхности сады, пасли скот на моих склонах. Я был не против. Мне даже льстило их внимание.

— Но что-то пошло не так, — резонно предположил я.

— Я подумал, что они могли бы меня освободить. И даже недавно сделал соответствующую надпись на поверхности.

— Так сделали бы на их языке, а не на космолингве.

— Их языка я не знаю. А то, что ты называешь космолингвой, есть родной язык моего мира, который я рассылал космическими лучами во все обитаемые секторы Вселенной. До вас, видимо, только-только долетело.

— И все равно не понимаю, почему человечки сочли вас Злом. Да еще Исконным.

Зло тяжело вздохнуло.

— Когда я понял, что они не понимают моих страданий, я вторгся в их внутренние фантазмы. Что было, кстати, не очень сложно, потому что они держат каналы связи открытыми. Беспечные телепаты! Я стал объяснять им весь ужас своего положения, необходимость бороться с энтропией сообщ. Но из-за разницы в мировосприятии человечки восприняли только отрицательную часть послания, подумав, что я им угрожаю. Так я стал Злом. Они нагнали сюда ученых, сделали трансмолекулярный анализ пород. Так я стал Исконным Злом.

— А потом кто-то заглянул в жерло, ни черта не увидел. Так вы стали Исконным Темным Злом.

— Ты проворен мыслями, гуманоид. Пожалуй, когда я освобожусь, я сделаю тебя своим советником. По языковым вопросам.

— Лучше дайте мне миллион кредитов наличкой. Хочу открыть бизнес. Могу взять в долю.

— Идет! — согласилось Зло. — Только фирму назовешь в мою честь.

— Словом из двух миллионов слогов?

— А что, какие-то проблемы?

— Да нет, никаких, — пожал плечами я. В скафандре это сделать было нелегко, но я справился. В конце-то концов, Злу виднее, как строить бизнес. — Так что нужно, чтобы вас освободить? Выложить надпись людьми?

— Дурацкая идея! — фыркнуло Зло. — Хотя я должен признать, мне приятно, когда кладут тепленькое на макушку. Местное светило почти не разогревает планету, приходится самому поддерживать температурный режим.

В этот момент Николай Петрович заглянул в жерло вулкана и проорал:

— Миша, ты живой?

— Не отвечай! — испуганно прошептало Зло. — А то он сюда спустится!

— Он вам не нравится?

— Я проник в его фантазмы.

— И что в них?

— Тебе не понравится.

— Он задумал меня убить?

— Нет. Он хочет стать твоим учеником.

— Вот это уж действительно скверно, — согласился я. — О таком лучше не знать.

Затаюсь.

Мы помолчали некоторое время. Николай Петрович ушел, решив, что я погиб в вулкане. Только бы он не улетел с планеты. Без его тарелки мне не вернуться домой. Хотя, если я освобожу Зло, может оно сумеет перенести меня на Землю.

Зло нетерпеливо зашевелилось.

— Ты поможешь мне?

— Ага, — сказал я. — Излагайте.

— Видишь ли, Миша, мне для освобождения нужны три круглых предмета. Живой, неживой и метафорический.

— Ну и запросы у вас!

— Что поделаешь — цена всевластия. Со мной всегда было непросто. Когда имеешь безграничную власть, обычные радости меркнут.

— Мне нужно время, чтобы подумать.

На самом деле мне нужно было время, чтобы вытащить руку из скафандра и добраться до кармана.

— Кажется, у меня есть все, что надо! — сообщил я. Я просунул руку назад, отвинтил перчатку и показал Злу семенную коробочку ямофикуса и брелок Мелани.

— Одно живое, другое нет. А еще есть я — метафорический круглый дурак.

Вокруг меня вспыхнул свет. Посыпались разноцветные искры, затрещали пласты земли. Камни с грохотом повалились в бездну.

— Свобода! — завопило Зло и вылетело из вулкана. Меня отбросило на поверхность планеты, прямо к туннелю, ведущему в летающую тарелку.

— Что ты натворил?! — закричал позеленевший еще сильнее Николай Петрович. — Ты должен был его уничтожить, а не освободить!

Я кое-как встал, отряхнул скафандр. Голую руку без перчатки саднило — меня прилично протащило по земле, а тормозить было нечем.

— Не беспокойтесь. Я все разузнал. Зло не хотело вам... эээ, зла.

— Но и добра оно нам тоже не хотело! Кто в здравом уме вступает в переговоры с террористами? Их надо мочить — в вулкане!

— Мочить не получилось, — сказал я. — Зато Зло улетело, и вы можете колонизировать планету.

— Этот безжизненный кусок лавы?

— Ну...

Я огляделся. Да, пшеница здесь не заколосится, это точно. И вдруг под моей ногой взбук бугорок. Он становился все больше и больше, пока его не прорвала зеленая голова ростка. Ямофикус! Судя по всему, семенная коробочка треснула, и мы со Злом, вылетая наружу, стали невольными сеятелями. Повсюду показались всходы. Через пару минут мы с зеленым человечком оказались в густом ямофикусовом лесу.

— Что происходит? — растерянно спросил Николай Петрович.

— Подарок от Зла. Бесплатное экспресс-озеленение планеты. Растение называется ямофикус — очень полезное, хотя и не злаковое. Выделяет тепло, кислород, нейтрализует

вредные испарения, превращает неплодородные почвы в чернозем...

— Лечит все болезни, — пробурчал Николай Петрович. — И воскрешает мертвых.

— Таким не занимаемся, — откликнулся ближайший ямофикус. — Кстати, не мешало бы нас полить. Планета суховата.

Зеленый человечек прочирикал что-то своей летающей тарелке, зажатой между двумя крепкими стволами, и она разразилась фонтаном брызг.

Ямофикусы ловили капли своими мясистыми листьями и по цепочке передавали их тем, до кого живительный дождь не достреливал. Повсюду слышались вздохи удовольствия. Зеленый человечек полез в тарелку, я за ним.

— Что я теперь скажу начальству? — горестно вскрикнул он. — Зло на свободе, планету колонизировали говорящие растения. Это провал!

Я стащил с себя опостылевший скафандр, сырые насквозь брюки и рубашку. Обалдевший, так и не пригодившийся мох выбрался сам и бессильно разлегся на полу шершавым ковриком.

— Давайте смотреть на все позитивно. Враг улетел и вряд ли вернется. Ему после стольких лет заточения будет совершенно не до вас. А там придумаете что-нибудь. Ямофикусы за пару лет создадут на планете приятный климат, и вы из нее сделаете галактический курорт.

Николай Петрович хмуро посмотрел на меня.

— Вы на Земле все такие?

— Какие?

— Сейчас, поищу в словаре... Так, отбойный, отъехавший, отличный...

— Остановитесь на последнем слове!

— Вот, нашел. Отпетые!

— Я не отпетый, — обиделся я.

— Ну, тогда конченный.

— Чем оскорблять, лучше бы вернули меня назад, в школу.

— Я тебе такси, что ли?

— А куда вы меня денете?

— В тюрьму! Как государственного преступника номер один.

— А ты чего молчишь? — обратился к мху, который устало шевелил с усиками. — Ты все слышала, скажи хоть слово в мою защиту!

— Слово, — пискнул мох.

— А что-нибудь посущественнее?

— Я низший организм. Университетов не кончала.

В этот момент с бортового компьютера посыпались сообщения. Зеленый человечек принялся читать их. Некоторые окна стрекотали, другие молча вываливали ему на голову сотни красочных фигур, третьи старались прилипнуть к стене — их приходилось отрывать с большим усилием.

— Мне велено вернуть тебя в школу, — уныло сказал зеленый человечек. — Зло ушло из внутренних фантазмов, и начальство сочло это подобием победы.

— Меня вознаградят? — полюбопытствовал я.

— Да. Тебе даруют жизнь и свободу. Можешь не благодарить.

— А я и не собирался.

Конечно, после всех моих стараний я рассчитывал на небольшую компенсацию — в

счет потраченных нервов и рано нажитых седых волос. Зло, наобещав с три короба, умчалось, человечки проявили неслыханную жадность. Придется возвращаться к обычному труду. Надеюсь, пока я отсутствовал, меня не уволили за прогулы.

Глава 12.

Но когда я вернулся в школу, стало понятно: тут и без меня проблем хватало. Персонал корабля метался туда-сюда по коридорам, сирена упорно выла на низкой ноте. Мимо меня прошел капитан с выражением «все пропало» на лице.

— Что происходит? — спросил я у бледного лейтенанта, который гнал вперед перепуганных солдат, одетых в штурмовые костюмы.

— Общая тревога. Вернитесь в каюту, сэр!

— А поподробнее?

Но он уже ушел. Я направился в сторону учительской, где всегда, даже в суровый ночной час, можно было кого-нибудь найти. Пусто. Не хватало только картинно летающих бумажек, как в старинных фильмах, где герой входит в давно заброшенный дом и предается грустным воспоминаниям.

Тогда я пошел в каюту Мелани. Звонил, стучал, скребся в дверь — все без толку, она не открыла. Выбор, к кому пойти следующему, был небогатый — Джон или Леклер. Поколебавшись, я выбрал Леклера — ему, наверное, известно больше. Его каюта находилась в привилегированном отсеке, на уровень ниже. Лифты были заблокированы, и мне пришлось воспользоваться черной лестницей, которую никто не охранял.

Уже на подходе к нужному отрезку коридора я заметил необычную активность: впереди стояла небольшая группа военных, которые живо что-то обсуждали.

— Вы серьезно? — спрашивал один. — Они же гражданские.

— И что теперь? — огрызнулся другой. — А мы чем хуже? У меня тоже семья, сын. Пойдем, приказ есть приказ.

И они ушли.

Я на цыпочках подобрался к каюте Леклера, готовый в любой момент бежать обратно и прятаться в мусорном отсеке. Предчувствие беды заставляло сердце биться на грани возможного. В жерло вулкана я лез куда смелее, чем в каюту к завучу. Питание панелей на двери было отключено, но имелась обычная кнопка. Я нажал на нее. Дверь рывком распахнулась. На пороге стоял встревоженный Леклер — волосы торчали в разные стороны, изящно оттеняя обширную плешь. В руках он держал чемоданчик.

— Это ты?! — воскликнул он, глядя на меня, как на привидение.

— Вижу, узнал.

— Я тебя два дня назад уволил!

— Жаль, конечно. А можно оформить это как отпуск за свой счет и вернуть меня назад?

— Входи! — и Леклер рывком втолкнул меня в каюту.

— Ты где был? Как ты сумел улететь из школы? Контрабандой, в грузовом трюме?

— Не важно, потом расскажу. А здесь-то что происходит? Учения?

Леклер обнял чемодан, как младенца, баюкая его в трясущихся руках.

— Если бы! Беда, Миша. Похоже, нам всем конец. К нам движется астероид-убийца.

— И что? Обогнем его, и все!

Леклер поник.

— Не выйдет. Он умеет маневрировать. Уже уничтожен лайнер «Звезда Счастья» — попался ему на пути, хотели отклониться и не смогли. Две тысячи погибших.

— А спасательные капсулы? Неужели никто не сумел уйти?

— Лайнер был санаторного типа — почти как наш. Началась паника. Часть капсул повредили пассажиры, часть не сработала — оказалась, лайнер был аварийный, процентов восемьдесят износа. Кто-то, конечно, улетел. Их сейчас вылавливают военные. Идут допросы.

Леклер замолчал. Я почувствовал, как холодный пот льется по моей спине. Тиканье старинного будильника, к которому Леклер имел забавную слабость, казалось нестерпимым.

— И где сейчас астероид?

— Двадцать тысяч километров от нас. Уклонение невозможно. Всех заперли по каютам. Выпускают по одному и гонят в спасательные капсулы. Вот сижу, жду своей очереди.

— Постой, что значит выпускают? Ты мне сам открыл.

— Да ничего я не открывал! — сказал Леклер с отчаянием. — Ты нажал аварийную кнопку, и дверь разблокировалась. Изнутри не получится.

Меня охватила паника. Заперты! Мы теперь заперты!

— Так надо было бежать!

— Миша, ты дурак или только прикидываешься? Куда бежать? Это, мать твою, звездный корабль! Тут вокруг космос, если ты еще этого не заметил.

— Почему сразу в космос? Надо пробиться к спасательной капсуле и сесть в нее первыми.

— Джон пытался. Ему удалось выбраться из каюты — не знаю, как, он не рассказал. Только вот к капсуле его не подпустили — у каждой стоит охрана, и против бластера с голыми руками много не навоюешь. Вернулся — сидит на чемодане, как и я.

— Тогда у меня плохие новости. Я только что подслушал разговор военных. Спасать нас они не собираются. Капсулы — только для своих, остальным крышка.

— Замечательно! — сказал Леклер, вставая и принимаясь ходить. — Всегда мечтал погибнуть именно так.

Я задумался. В голове шевелилось смутное предощущение хорошей идеи.

— А когда астероид должен в нас врезаться?

Леклер нырнул глазом в пультопланшет.

— Через тридцать шесть минут. А что, хочешь успеть передать привет родне? Внешние ретрансляторы не работают, есть только внутренняя связь.

— Этого достаточно. Итак, вот мой план. Назовем его план А.

И вдруг пространство между мной и Леклером заколебалось, словно в воздухе пыталась проявиться голограмма.

— Нашел! — пробормотал знакомый голос.

Какая удача! Исконное Темное Зло решило отблагодарить своего спасителя.

— Забудь про план А, — сказал я Леклеру. — Переходим к плану Б. Познакомься, это властитель Вселенной.

— Да, можно и так выразиться! — учтиво произнесло Зло. — Но, собственно говоря, к делу. Ты просил миллион кредитов? Вот, держи, я собрал.

И на нас с Леклером посыпались купюры.

— Стой, стой! — закричал я, отбиваясь от денег. — Забери все назад. Мне нужно другое.

— Ах, какой капризный! — изумилось Зло. — Знаешь, как трудно было накопить такую кучу? А через вакуум протащить? Нет уж, бери, раз договаривались.

— Зачем мне деньги? Нас сейчас астероид-убийца превратит в кашу! Останови его!

— Ты меня с кем-то путаешь, — запротестовало Зло. — Я тебе не золотая рыбка, которая исполняет желания. Ты сказал «миллион» — вот он. На этом разговор окончен.

И с громким хлопком Зло исчезло. Теперь я как никто другой понимал озлобленных зеленых человечков, сражавшихся с ним веками. Действительно, Зло. Темное и коварное.

— Хоть обогатился напоследок, — философски сказал Леклер, вытаскивая ногу из вороха пятисоток.

— Возвращаемся к плану А, — заявил я, разворачивая окно со списком номеров персонала. — Алло, Мариам!

— Нашел, кому позвонить, — разозлился Леклер. — Захотел помучиться перед смертью, чтобы сразу в рай?

— Михаил! — удивленно откликнулась Мариам. Она кинула взгляд за мою спину и увидела Леклера, сидящего на горе из денег. — Ого, я вижу, у вас там весело.

— Деньги — Зло, — уверенно сказал я. — Но сейчас не об этом. Скажите, вы сможете связаться с волножителями из вашего хора?

— Да, если их еще не эвакуировали. А что?

— Надо, чтобы они спели нам.

— Хотите насладиться музыкой?

— Нет. Их пение делает мысли материальными. Пока они поют, мы все будем представлять, как астероид врезается в соседнюю планету.

— Да? Что ж, давайте попробуем.

Через десять минут к нашей линии разговора подключились преподаватели школы, менеджер Николай, секретарша Виноградова, большинство учеников-инопланетян и все до единого волножители, даже немой Хмых, который посещал исключительно уроки труда с непонятной целью.

— Три-четыре, — скомандовала Мариам, и хор запел.

— Я был когда-то страаааной игрушкой безымяяяянной...

Леклер вопросительно поднял бровь. Я знаком велел всем закрыть глаза. Мы старались представить себе, как астероид-убийца вдруг резко меняет курс, направляется к необитаемой планете, возле которой недавно пролетела наша школа, входит в плотные слои атмосферы и сгорает там дотла. На каменистую поверхность падают дымные осколки. Мы спасены. Нам ничего не угрожает.

Я на секунду отвлекся от нужных мыслей, чтобы взглянуть на карту. Астероид продолжал сближаться со школой. Времени оставалось все меньше. До столкновения пять минут.

— Думаем, думаем, не останавливаемся! — крикнул я.

Если умереть, то хоть в труде, с оптимизмом представляя себе счастливое будущее. Прошло три минуты, волножители допели последний куплет про Чебурашку и взялись горланить «Голубой вагон».

«Ах, зачем же этот день кончается, пусть бы он тянулся целый год!» — невольно пропел я вместе с ними.

Мысли начали путаться. Становилось все труднее представлять себе падающий на планету астероид. Я открыл глаза. Часы застыли на цифре 12.11. Отсчет времени прекратился.

Что?

Нет, не так. ЧТО?!

Сидящий рядом со мной Леклер тоже открыл глаза.

— Мы уже умерли? — спросил он. — Было не больно. Мне даже понравилось.

— Загробная жизнь вам понравится гораздо меньше, — мрачно сказал я. — Произошла неприятность. Я случайно отвлекся и подумал... не то. Короче, мы застряли во времени!

На лице Леклера сменяли друг друга разные эмоции: удивление, недоверие, страх и наконец предельная озабоченность.

— Что конкретно ты подумал?

Я повторил сточку из песни.

— У волножителей смутное представление о земном времени. Для них день — любое отдельное мгновение.

— Знаю, — сказал Леклер. — Наслышан. А как насчет года?

— Что год, что бесконечность — все едино. Так что мы можем отморозиться в любой момент.

— Или не отморозиться вообще.

За нашим разговором безмолвно наблюдала вся школа.

— Что ты натворил?! — вдруг закричали учителя.

Поднялся жуткий гам. Пуще всех надрывался Кунь, который в детстве посмотрел фильм «День сурка» и с тех пор имел фобию — попасть во временную петлю. Его психотерапевт уверял, что можно расслабиться по этому поводу, время неостановимо, но, как оказалось, есть многое на свете, что неизвестно даже психотерапевтам.

— Давайте взглянем на проблему под другим углом, — предложил я. — Нам пока ничего не угрожает! Живи не хочу!

— Вот ты так и живи, а я не хочу, — крикнул Кунь.

— А может, еще раз попробовать спеть? — предложил Джон. — Будем дружно представлять себе разморозку.

— Нет, хватит с нас доморощенного волшебства, — отмел идею Леклер. — Кто вас знает, о чем вы подумаете. Давайте поймем, что можно сделать в создавшемся положении. Где границы временной зоны?

— Судя по всему, они протираются на ближайший парсек, — сказал учитель земной физики Мартин Шульц. — Астероид застыл на подступах к школе и не движется. Если изменить масштаб карты, то видно, что в парсеке от нас пролетает комета. Значит, действие поля, в которое мы попали, на нее не распространяется.

— Не ясно, почему мы можем двигаться, — сказала Мариам.

— Видимо, это каким-то образом было заложено в мысли Михаила, — предположил Леклер.

Я услышал пренебрежительное фырканье Мелани. Жаль. Стать героем в ее глазах мне так и не удалось. А ведь я был к этому близок! Если взглянуть на вещи трезво, я уже дважды всех спас: сначала от Зла, потом от астероида. Да, не без проблем, но главное — результат. Люди живы, никто не пострадал. Воцарились относительный мир и спокойствие.

— Как вы думаете, мы сможем увести корабль отсюда, или он тоже застрял? — спросил я у Шульца.

— Застрял, — грустно ответил Шульц. — Смотрите сами. Координаты не меняются, а мы ведь летели с приличной скоростью в сторону сектора 10Н. Даже если бы отказал двигатель, нас продолжило бы нести туда. А мы висим на одном месте вопреки всему.

— Черт!

Натворил я дел. И как теперь выкручиваться?

— Давайте опираться на факты, — сказал Леклер. — У нас есть неподвижный корабль и некоторые запасы продовольствия. Придется очень жестко экономить, иначе мы и месяца не протянем.

— А как насчет остальных? — задумался Джон. — Военные, ученики? Они тоже бодрствуют, как и мы?

— Попробуем это выяснить.

Учителя принялись обзванивать свои группы. Вскоре выяснилось, что все, кроме нас, попали во временную петлю и безмолвствуют.

— Тем лучше, — сказал Леклер. — Не кормить лишние рты. Нам и самим мало.

— А как мы выберемся из кают? Мы заблокированы! — напомнила ему Мариам. — Сдохнем поодиночке.

— Без паники. Давайте попробуем взломать блокировку.

Леклер разослал всем коды управления, которые ему как завучу предоставила администрация. Каждый в меру своих способностей пытался атаковать центральный терминал, но ничего не выходило. Злой, как само Исконное Зло, Джон не выдержал напряжения, схватил стул и принялся выбивать дверь.

Через мгновение он был на свободе. Мы с завистью наблюдали, как он идет по коридору мимо застывших в разных позах военных, словно прогуливается по древнему музею восковых фигур.

Джон отпирал каюты и выпускал учителей. Подходя к жилищу Леклера, он вел за собой толпу, как древний вождь, готовый показать своему народу новые земли. Мы с завучем вышли в коридор последними. Волножителей освободить не стали — они попросили оставить их в каютах. Я подозревал, что двери для них — не препятствие. Улетят, когда захочется.

Леклер принял на себя командование нашим небольшим отрядом.

— Слушайте все! Сейчас мы разделимся. Группа А идет в столовую и делает опись продуктов. Продукты запереть в кладовке, ключ отдать мне. После расчета дневного пайка я назначу ответственного за его раздачу.

Учителя зашумели. Леклер поднял руку, призывая их к молчанию.

— Спорить будете потом. Если не взять под контроль питание, мы очень быстро останемся без еды.

— А гидропонный сад? А съедобные фикусы? — спросила Мелани.

— О них — отдельный разговор. Пока давайте работать с имеющейся провизией, а не с потенциальной.

Я с уважением посмотрел на Леклера. Кажется, в нем умер великий стратег. Мариам бросала в его сторону огненные взгляды. И даже у Юкико подозрительно блестели глаза.

— Группа Б, — продолжал Леклер властным голосом. — Начинает эвакуацию обездвиженных в летательные средства. Грузите шлюпки до отказа.

— А как грузить-то? — спросил Джон. — Мы учителя, а не тяжелоатлеты.

— Я отключу антиграв. Дотащите. Сортировать не будем, в любой момент время вернется в нормальный режим, поэтому пихайте в любом порядке. Одну спасательную капсулу оставьте свободной — в ней полетим мы.

Джон угрюмо кивнул.

— Это все? — спросила Мариам.

— Нет, — ответил Леклер. — Группа В идет на капитанский мостик и разрабатывает сценарии выхода из временной петли.

В группу В входили я, Леклер и Мелани.

— Несправедливо! — возмутился Кунь, совершенно выбитый из колеи необходимостью погрузки огромного количества тел.

Леклер знаком заставил его замолчать.

— Вся критика традиционно принимается в письменном виде. И после того, как закончится этот бардак. А пока — за работу.

Учителя побрели выполнять распоряжения.

Добравшись до капитанского мостика, где, судя по причудливым позам, еще совсем недавно царил паника, я внезапно подумал, что если корабль лишен движения, то гравитацию на нем изменить не получится. Но к моему удивлению Леклер, сверившись с инструкцией, уверенно нажал пару кнопок, и нас подняло в воздух. Ощущения были не из приятных.

— А теперь давайте решим, что делать, — сказал Леклер, проплывая мимо меня в позе эмбриона.

— Оставим все, как есть, — предложила Мелани. — Против времени мы бессильны. Дождемся разморозки, нырнем в капсулу и улетим отсюда навсегда.

— А если разморозка случится через двести, триста лет?

— Тогда героически умрем, — сказал я.

— Надо поискать варианты, при которых этого не случится, — напирал Леклер. — Миша, ты у нас главный по нештатным ситуациям. Жду твоих идей!

— Они иссякли, — отрапортовал я. — Да и каждый раз, когда я что-то пытаюсь делать, выходит чепуха.

К моей досаде, Мелани активно закивала.

— Может, попробуем еще раз фокус с волножителями? — спросила она. — Только проверенным составом, без Миши.

— По-моему, стоит с ними сначала поговорить.

— Кстати, а как ты вообще узнал, что волножители могут останавливать время? — поинтересовался Леклер.

— Не останавливать время, а менять реальность, — поправил его я. — Когда я выиграл в лотерею очки и надел их, я увидел странные пузыри. Один из них окружил твою голову и ты сказал Мариам, что не хочешь жениться на ней.

— Лучший момент в моей жизни! — улыбнулся Леклер, но тут его улыбка погасла. — Значит, я не сам? Это все пузырь?

— Он позволил мечте стать частью жизни.

— А волножители тут причем? — нахмурилась Мелани.

— Пузыри появляются, когда они поют. Проблема в том, что не всякий пузырь на тебя сядет. У них своя логика, которую я так и не понял. Но если мы будем пытаться, когда-нибудь преуспеем.

Леклер задумчиво почесал плешь.

— Тогда мы соберем волножителей, скажем, в учительской и по очереди будем дежурить там, думая о разморозке.

— Все же стоит сначала обсудить с ними наш план, — сказала Мелани. — Может, они

подскажут что-нибудь дельное.

И мы отправились к Чпычу, лидеру хора. В каюте, где он проживал, было пусто. Волножители не нуждались ни в мебели, ни в одежде, ни в прочих радостях жизни.

— Чпыч, вы здесь? — неуверенно спросил я.

— Предположим, да, — недовольно откликнулся он. — Вы пришли попросить меня вернуть все, как было?

— Да, — подтвердил Леклер. — Мы хотим выбраться из временной петли. Можете нам помочь?

— Могу, — странным тоном сказал Чпыч. — Но не имею ни малейшего желания.

— Почему? — вскричала Мелани. — Вы ведь тоже застряли вместе с нами.

— Мы-то как раз свободны. Время не сдерживает нас, мы его хозяева, а не рабы, в отличие от людей.

— Тогда что вам нужно? — спросил я.

— Как это мило! Он торгуется, — рассмеялся Чпыч. — У тебя, человек, нет даже денег. Что ты можешь мне предложить?

— Искреннюю благодарность? — сказал я. Чувство безнадежности накрыло меня с головой.

— Хм, — протянул Чпыч раздумчиво. — Уже неплохо.

Тренькнул пульсопланшет Леклера: появилось сообщение от группы А о том, что еда сосчитана. Список прилагался. По приблизительным оценкам запасов должно было хватить на полгода, если съедать в день по 200 граммов еды на брата. От подобной перспективы желудок отчаянно взвыл.

— Чпыч, требуйте, что угодно! — горячо сказал я. — Мы напишем вам благодарственное письмо, падем в ноги и назовем нашим царем, поставим вам памятник в любом обитаемом месте, только запустите время.

— А как же астероид? Он вас размажет.

— Капсулы готовы к старту. Мы улетим.

— Хорошо. Тогда вот мое требование. Мы долго пели для вас, пришло время ответного жеста. Хотелось бы услышать песню «Show must go on» в вашем исполнении. И если сфальшивите, договор будет расторгнут!

Растерянные, мы полетели на капитанский мостик. Учителя из группы Б, усиленно толкаясь от стен, тащили неподвижных инопланетян. Эвакуация продолжалась еще некоторое время — по внутреннему ощущению, прошло восемь часов, а то и больше. Мелани откровенно зевала, Леклер орал распоряжения в пульсопланшет.

Когда все капсулы, шаттлы и катера были забиты до предела, оставалось еще около трехсот живых существ, которых некуда было деть.

— Дадим им умереть? — мрачно спросила Мелани.

— А выбор есть? — огрызнулся Леклер. — Кто знал, что эта школа — чертов «Титаник»? Не на плотках же их в открытый космос спихивать!

— Отдаю свое место в капсуле, — спокойно сказал я.

— Миша, ты что? Нет! — закричал Леклер. — Ты летишь с нами, это не обсуждается.

— Я сделал свой выбор. Остаюсь. В конце концов, тут мой миллион кредитов наличными, я его честно заработал и не расстанусь с ним ни за что.

— Тогда мы тебя свяжем и понесем силой! — сказал Леклер. — Нашел время строить из себя героя.

Я сделал вид, что согласился, а сам подумал о том, как все запуталось. От обилия событий голова шла кругом.

Тем временем Леклер решил, что коллективу лучше выспаться, а потом приступить к репетиции песни. Гравитация вернулась в норму, и мы привычно улеглись в учительской, натаскав туда матрасы. Расставаться даже на короткое время было страшно. Мелани легла рядом со мной.

— Обижаешься? — шепнула она мне на ухо.

— Нет, — ответил я. — У меня нет на это времени.

— Хочешь опять встречаться?

— Это предложение или вопрос?

— Вопрос.

— Тогда нет.

— А если предложение?

— Тоже нет.

Мелани возмущенно фыркнула. Рядом с нами взорвался богатырским храпом Джон, который перевернулся во сне на спину.

— Миша, ты только обязательно улетай с нами, — попросила Мелани.

— Ладно, — пообещал я. Врать мне было не впервой.

Она отвернулась и засопела в подушку, а я долго смотрел в потолок, пытаюсь разглядеть в нем ответы на свои вопросы.

Проснувшись, Леклер поднял остальных, дал время прийти в себя, раздал пайки, после чего Мариам взялась учить нас пению. Хороших голосов не было. Только Мелани хоть что-то могла, остальные гнусавили, сипели и фальшивили на разные лады. Мариам, стиснув зубы, управляла нестройным учительским хором. Чпыч прилетел взглянуть на репетицию и от души веселился в углу.

Через некоторое время нам удалось более-менее приладиться друг к другу. Мариам поработала с каждым отдельно, и стало получаться лучше. Наконец она заявила, что все готово, можно исполнять. Волножители собрались в учительской, чтобы насладиться комическим номером. Мы затащили песню. Не имевший музыкального слуха Шульц бил ложкой по стене, изображая ритм-секцию.

Когда мы добрались до последнего куплета, пространство вокруг нас подернулось пленкой, и мы ввалились обратно во временной поток.

— В капсулу! — скомандовал Леклер.

Учителя бросились в коридор. На повороте к спасательному отсеку я потихоньку отстал и шмыгнул в открытую дверь незнакомой каюты. Пока все спали, я затащил в капсулу, на которой мне предстояло улететь, десять ретро-хордовых шаров и одного цефеанина. Теперь я должен был сразиться с астероидом.

Одна за другой стартовали капсулы. Я с удовольствием наблюдал за ними с капитанского мостика. И вдруг краем глаза я уловил движение за спиной.

— Мелани, что ты здесь делаешь? — спросил я.

— То же самое, что и ты. Геройствую.

— Немедленно улетай! Тебе здесь не место.

— Пока мы перебираемся, время уходит. Ты ведь хотел попробовать договориться с астероидом?

— Если он разумный, — сказал я.

— Так давай, вперед!

Я развернул окно со списком универсальных космических кодов и набрал фразу: «Остановитесь, пожалуйста!» Бортовой компьютер перевел ее в сигнальный вид и отправил в сторону астероида. Тот упрямо продолжал лететь вперед. Я перебирал фразу за фразой, ища то, на что может среагировать агрессивное космическое тело. Наконец, истощив запас идей, я написал слово из трех букв — и астероид неожиданно затормозил. На экране появилось ответное сообщение.

«А вот это уже ни в какие ворота!»

Мелани радостно захлопала в ладоши.

Окрыленный удачей, я набрал текст: «Будешь сблизаться, я тебя еще больше оскорблю!»

Астероид задумчиво висел в трех тысячах километров от нас. Капсулы удалялись на безопасное расстояние. Шаттлы и картера прокладывали дальние курсы. Надо выиграть для них время. Известно же, что все негодяи перед финальным ударом любят обсудить дальнейшие планы. Уверен, астероид-убийца склонен следовать этой традиции.

«Может, договоримся?» — написал он через минуту.

«Давай! Предложения?»

«Вы меня не обижаете, а я врезаюсь в вас на меньшей скорости».

«Не пойдет», — ответил я и написал сразу несколько слов, за которые мне в детстве бабушка драила с мылом язык.

«Послушай, я вообще в вас не буду врезаться, — взмолился астероид. — По правде сказать, мне самому это не очень нравится».

«Ты на правильном пути!»

Астероид замолчал. Он продолжал двигаться в нашу сторону с прежней скоростью, и у меня по спине пошли мурашки. Что если это не я ему заговариваю зубы, а он мне? Мелани сжала мою руку до боли.

«Раз уж мы начали говорить о проблемах... Я тут ищу кое-что», — вновь вступил в переговоры астероид.

«Я весь внимание!»

Приборы показывали, что скорость астероида упала. Он начал отклоняться сторону. Я едва дышал. Рядом трепетала Мелани, и ее присутствие придавало мне сил.

«Слушай же, незнакомец, печальный рассказ о моей судьбе. Я не всегда был астероидом! Некогда я служил Великому царю, объяснял ему смысл жизни и читал книжки на ночь».

«Имя этого царя случайно не состоит из двух миллионов слогов?» — спросил я устало.

«Да. А как ты догадался?»

«Я с твоим царем на короткой ноге».

«Не понял, — растерянно написал астероид. — Какая еще нога? И почему короткая? Это какая-то форма инвалидности?»

«Прости, я забыл, что ты не в курсе современных поговорок. Я и твой царь — приятели. Я ему жизнь спас».

«Вообще это ты зря, — сказал астероид. — Ты в курсе, что он тиран, кровопийца и угнетатель? Я долгие годы мечтал его свергнуть, готовил заговор. Наконец мне удалось создать пространственно-временную дыру, в которую утекала энергия Вселенной. Царь всполошился, полетел ее устранять, но оставшийся на престоле наместник разоблачил меня,

превратил мое тело в камень и вышвырнул в открытый космос».

«С тех пор ты мстишь всему живому?»

«Нет, пытаюсь счистить каменную шелуху, под которой огнем горит мое живое сердце. Но пока ничто во Вселенной не оказалось тверже меня».

Разговаривая с астероидом, я не спускал глаз с приборов. И только когда мы разминулись, я выдохнул, а Мелани издала тихий всхлип. Астероид мирно летел параллельным курсом, чуть впереди. Сотня оставшихся на борту существ была спасена.

«Мы пришлем к тебе команду бурильщиков, и они счистят лишнее. Как тебе такое?»

«Надо попробовать».

И тут с громким хлопком на капитанском мостике возникло Зло.

— Ага, попался, предатель! — закричало Зло. Мы с Мелани рухнули на пол, а астероид стремительно набрал скорость и понесся прочь.

— Стой! Я с тебя шкуру спущу! — и Зло бросилось вдогонку за своим бывшим советником.

— Что нам делать? — спросила Мелани. — Вызывать бурильщиков?

— Не стоит. По-моему, сейчас произойдет сеанс экстренной очистки. И порки.

— Значит, победа?

Я посмотрел на Мелани и честно сказал:

— Почти. Я не умею управлять кораблем, и мы летим черт знает куда.

Мы уставились на приборы. Один за другим возникали окна сервисных сообщений. Светились экраны, подмигивали друг другу виртуальные кнопки. Как заведовать этим хозяйством? Где тут педаль газа, тормоза?

— «Богатырь Микула Селянинович», у вас все в порядке? — раздался незнакомый голос. — Ответьте!

— Да-да! Мы живы. Легли в дрейф, — сказал я торопливо. В голове отчаянно всплывали полужнакомые слова из детских книг про морские путешествия: «кильватер», «зюйд-вест», «шпангоут». Хотелось ляпнуть их все разом, но я боялся, что спасательная служба после эвакуации направит меня сразу же в дурдом.

— Готовьтесь к стыковке!

— Готовимся. А делать-то что?

— Ничего. Мы справимся сами.

Мы с Мелани спустились на нижний уровень. Аварийная служба прибыла на вместительном катере. Навстречу нам вышел отряд из двадцати человек, одетых в легкие скафандры.

— Майор Джейсон Уотс, — представился лидер группы. Судя по голосу, именно он только что разговаривал со мной.

— Михаил Смирнов, учитель, — отрапортовал я. — Готов к труду и обороне.

— Вы уже прекрасно поработали, сэр, — с чувством сказал майор Уотс и крепко пожал мне руку. — Мы следили за вашими переговорами с астероидом-убийцей. Вы проявили храбрость, которую редко встретишь среди гражданских. Я доложу об этом командованию, чтобы вас приставили к награде.

Все захлопали, а Мелани бросилась мне на шею, нежно прошептав: «О, мой герой!»

Так я победил и зеленых человечков, и Исконное Темное Зло, и астероид-убийцу. Моим именем назвали школу языков, а волножители спели обо мне панегирик собственного

сочинения на концерте в Доминион-плаза. Миллион кредитов, полученный от Зла, я положил в банк и зажил на проценты. Мелани согласилась выйти за меня замуж, и у нас тут же родились близнецы. Снорри до конца своей короткой жизни посылал мне открытки на Новый год, а Леклер с Мариам поселились рядом и ходили ко мне в гости на вечерний чай.

Что, поверили?

Нет, серьезно? Поверили?

Ха!

Больше книг на сайте - Knigolub.net